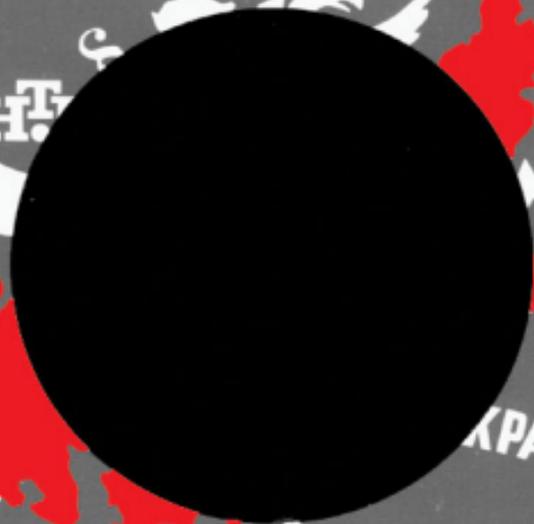
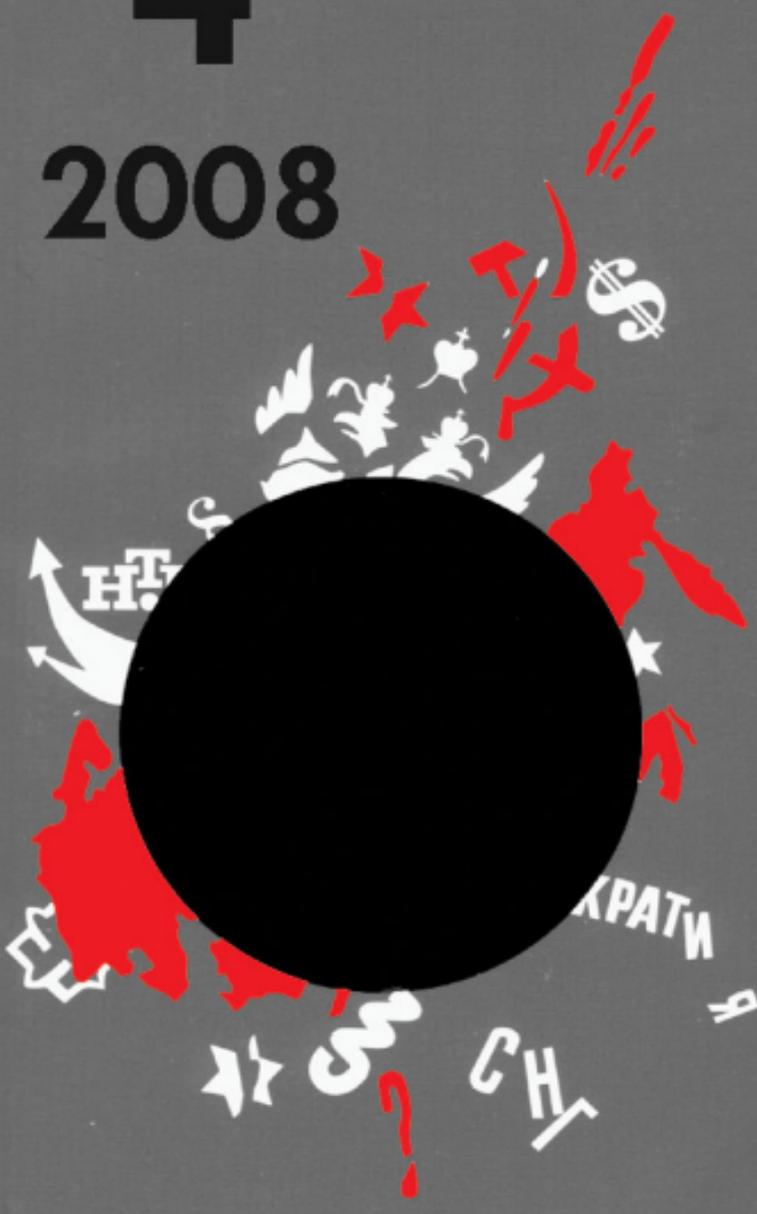

4

2008

РОСССНЯ XXI

4. 2008 июль-август

Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

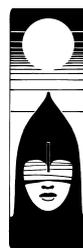
Российская элита и вызовы времени _____ **4**

Геоглобалистика

Олег Гринеvский

Крутой перелом
в объединении Германии _____ **44**

Национальная доктрина

Хажисмель Тхагансоев

Россия сегодня — «бытие в превращенных
формах»? _____ **68**

Грани катастрофы

Ирина Кургинян

Проект «КРАНО-ДЕЛ».
Сепаратизм в современной России:
факты и тенденции _____ 90

Страницы истории

Валентина Марьина

Э.Бенеш: между Лондоном и
Москвой. От проекта чехословацко-
польской конфедерации к идее
советско-чехословацкого договора
1943 г. (окончание) _____ 116

Россия в мире

Марк Лапицкий

Из дневника дилетанта-
путешественника _____ 150

Contents in English look at the page 184

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

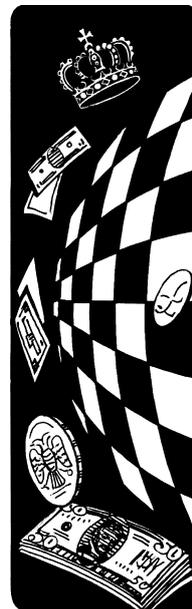
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

**Вера в скрытый смысл истории
является одновременно и мужеством –
мужеством верить
в глубинное значение самой
что ни на есть трагической истории,
испытывать доверие
и идти на самопожертвование
в самый разгар борьбы...**

Поль Рикер

Все, что есть в жизни общей, непременно так или иначе воздействует на единичных лиц, усваивается ими и только в них и чрез них доходит до своей окончательной действительности, или завершения; а если смотреть на то же самое дело с другой стороны – в жизни личной все действительное ее содержание получается чрез общественную среду и так или иначе обусловлено ее данным состоянием. В этом смысле можно сказать, что общество есть дополненная и расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное, общество.

Владимир Соловьев

Сергей Кургинян

РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

The article deals with challenges that are urgent for contemporary Russian elite. The present day geopolitical, ideological and spiritual context requires from Russia an adequate attitude to survival problems in complicated conditions of the big strategic game which is pursued for redistribution of global resources, for global supremacy and, in the final resort, for human minds. The Russian elite take risk losing this struggle once again. That happened repeatedly in our history. Russia needs development as much as the air. The country needs to strain all its forces in order to prevent the catastrophe of disintegration and anomie. Principles that development leaders may follow amount to activation of intangible assets, to expansion of production, to imposition of cult of labor and Law, to confirmation of a value system which would exclude backward motion to the traditional and archaic state. Sure, any modernization, any reform, any action will be stopped without clear understanding of who precisely will carry out the project. "Reflection on the subjectivity", cultural revaluation, definition of social core groups that will actively support modernization are the most important complex of demands that are to be lodged to people who perform strategic planning with expectation of success in the nearest future.

ЦЕНА МОДЕРНИЗАЦИИ

Есть несколько типов понимания. Один – когда умом понимаешь, а сердце в этом не участвует. Другой – когда на уровне переживаний тебе кажется, что твое понимание носит

абсолютный характер. А сформулировать что-либо трудно.

Для многих тот или другой тип понимания является высшим. Но для меня высший тип понимания такой, когда разлада между умом и сердцем нет.

Разлад же является следствием отсутствия того, что я называю «точкой сборки» или «фокусировкой». Без этой точки нельзя собрать воедино противоречивые начала (чувства и мысли, образы и понятия и т.д.). Найти же такую точку совсем непросто. Но, если разлад и порожденная им МУТНОСТЬ твоего понимания тебя не устраивают, ты будешь вести себя как та самая лягушка из притчи, которая, попав в горшок со сметаной, начала бить лапами.

И рано или поздно добьешься искомого – «собьешь масло и выпрыгнешь». На что-то натолкнешься, с чем-то встретишься. И вдруг возникнет эта самая фокусировка. А остальное – дело техники. Фокусировку надо удерживать. Вокруг нее надо выстроить систему точного понимания происходящего. Это известно, как делать.

А вот сама фокусировка... Тут надо «бить лапами» и быть готовым к самым неожиданным мессиджам, превращающим мутное (сметану) в ясное (сбитое твоими лапами масло).

Элита и народ... Постсоветский процесс нес в себе нечто качественно новое в отношениях между этими «макросоциальными величинами». И новизна была существенной. В каком-то смысле, глобально значимой. Мы опять оказались слабым звеном в некоей цепи. Какой?

Что-то я понял достаточно быстро. Но ясности в моем понимании не было. Не хватало этой самой фокусировки. Я понимал, что добьюсь ее, и терпеливо ждал нужного мессиджа. И дождался.

«Круглый стол» в одной газете... То, что называется «элитные интеллектуальные посиделки»... Все выступили... После этого хозяева накрыли стол... А люди еще достаточно интеллектуально разогреты и не готовы перейти на светскую болтовню... Шлейф спора тянется из конференц-зала в зал банкетный... Но, конечно, спор меняет качество. Обязанности жестко спорить уже нет, закуска и выпивка...

Я еще на «круглом столе» задел собеседников. Начал рассказывать о том, что такие-то и такие-то элиты (отнюдь не либерального толка)

допустили распад СССР, обещая классическую модернизацию России (модернизация – это всегда буржуазный процесс), создание нации (нация – субъект и продукт модернизации) и прочие позитивы, невозможные в советской империи. Что трудность борьбы с этими элитными группами состояла в том, что они выступали как радетели о благе России. И обвиняли противников в корыстно-инородческом нежелании сделать государство национальным.

И вот перешли мы из одного зала в другой. Собеседники, раздраженные такой моей формулировкой (приятно и привычно обвинять во всем либералов, а я посягнул на другое), продолжают меня атаковать. Я перехожу в контратаку. Привожу аргументы. И еще больше раздражаю собеседников. Наконец, я беру быка за рога и говорю: «Ладно, дело прошлое. Империи нет. Издержки чудовищные. Но где обещанная модернизация? ГДЕ ОНА, я спрашиваю? Вот по этим признакам ее нет, и по этим, и по этим!»

Собеседники, понимая, что я прав, заводятся еще больше. Хотя казалось, что дальше некуда. А тут еще накрытый стол, отсутствие микрофонов. Компания тесная. И один из собеседников говорит: «Да что Вы несете ахинею! Вы ничего не поняли в самом проекте! Речь шла не о модернизации страны, а о модернизации элиты».

Застольный шум как-то сам собой затихает. Я в этой тишине спрашиваю: «ЗА СЧЕТ ЧЕГО?»

Собеседник, услышав тишину, делает паузу. Но, поскольку страсти кипят и внимание обращено на него, он не может не ответить. И после паузы отвечает: «ЗА СЧЕТ ВСЕГО!»

И вот тут я все понимаю. Точнее, в моем понимании, наконец, возникает давно искомая фокусировка. Я потому и рассказываю так подробно, что надеюсь это фокусировочное, почти неуловимое, «интеллектуальное ощущение» как-то передать читателю.

Если продолжается модернизация элиты «за счет всего» – тогда какое развитие? И что такое эта «модернизация за счет всего»? Что входит во «всё», за счет чего должна происходить модернизация?

Модернизация всегда происходит за счет традиционного общества. Это касалось и английской, и советской модернизации. Сталин не мог проводить индустриализацию без коллективизации. Как не мог он проводить ее и без ПОДЛИННОЙ культурной революции (маоистский вариант – это, как мы понимаем, другое). Поскольку сталинская модернизация не была буржуазной (и в этом смысле ее нельзя считать классической), то и с традиционным компонентом общества происходило нечто далекое от канона.

С одной стороны – этот компонент ломали (так ведет себя любая модернизация). А с другой стороны – восстанавливали. Что такое колхозы и совхозы? В каком-то смысле – это модерн (тракторы и все прочее). Тем более, что дальше были проекты индустриализации сельского хозяйства (вплоть до агрогородов). А в каком-то смысле – это возврат к общине, то есть к традиционному обществу.

Кто-то скажет: «Вторичное закрепощение». И для этого есть определенные основания. Хотя назвать это закрепощением у меня лично язык не поворачивается. Да, паспорта были отняты, и многое другое свидетельствует о возвращении к «добуржуазному». Но... как бы это сказать? Фильм «Свинарка и пастух» в крепостной России был бы невозможен. Я не хочу сказать, что реальная свинарка и реальный пастух напоминали показанных в фильме. Конечно, это был культурный миф. Но в крепостной России и миф такой был бы невозможен. Был бы другой миф.

Впрочем, что об этом спорить? Одни говорят, что в спорах рождается истина. Другие – что она в них гибнет. Тут все зависит от типа спора. Кто хочет добыть в споре истину, тот ее и получит. А кто не хочет – с тем, сколько ни спорь, все бессмысленно.

Но то, что в данном случае является предметом исследования, инвариантно к оценке социального качества сельскохозяйственного сектора при Сталине. Достаточно признать, что это качество было атипичным. Конечно, это был новый вид общинности, а не возврат к традиции в чистом виде, но, в любом случае, это не было превращением традиционной общинности в прах, в выметаемый мусор. А именно так поступает классический модерн с тем укладом, который должен сыграть роль жертвы, положенной на алтарь модернизации.

Подчеркну еще раз, что любая – да, именно любая! – модернизация предполагает такую жертву. И не надо мне говорить, что в Америке не было уклада, приносимого на алтарь модернизации. Был он! Весь Юг был принесен в виде жертвы на алтарь модернизации. Миллионы людей убиты. Определенный уклад разрушен. Негров, конечно, освободили, и это хорошо. Но уклад разрушили, и притом беспощадно. А ранее в обители либерализма, в Великобритании, беспощадность такого разрушения была еще больше.

Принцип модернизационного проекта в этом смысле очень прост. Есть некая многоукладность. Одни уклады тормозят развитие. Другие (или другой) его стимулируют. В какой-то момент оказывается, что без развития нельзя. Потому ли оно нужно, что иначе страну завоюют соседи... Или без развития социальное загнивание перейдет в стадию гангрены... Или произойдет и то, и другое сразу... Но развитие нужно.

Кроме того, уклад, стимулирующий общее развитие, сам себя развивает ускоренным образом. У тех, кто интегрирован в этот уклад, появляются новые возможности, а также желание этими возможностями воспользоваться. Обладатели возможностей знают, что им нужно делать: им нужно брать власть.

И они, раньше или позже, в большей или меньшей степени, ее берут. Либо сметая упрямые косные классы (французский вариант). Либо договариваясь с менее упрямыми классами (английский вариант). Но, в любом случае, без «кровопускания» дело не обходится. Вопрос в масштабах и беспощадности кровопускания. Кромвель – это тоже кровопускание. Меньшее, чем Робеспьер и Сен-Жюст. Но очень существенное.

Хорошо, взяли власть... Монополю или на паях. Огляделись. И поняли, что кого-то надо экспроприировать. А экспроприируемое направить на модернизацию.

Кого экспроприировать? Тех, кто (а) имеет нечто, могущее быть предметом экспроприации, и (б) трудно совместим с той модернизацией, для которой нужна экспроприация.

Исторический опыт показывает, что экспроприация в колониях (внешняя, или аллохтонная) может смягчать экспроприацию в метрополии (внутреннюю, или автохтонную). Но решающей все равно оказывается автохтонная экспроприация.

Если модернизация носит догоняющий характер, то экспроприация должна быть максимально быстрой и потому особо интенсивной. А экспроприировать надо такой ресурс, который можно конвертировать в технологии. Вывезти из страны, продать, на полученную валюту купить то, что нужно для модернизации, и начать укоренять купленное в стране.

Сталинская (вновь подчеркну, что не до конца типичная по многим параметрам) модернизация поступила именно так. Продать можно было сельскохозяйственные продукты. Других не было. Для того, чтобы их продать, нужно было изъять их у своего населения. Изъять их у населения было можно только изменив ту социальную матрицу, в которую население было «упаковано».

Матрица эта называлась НЭП. Она дала возможность накормить страну после разрухи, порожденной гражданской войной и так называемым военным коммунизмом (который только и позволил выиграть гражданскую войну). Но она, эта нэповская матрица, не позволяла изъять у крестьянства за низкую плату излишки сельскохозяйственного продукта, который можно экспортировать.

Достоверна ли исторически известная притча о сибирском мужике, якобы сказавшем Сталину: «Ты мне, рябой, спляши, а тогда я, может быть, тебе и дам хлебушек», – сказать трудно. Может быть, да, а может быть, нет. Но то, что эта притча достоверна исторически, вряд ли может вызывать какие-либо сомнения.

Коллективизация сломала нэповскую матрицу. И позволила изъять и продать на Запад колоссальное количество сельскохозяйственной продукции. А где еще можно было взять станки, паровозы, трактора, прокатные станы и прочее? И на какие деньги надо было это все покупать?

Дополнительным трагическим обстоятельством, подхлестнувшим процесс, стал мировой кризис капитализма, начавшийся в 1929 году. Для марксистской политической элиты СССР этот кризис означал точку бифуркации. Либо за кризисом последует мировая коммунистическая революция, и тогда Советский Союз должен ее оседлать, для чего нужна индустрия, соответствующая армия и все остальное. Либо за кризисом последует буржуазная реакция и война. И тогда главный, на кого нападут, – СССР. А что, на самом деле марксистская наука была для тогдашней элиты СССР, да и страны в целом, плохим компасом? Ведь напали!

Кризис капитализма требовал ускорения модернизации. Будет все развиваться позитивно или негативно – все равно ускорение необходимо. Но ведь кризис-то был еще и кризисом снижения спроса и перепроизводства. Капиталистическое хозяйство само ломилось от избытка сельхозпродукции. Западные корпорации сжигали и закапывали продукты, чтобы избежать обрушения цен. «Вломиться» на этот перенасыщенный рынок СССР мог только (а) используя умелых посредников и (б) играя на понижение. В экономической истории это вторжение советских сельхозпродуктов на мировой рынок называют «советский демпинг».

К чести тогдашней советской элиты (и к стыду нынешней) могу сказать, что деньги, полученные за тот, политый кровью и слезами хлеб, никто не украл. Они пошли по назначению. Никто не перевел часть денег на западные счета. А различного рода мифы по этому поводу – грязные пиар-агитки, не выдерживающие столкновения с точными историческими данными. Никто также не играл в «отстежки», «откиды» и прочее. Западным фирмам, строившим наши промышленные объекты и ввозившим нужное для их работы оборудование, платили хорошо. Но не более того.

Посредники наживались. Но где вы найдете посредника, который не захочет нажиться? Поэтому «ужастики» про Хаммера и многих других

недостовверны и являются пошлой бытовухой. Заводы построили? Электростанции построили? Войну выиграли? Раз это все сделали, то в макро-социальном смысле – ничего не украли.

И вообще, не этим жили. Было растущее элитное социальное высокомерие, породившее феномен номенклатуры. Были конфликты, игры, интриги. Но все это тонуло в сумасшедшем, ненормированном труде. И четком понимании того, что, попробуй только не решить поставленные задачи... Потеряешь разом все: и высокомерие, и качество жизни, и жизнь как таковую. Но, опять же, не это главное.

Первый элемент модернизации – экспроприировать уклад-донор (или уклад-жертву) и аккумулировать некий товарный потенциал.

Второй элемент модернизации – превратить этот товарный потенциал (экспортируемое зерно или что-нибудь еще) в деньги.

Третий элемент модернизации – купить на эти деньги нужный для модернизации ассортимент товаров (станки, прокатные станы и т.д.) и ввезти его в страну.

Но... но станки и прокатные станы в чистом поле не поставишь. Их надо размещать в заводских корпусах, а корпуса сопрягать с инфраструктурой. Нужно строить корпуса, создавать инфраструктуру. Платить за это строителям так, как делали на Западе, невозможно. Все деньги пошли на станки и прокатные станы. Значит, надо так надавить на уклад-донор, чтобы люди из него сами побежали в нужную сторону, на эти самые стройки, и стали работать за минимальную или нулевую плату. За нулевую плату – это значит арест и Беломорско-Балтийский канал. То есть ГУЛАГ. За минимальную плату – это значит голод в деревне и попытка выскочить оттуда любым способом, не торгуясь о цене с помогающим выскочить работодателем.

Не хватает всего этого? Энтузиазм, комсомол, все, что угодно, чтобы рыть котлованы, месить цемент и строить корпуса. Быстро! Быстро! Иначе зачем машины? Таким образом, четвертый элемент модернизации – выдавливание в нужном направлении дешевой рабочей силы. Вы хотите сказать, что англичане так не делали? Да делали, и с какой беспощадностью! вспомните знаменитые «огораживания». Но англичане все-таки в основном делали это веками. А тут некий грубый модернизационный проект был реализован за десять лет. Вы подумайте – ДЕСЯТЬ ЛЕТ!

Но и это не все. Построили корпуса, поставили станки... Кто работать будет? Ээки тут доминировать не могут. На лесоповале могут, а тут нет. Значит, нужен многомиллионный (допускаемый и фильтруемый) поток сообразительных беглецов из колхозов. А как они побегут, если

не надавить на эти самые колхозы? И не напрямую, а через уровень жизни и прочие элементы социальной фрустрации. Что может быть в этой ситуации эффективнее такого давления? Возникнут отсроченные стратегические издержки? Так они потом возникнут, потом! А сейчас надо быстро строить и выигрывать войну.

Итак, повторяю, **четвертый элемент** модернизации – это форсированная управляемая миграция собственного населения из уклада в уклад.

Пятый элемент – культурная революция (вновь подчеркну – не которая по Мао Цзэдуну, а реальная и вполне удачная). Бежать-то из колхозов бегут. И это в чем-то поощряется, а в чем-то сдерживается. Но кто бежит? Люди социально активные, соображающие, что к чему, но не готовые к работе на заводах. Так их надо подготовить! Обучить. Вышколить. А поскольку обучить и вышколить за короткие сроки нельзя, то надо еще и вдохновить.

Однако вдохновляй не вдохновляй, но плохо обученный и плохо вышколенный работник будет ошибаться. Значит, надо беспощадно наказывать за ошибки. А над массой не до конца готовых людей ставить надсмотрщиков, контролеров. А что еще делать?! В противном случае промышленность захлебнулась бы в бракованных изделиях.

А она не захлебнулась. Наши танки и пушки были бракованными или нет? Если бы они были бракованными, мы бы как победили – останавливая танковые дивизии СС вместо снарядов американской ленд-лизовской тушенкой?

Шестой элемент – качество жизни. Может быть, это решающий элемент. Народ должен видеть, что формируется новая жизнь. Что его не только гонят в ГУЛАГ, колхоз или на завод. Ему еще и дают что-то безусловное, осязаемое, нужное и одновременно благое. Народ должен плакать от радости при виде ДнепроГЭСа или Магнитки. Он должен понимать, что развитие – это его развитие. И он должен что-то получать. От дешевых продуктов и дешевой одежды – до мечты. Какие-то двери в будущее должны быть распахнуты. Какие-то каналы социальной мобильности грамотно выстроены и притягательны: «Иди туда – и будет хорошо». Куда – туда? В уголовку? В ларьки? Нет, на заводы, в ПТУ, на рабфаки, в армию.

Что значит «будет хорошо»? Сытно? В чем-то и сытно. Но еще и потрясающе интересно! Вспомним прозу более позднего Гранина: «Эй вы, люди, знаете ли вы, что вас ждет? А я знаю, я только что оттуда».

Седьмой элемент – военно-мобилизационное сознание. Мы кладем жертвы на великий алтарь. Мы защищаем себя как священное царство,

как великую весть, посылаемую человечеству («весну человечества» – скажет Маяковский).

Никому на свете не удавалось провести модернизацию без этих семи элементов. Вспомните в мировой опыт – и вы везде увидите каждый из них. Их композиции будут разными, будут меняться пропорции, структурные качества. Но принцип останется одним и тем же.

И как этот принцип соотносится с приведенной выше «фокусирующей» фразой: «Модернизируется не общество, а элита. За счет чего? За счет всего!»?

Сталин модернизировал (постоянно буду оговаривать, что на самом деле речь шла об альтернативной, а не типичной модернизации) элиту и народ за счет потенциалов традиционного общества. Но в интересах общества. И не поддержало бы его общество, если бы этого не понимало. А оно его поддержало. Победа или поражение в крупной войне, идущей несколько лет с предельным напряжением народных сил, – вот единственное неопровержимое доказательство поддержки или неподдержки. Сталина общество поддержало – и потому он победил. Николая II не поддержало – и потому он проиграл.

Французские модернизационные элиты... Английские, германские, любые... Они были беспощадны к части своего народа. Но народ они выводили на новые рубежи. Потому что народ, в каком-то смысле, был им нужен. И тут надо понимать, в каком именно смысле (или смыслах). Однако, прежде всего, нужно провести грань между этим «нужен» (вроде бы как иначе, как может быть народ элитам не нужен?) – и «НЕ нужен».

Может, может быть не нужен! Странно это, но факт. Только вот одно при этом надо уточнить... Когда народ НЕ нужен – это модернизация? В каком смысле наша элита модернизировалась «за счет всего»?

Она обогатилась – это понятно. Но почему она «модернизировалась»? Какие тут есть социальные критерии?

ЭЛИТА ГЕДОНИЗМА

Макс Вебер – классический авторитет в этой области. Новый рационализм, протестантская этика, абсолютное значение норм права... Вот что такое критерии модернизации –

и общества, и элиты. Какие-то элементы буржуазного общества могут жить по принципу «гуляй, Вася», даже в условиях форсированной модернизации; могут адресовать к романам Золя, да и много к чему еще. Но это – какие-то элементы.

Локомоционные группы, они же ядро элиты, живут иначе. Был такой Крупп, родоначальник знаменитой индустриальной династии. И была у него горячо любимая жена. Она была тяжелым легочным больным. Но Крупп хотел жить на территории своего завода. И не только потому, что нужно было надзирать за рабочими. Но и потому, что он любил этот завод и заводскую среду с ее атмосферой, даже запахами. Он любил ее целиком и радостно вдыхал угольную пыль и дым труб. Жена Круппа, вдыхавшая эту же пыль, в итоге умерла. Жестоко? Да. Но вся поэзия и проза эпохи пронизана этим. А также презрением к выставляемой напоказ роскоши.

Вандербильты «гуляли и ни в чем себе не отказывали». Но они и догулялись. Это во-первых. А во-вторых, рядом с ними были другие, для которых шиком было отнюдь не гульба, а нечто прямо противоположное. Изношенный сюртук, стоптанные ботинки и очень много работы... А потом эти «другие» приходили к роскошествующему собрату, показывали вексель, собрат бледнел, плакал – и садился в тюрьму. А «другие» всю его роскошь продавали с молотка, и в том же сюртучке и ботинках дальше – топ-топ – строить новый завод.

Скажите: «Это прошлое, отрывка протестантизма и родственных ему шейлоков»? Не вполне. Сколько стоит самая дорогая яхта? Сейчас цены меняются, но я вряд ли сильно ошибусь, если скажу, что миллион долларов за линейный метр. Это если совсем новая, с иголки, или, точнее, с соответствующей голландской верфи. Яхта длиннее ста метров – это уже не яхта, а крейсер. А зачем заводить себе крейсер? Ну, пусть суперяхта стоит двести миллионов долларов. Не верю, что это возможно, но со всеми «прибабахами» – пусть.

Это самое дорогое, что можно купить. Уже дворцы стоят дешевле. Самолеты – тоже дешевле. А все остальное – тем более. Жить сразу в десяти дворцах невозможно. Сойдешь с ума. Есть три раза в день в суперресторанах тоже нельзя: быстро заболеешь. Но, даже если ежедневно обедать в «Максима» и заливаться коллекционными винами, все равно, больше двух–трех миллиардов долларов не требуется.

Мир не провел социальной грани между миллиардерами и мульти-миллиардерами. Между миллионерами и миллиардерами – провел. А дальше – стоп! Имея пару миллиардов долларов, наращивать капитал ради гедонистических оргий – бессмысленно. Тогда что такое обладатели состояний в сто, двести и более миллиардов?

Такие деньги – в чистом виде потенциал Большой Игры. Игроку нужны деньги как фишки на великом покерном столе (это мотивация-минимум) или как ресурс для великого проекта (мотивация-максимум).

Проект может быть очень разным. Одна великая нефтяная семья считала (считает ли сейчас – не знаю), что, пока не овладеет седьмой мировой нефтяной провинцией под названием «Россия», ее миссия не закончена. Ну, так ведь все-таки миссия!

Российская же элита заражена чумой гедонизма. Не нравится слово «чума»? Скажите СПИДом... или холерой... Люди, которые заказывают чашку кофе и дают на чай сто долларов, должны твердо знать, что западный официант сразу же пишет на них донос налоговому. Если история в Куршевеле еще не показала, что к чему, какая-нибудь следующая история покажет это с абсолютной беспощадностью.

Российская элита не называет себя модернизированной. Она говорит, что стала «цивилизованной», потому, дескать, что научилась разбираться в сервировке и пить вино за тридцать тысяч евро бутылка. Если бы она знала, как на нее смотрят! Нет, не тогда, когда можно что-то от нее заполучить, а в следующий момент. В глазах реальных «сильных мира сего» – жестокая издевка. Мол, гуляйте, гуляйте. Пускайте, пускайте пыль в глаза. Все равно придем и все заберем. В сюртучках и стоптанных ботинках. С векселем в руках. Или как-то иначе.

Западная элита веками культивировала в себе беспощадную способность экспроприировать гедонистических «лохов», кичащихся роскошью. Она это не только умеет делать. Она это делать еще и любит. Ну, есть же на свете племена, которые считают достойным и упоительным грабить, а все остальное считают унижительным, скучным и презренным. Это частный феномен так называемого «набегового сознания».

Об общем случае того же самого феномена наши псевдоэлитарии могли бы кое-что понять, если бы внимательно читали Жака Аттали, описывающего будущую мировую «элиту кочевников». Так вот, где элита кочевников, – там и набеговое сознание. Одно без другого не существует. Но поскольку Аттали читать не хотят, то расскажу анекдот.

Бандит поймал золотую рыбку. Золотая рыбка просит: «Отпусти, и тогда исполню три твоих желания». Бандит не понимает, какие еще желания и зачем отпускать? Золотая рыбка объясняет на конкретном примере. Мол, недавно ее поймал рыбак и попросил дворец, яхту и миллиард долларов. Она все это исполнила, и он ее отпустил. Бандит говорит, что все понял, и у него тоже есть три желания. «Какие?» – спрашивает золотая рыбка. Бандит отвечает: «Фамилия этого рыбака, его адрес и телефон».

Поскольку фамилии наших олигархов (как старых, так и новых), а также их адреса и телефоны известны, то даже не нужна золотая рыбка. А криминальность их богатства (реальная или выдуманная – неважно)

вполне может стать «законным основанием» для направления олигархических состояний наших гедонистических псевдоэлитариев на какое-нибудь «благое дело». Например, на финансирование «мировых экологических фондов» XXI века – вроде Фонда борьбы с глобальным потеплением.

Но сами по себе эти печальные перспективы ничего не значат. В ответ всегда могут процитировать Толстого: «Он пугает, а мне не страшно». И потому, что гедонистическое сознание не оперирует большими временными интервалами. Гедонист всегда живет настоящим. А что там будет... Начнешь расширять интервал – окажется, что там старость, смерть... Какой тогда гедонизм? И потому, наконец, что страх сам по себе людей не переделывает. Людей переделывает страсть.

Речь все-таки идет о глобальном игровом столе и возможности за ним оказаться. И не просто оказаться, а выиграть. И не просто выиграть, а выиграть крупно. Наша элита за этим столом оказаться не может по двум причинам. Она ментально не в состоянии вести Большую Игру. Не понимает правил. Вообще отторгает правила. Не овнутряет сложность как особое состояние личности. Да, именно личности целиком. А не только ума.

Такое состояние личности рождается в среде, которую создает та или иная изощренная духовная культура. Какая-то часть западной элиты пока еще погружена в такую среду. Как классическую религиозную, так и иную, соседнюю. А наша элита такую среду игнорирует или превращает в забаву. Ну, в лучшем случае, в успокоительный ритуал.

И, наконец, фишками в Большой Игре являются отнюдь не только деньги. Есть то, что стоит (да-да, в нашем случае именно стоит) больше, чем любые триллионы. Есть еще и то, что находится выше любой стоимости, даже той высшей, о которой я сейчас говорю.

Но сейчас я – о том, что высшую стоимость имеет, а к обычной стоимости не сводится. Специально скажу предельно грубо для того, чтобы не быть заподозренным в романтизме: «Сколько СТОИТ государство, занимающее седьмую часть суши и обладающее ядерным оружием?» Понятно, что Родина бесценна. Но я спрашиваю: сколько стоит такое государство?

Мне могут сказать, сколько стоит его земля, заводы, нефтяные и прочие месторождения и так далее. Но я спрашиваю о другом: сколько стоит государство?

И тут – смотря для кого. Понятно, что человек Идеи вообще в последнюю очередь думает о стоимости, включая высшую. Но человек Большой Игры высшую стоимость учитывает. Он понимает, что если у

него есть такая «фишка», как государство (а желательно – супергосударство), то он в глобальной игре. А в противном случае он бомж. С миллиардами или сотнями миллиардов – неважно.

Гедонисту вы это не докажете. Гедонистическому невроту – тем более. Он вам наверняка скажет, что продать какое-то государство и получить огромные бабки – это «классный проект». А если вы ему начнете объяснять, что при такой продаже он потеряет возможность быть в игре, а значит, потеряет главное, то он уставится на вас как баран на новые ворота. Мол, какая игра, помилуй! Яхта классная, дворец классный. «Оттягиваться» можно сколько угодно...

Такого «привилегированного барана» могут приберечь для будущих шашлыков или нарезать сразу. Но он все равно один из баранов. Баранов много. Эти блеющие существа заполняют собою причалы Средиземноморья, приторные курорты и эксклюзивные бутики. Ельцин, помнится, ногу сломал на Сардинии – в цитадели элитного шопинга. Цитадель эта – невероятно пошлая и скучная, до тошноты. Однако очень, очень престижная. По ней бродят престижные курдюки. И блеют, блеют... А на них смотрят, смотрят...

Очень много у нас этой элитной субкультуры удовольствия («курдючной» субкультуры). И немало элитной субкультуры ненависти (той самой, которая с отвращением говорит о России «эта страна»). Но ведь бывает еще субкультура Идеи и субкультура Большой Игры!

Конечно, нужны нам, прежде всего, «люди идеи». Зачем лично им деньги? Смешно... Но где сейчас найдешь этих самых людей идеи? С ними и впрямь не густо.

Человек Большой Игры – тоже далеко не бросовый ресурс. Ты хочешь играть? Нужны способности и «фишки». Развивай способности и создавай фишки. Фишки – это не деньги. Точнее, не только они. У тебя есть страна? Если нет – пшел вон! Есть – показывай! И показывай не старые ракеты, которые через несколько лет можно будет блокировать с помощью новых супертехнологий. Показывай свое развитие, развивающийся народ. Нет государства без развития и народа. Сумей это все соткать и связать между собой. И тогда играй.

Ну ладно, нет у тебя высшей идеи. А большая игровая страсть есть? Даже если есть, не реализуешь ты эту страсть без народа и государства. Или у тебя не страсть, а только курдюк для будущих чужих шашлыков?

Четыре элитные субкультуры борются в современной России. Субкультура ненависти («эта страна»), субкультура удовольствия (она пока доминирует), субкультура игры и субкультура идеи. От того, какая по-

бедит, зависит судьба народа и государства. А в каком-то смысле, и судьба человечества.

Есть известный анекдот про диссидента, который пишет объявление о пропаже любимой собаки: «Пропала собака, сука... б... КАК Я НЕНАВИЖУ ЭТУ СТРАНУ!»

«Элите ненависти», живущей в соответствии с этим анекдотом, удалось оседлать протестные процессы конца 80-х годов и на паях с номенклатурой разрушить «эту страну».

Какие архетипические начала были разбужены в народе для того, чтобы включить энергию отрицания всего на свете – дела отцов, пролитой крови, жертв, свершений... Как можно было эту энергию включить ... И остается ли народ народом после того, как включена и «эффективно реализована» именно эта энергия, энергия контристорического танатоса...

Здесь я ограничусь констатацией наличия «элиты ненависти». А значит, и «субкультуры ненависти». А также констатацией того, что именно эта элита и эта субкультура возглавили разрушительный процесс, как напрямую, так и под разными, в основном, весьма очевидными и аляповатыми, масками.

Возглавив же процесс и получив беловежский результат, «элита ненависти» продолжила разговор с обществом на все том же языке.

Иногда казалось, что значительная часть общества, далеко зашедшая в плане содействия этой элите, пойдет за ней до конца. Но этого не произошло. Возникло какое-то вялое, но глубинное сопротивление. Возникли и какие-то «оформители» этого сопротивления. Да, слабые... Да, внутренне противоречивые... Но ведь всем понятно, что в итоге языком других элит, не запрограммированных на ненависть, оказалась некая комбинация заимствований из газеты, называвшейся сначала «День», а потом «Завтра». А кому это неясно, я могу дать доказательства вполне количественные и неопровержимые. Это называется – «анализ политической семантики».

Культурная борьба слагалась из глубинного вялого импульса («ну, вы, гады, ващце!») и его достаточно отчетливого, хотя несовершенного, противоречивого и слабого, оформления. Но культурной борьбы было мало. Нужна была еще борьба политическая.

Не хочется патетики. Не хочется называть группу, к которой очевидным образом отношусь, «элитой любви», «элитой идеи» или даже «контрэлитой». Чтобы избежать патетики, я буду называть эту группу «слаботочниками».

Было ясно, что такая группа, как ее ни назови, существует. И, при всем своем несовершенстве и всей своей малости, может повернуть процесс. Но только при одном условии. При условии, что она не будет «вариться в собственном соку» и уповать на свою самодостаточность. Если же она начнет делать нечто подобное, то никаких исторических позитивов достичь не удастся. Их место займет последнее и окончательное фиаско.

Ясность этого обстоятельства вытекала из элементарной политической зречести. А дополнялась весьма специфическим поведением политических субъектов, заявивших, что они-то и есть настоящие (то есть политические) оппозиционные «могущества», вокруг которых должны вращаться интеллектуальные и культурные оппозиционные «слаботочки».

На самом деле «могущества» были абсолютно трухлявыми. Интеллектуальные и культурные «слаботочки» обнаружили это не сразу. Кто чуть раньше, а кто чуть позже. Но «могущества» вели себя беспардонно, разнузданно, заголясь. И рано или поздно все поняли, что слабые оппозиционные токи (интеллектуальные и культурные) хоть что-то сотворяют. А оппозиционные политические «могущества» все, до чего дотягиваются, сливают в унитаз. И созданы они вполне рукотворно и именно под задачу такого слива.

Однако это обнаружение ничего кардинальным образом не меняло. Элитный расклад был неумолим. Ворох «слаботочных» газетных полос с противоречивыми текстами, напечатанными на плохой бумаге и распространяемыми немногочисленными энтузиастами, что-то сделал.

Оппозиционные же политические партии, обещавшие победу на выборах... Могла ли элита, развалившая СССР и начавшая гайдаровские реформы, допустить создание эффективной компартии? Значит, компартия должна была быть другой. И ее извлекли из небытия («суд над КПСС» и т.д.) именно под «слив в унитаз» накапливавшейся протестной энергии.

Немногочисленные «держатели» дышащих на ладан газетных полос и прочих микроскопических интеллектуально-культурных величин, лишь условно способных выполнить роль контрэлиты и контркультуры, были обречены на одиночество. На одиночество, но не на поражение. Передавая некие слабые импульсы в общество, они уже в чем-то побеждали. Культурно, интеллектуально. Но для политической победы надо было открыть глаза и увидеть, что такое подлинный элитный расклад. И не фыркать на несовершенство этого расклада, а его использовать.

Есть элита ненависти, а есть элита гедонизма. Скверно, что все так? Конечно, скверно. Но есть то, что есть.

Каковы отношения между двумя этими элитами? Элите ненависти надо добить страну и народ. Она этим и живет. Это ее «окоп», ради удержания которого она продолжает находиться на территории «этой» страны. А элита гедонизма?

Она рассуждает совсем иначе. Нам не нравится, как она рассуждает? И что? Из ее рассуждений будут вытекать скверные результаты? И что? Важно другое. Важно, что скверные результаты не будут той безусловной смертью, ради которой сидит в своем окопе элита ненависти. Они будут какой-то другой жизнью. Может быть, весьма и весьма прискорбной, но жизнью. Так давайте сначала отодвинем смерть, а потом разберемся в качестве и типе жизни.

Не надо солидаризироваться с элитой гедонизма. Надо открыть глаза, увидеть реальный расклад и действовать. В нашем распоряжении только слабые токи? И что? В компьютерах тоже действуют очень слабые токи. Но если компьютеры подключены к пультам электростанций, то они управляют токами в сотни тысяч ампер.

Итак, каково отношение элиты гедонизма к государству? Она против него? Нет. Государство для нее – очень лакомый объект.

Во-первых, можно «доить» данный объект. А тогда зачем его добивать? Зачем забивать корову, которую можно так отдаивать – на десятки, а то и на сотни миллиардов долларов? Затем, что диссидентам хочется завершить начатое дело? «Конечно, диссиденты – люди очень почтенные. И дело их правое. Но перебирают господа, перебирают... Да и вообще... И вид не тот, и хватки совсем не те... Не рубят фишку... Не знают, как осуществлять возжеланный процесс отдаивания... Снимем шляпу, поблагодарим за труд по развалу "совка", натравим, когда надо, на гадов, желающих восстановить "совок", но... Но у нас совсем другая игра! Мы не мясники, мы из доильного цеха. А это большая разница».

Во-вторых, при наличии объекта под названием «государство» можно еще и что-то «разруливать». А без объекта – нельзя.

«Это диссидентам хочется добить и уехать в разные благородные страны на низкие зарплаты... А то и вообще на бедствование, ха-ха-ха... А мы-то понимаем, что нужно социализоваться в этой самой, как ее? – мировой элите. А как социализуешься, если они там фыркают? Надо предъявить объект. Вот, мол, и ракеты ядерные есть, и мало ли еще что... Мы держим объект под контролем. А если придут всякие там негедонистические элементы, они такого натворят! Значит, мы вам – кон-

троль, а вы нам – социализацию. Диссиденты-то что могут? Добить? И что будет? Хаос на территории, начиненной ядерным и иным оружием? Переход сырьевых ресурсов Сибири под контроль Китая? Вам, господа американцы или европейцы, это нужно? Нет. А мы контролируем в ваших интересах. Вы сами проконтролировать не можете. И повторяем: мы вам – контроль, вы нам – социализацию. И инфраструктуру гедонизма. У вас мы хотим оттягиваться, у вас! В ваших Ниццах, Монте-Карлах, Лихтенштейнах, Баден-Баденах и т.д. Дворцов мы хотим на вашей территории – бабки есть. Хотим, чтобы допускали к себе и не фыркали. Чтобы бабки эти не проверяли без конца вашими Интерполами. Мы вам – вы нам».

Как это без объекта под названием «государство» разрулить? А без разруливания – как туда вписаться? Значит, объект нужен? Нужен. Хотя бы для одного этого нужен. Но и для дойки тоже. Да и вообще...

В-третьих, при наличии объекта можно кайфовать. «Ну, проедешь ты на "Роллс-ройсе" по Лондону – и что? Будьте добры, соблюдайте правила уличного движения... И так далее. А если хочется со спецномерами (пусть даже и коммерческой серии)? Да с мигалками? Да кортежем? Да с вооруженной охраной (хоть помповые – все равно ружья)? Да так, чтобы все улицы перекрывали? А если какие-нибудь "Жигули" по дороге, то чтоб сразу в сторону. Это вам уже не деньги, не скука в дворцах и виллах. Это кайф! Адреналин!»

Не так давно по телевизору показывали одного такого адреналинщика... Тот прямо говорил: «Кайф! Купил поместье... Сижу, чай пью, а мужички докладывают... Ну, про погоду и вообще». Попробовал бы он сказать во Франции что-нибудь подобное. А тут – можно. Что, анекдот эпохи, в котором политический лидер увещевает олигархов: «Вы же все приватизировали – нефть, золото, уголь, пора и о людях подумать», – а лидеру отвечают: «Да, душ по триста не мешало бы!» – не имеет корней в реальности? Имеет, имеет! Это и есть кайф, адреналин или третье основание для сохранения объекта, как его ни назови – государство или дойная корова. Что для гедониста одно и то же.

Раздавить или отбросить элиту ненависти своими силами оппозиционные «слаботочки» не могли. В этом и была фундаментальная унижительность ситуации. Но соединить свои слабые токи с элитой гедонизма и дать ей хотя бы потеснить элиту ненависти... в каком то смысле это удалось. Таков весьма проблемный (вновь подчеркну – и позитивный, и унижительный) промежуточный результат.

Нынешнее государственное состояние – это частичное обнуление элиты ненависти за счет триумфа элиты гедонизма. Обнуление, конеч-

но, носит относительный характер. Элита ненависти занимает достаточно прочные позиции. Она чуть-чуть отступила, чуть-чуть забила в очень (очень-очень) элитные щели, чуть-чуть сменила лексику, «молодя» под патриотизм, а то и под социальную справедливость.

Но все эти уступки, которых удалось добиться невероятной ценой, отнюдь не означают окончательного исторического поражения элиты ненависти. Она еще будет пытаться брать реванш, и не раз. Именно как элита. В России оранжевая улица может возникнуть только как добавление к совсем другому – собственно элитному – оранжизму. В этом принципиальное отличие от Украины, где улица все-таки значила чуть больше, а элита чуть меньше.

Даже в конце 80-х годов, когда квазиоранжевые страсти кипели в Москве, выплеснуть оранжевую энергию на улицы можно было только с высочайших элитных благословений. Сегодня, когда энергии намного меньше, это еще труднее. Поэтому оранжисты будут искать элитного реванша. Они будут творить по этой части чудеса, опираясь на противоречивость элиты гедонизма, своего врага и собрата. Оранжисты понимают, что только в этом их шанс в России! Ох, как понимают! Потому что люди неглупые. А еще вдобавок идейные. Идейка скверненькая («эта страна» и прочее), но все же идейка. А у гедонистов-то и этого нет.

Отпихнуть «ненавистников» гедонисты могут. Начать лакомиться государственностью (и бабки, и разруливание, и кайф) тоже могут. Но дальше-то что?

Коллизия, которую я рассматриваю, касается отнюдь не только России. Запад создал третьесортные, но очень лакомые и достаточно широкие элитные ниши. Ниши гедонизма. Теоретически можно себе представить, что в России какие-то немногочисленные представители элиты захотят государства как инструмента не гедонистического, а иного. Например, инструмента Большой игры.

Вот, скажем, элиты Зимбабве не могут видеть в своем государстве инструмент Большой игры. Потому что государство маленькое. Так зачем им государство вне вышеназванной триады (дойка, разруливание, кайф)? Либо они почему-то любят свой народ и относятся к государству не инструментально (тогда они – элита идеи). Либо оно им за пределами вышеназванной триады абсолютно не нужно. Но у триады есть ограничения. Ну, продержалась у власти определенная элитная группа лет двадцать–двадцать пять. Надоила... Разрулила... Покайфовала... Что дальше? Позиции в гедонистической западной нише – есть. Никакая другая гедонистическая ниша не конкурентоспособна. Запад монополи-

зировав гедонистическую инфраструктуру, знаки и фигуры престижа. Что тебе шейх, что вождь... «Оттягиваться» он хочет в местах престижного западного релакса, а не в своем северо- или центральноафриканском дворце. А вот ловить кайф доминантности он может только на своей территории.

Но если он гедонист и ему предложат выбирать между удовольствием-1 (суперроскошное размещение на европейской гедонистической суперэлитной территории) и удовольствием-2 (вытирание ног об автохтонных рабов), то он в итоге выберет удовольствие-1. Он, конечно, повыпендривается и сначала скажет, что не хочет выбирать, а хочет все сразу. Но ему возразят, что выбирать надо. Что он, конечно, может выбрать второе (это самое «вытирание ног»), потеряв первое (Монте Карло и так далее), но при таком выборе у него потом и второй кайф отберут с помощью очередной оранжевой революции.

И почему это гедонист, поняв, что с ним не шутят и выбор действительно таков, будет артачиться? Потому что он хочет играть в мировой преферанс, используя фишки под названием «народ и государство»? Но если это все Зимбабве, то фишки такие невозможны. К тому же если он гедонист, то он не игрок.

Используя пошлую и жалкую в своей неказистой роскоши инфраструктуру, сделав себя монополистом по части этой инфраструктуры гедонизма, Запад гениальным образом решил проблему. Он оторвал элиты от народов, с которыми они должны быть связаны, интегрировал элиты в себя и снял с них груз исторических обязательств перед их народами. Элиты гедонизма, меняясь и кривляясь, превращали народы в слизь, в гной истории. Развитие народов оказалось ненужным.

Такие смены элитных масок и типов кривляния, конечно, можно попробовать назвать модернизацией элит за счет народов. Но только абсолютно не понимая, что такое модернизация.

«Я вижу рабство и гнет, произвол и насилие повсюду, безмерный чувствую стыд, ибо народ мой унижен и этим унижен я сам», – писал Уолт Уитмен от лица элиты модернизации. Обучавшаяся на Западе и пропитанная его культурой латиноамериканская интеллигенция возвращалась в свои нищие страны для национально-освободительной борьбы (синоним стартовой фазы догоняющей модернизации). Она теряла завоеванные на Западе позиции, возможности процветания, культурного самовыражения... Ради чего? Ради полунищеты и с трудом осваиваемой массами проповеди... А то и ради жертвенной смерти... Ради отрубленных рук доктора Че Гевары, вполне способного к преуспеванию на Западе, но выбравшего другое.

Народ... Если он для элиты является источником мелких, вторичных по отношению к гедонизму лакомостей, то его можно использовать, но не более. Да и то недолго. Потому что и от дойки можно устать, и от кайфа властвования. А на «разруливание» (оно же укоренение на западной элитной территории) не нужно исторически длительного периода. Дети вписываются в чужую элиту, получают позиции в бизнесе, правильным образом строят собственные семьи (включая в них представителей западного элитного сообщества). Ну, и все...

А что еще надо-то гедонисту? Решил он эти задачи – народ становится чистым обременением. Страна – тоже. И чем тогда гедонист будет отличаться от ненавистника? Тем, что просто наплюет и сдаст, а не будет отплясывать джигу на трупе? Невелика разница, если мы говорим о жизни, а не о смерти.

Для «слаботочников» элита гедонизма была инструментом. Средством отодвигания (а по возможности, избывания) элиты ненависти. Но и для гедонистов «слаботочники» были инструментом. Так сказать, средством самолегитимации.

И вот, получив такой культурный и социальный результат, мы говорим о развитии... А есть ли на него хоть какой-то шанс? Ведь речь не об отдельных фигурах. И не о политических лидерах даже. Речь о социальных группах и элитах. На что мы надеемся? Есть ли на что надеяться?

В случае если мы встанем на позиции романтизма, то надеяться не на что. Ситуация исторического поражения (а оно несомненно) обрекает нас на абсолютно другую – глубоко неромантическую – логику поведения. Я не хочу сказать, что мы должны предать идеалы, стать циниками. Нет, конечно же, мы можем что-то изменить, лишь сохранив в себе идеальное. Но это сохранение не имеет ничего общего с романтизацией реальности.

Наши надежды следующего десятилетия, как и надежды предыдущего десятилетия, будут нести горький привкус унижения. И чего-то добиться мы можем только игнорируя несовершенство наших надежд. Отказавшись от их воспевания и вместе с тем трезво их перечислив. Причем начав с самых, так сказать, несовершенных. И потому самых реальных.

Надежда №1 – на то, что западная ниша окажется «не того». Условно можно назвать это надеждой в духе «Куршевеля и Прохорова». Разумеется, «Куршевеля и Прохорова», помноженных на тысячу, – и количественно (в смысле количества случаев и персонажей, ими задетых), и качественно (в смысле объема проблем, которые будут возникать у наших гедонистов в столь желанной западной нише).

Никакого рационального основания для такой надежды нет. Но к рациональному жизнь не сводится. Рационалистический в целом Запад зачастую совсем не рационален. Кто сказал, что он уравнивает в правах русских и африканских элитных гедонистов? (При том, что русскими будут считаться одинаково Прохоров с Потаниным и Авен с Фридманом.) Не настаиваю, что поражение в правах, при котором то, что позволено африканскому элитарию, не позволено русскому, обязательно состоится. Но считаю это высоковероятным. Потому что Африку снисходительно презируют, а Россию – исторически ненавидят. И тут-то как раз и возникает переход за черту рационального.

Если дела будут разворачиваться так (вновь подчеркиваю, что это никак не предопределено, но возможно), то остаться в западной нише русский элитарный гедонист сможет только переквалифицировавшись не просто в ненавистника, а в эффективного киллера. Кое-кто, может, на это и готов, но... надо еще суметь. А кое-кто – не готов. Или в силу темперамента, или в силу структуры способностей, или даже в силу смутного русского потаенного и малопроявленного рефлекса, выражаемого емким словом «западло».

В любом из этих случаев возможна охота западных «волков» на русских наиболее курдючно-аппетитных «баранов». Бараны тогда побегут в Россию. Причем вместе со своими курдюками, то бишь наворованными миллиардами. А что им еще делать? Как говорил герой Достоевского, «а коли идти больше некуда?».

Напустить на баранов местных русских «волков» невозможно по причине отсутствия оных. Баран-то он баран, этот высококурдючный гедонистический элитарий, но только по отношению к Рокфеллеру или «Голдман и Сакс». А в своем Отечестве – он сам «кого хошь схарчит». Такова унижительная историческая реальность нашего поражения.

Значит, дело вовсе не в том, чтобы здесь пускать бегущих оттуда баранов на общенародные шашлыки. Это все романтика. Реальность в другом. В том, что бараны прибегут и принесут с собой самое дорогое – эти курдюки, то бишь бабки. Принесут они с тем, чтобы тут спрятать, потому что в другом месте отберут. Россия и народ станут нужны не только для того, чтобы доить, разруливать и кайфовать. Они окажутся нужны для того, чтобы защитить надои от «ужасных иноземных гонителей».

Это совершенно новая историческая коллизия, которая потребует своего оформления и будет оформлена. Кое-кто уже успел ее оформить в модели разного рода «автохтонных крепостей». Но можно не сомне-

ваться, что реальным подобное оформление станет только в случае, если за поэзией будет стоять именно вышеназванная проза.

Не сомневаться можно и в другом. В том, что прежде всего побежит прятаться в искомую российскую крепость именно тот элемент, который (при использовании абстрактных, освобожденных от груза исторической необходимости критериев) было бы справедливо назвать самым грязным. Именно его ТАМ «прижмут» наиболее сильно и в первую очередь. И именно он будет наиболее склонен к архетипическому поведению, выражаемому как уже названным выше словом «западло», так и еще более сочными, но уже совсем непечатными выражениями.

ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Хотим мы или нет, мы можем оказаться на randevу с такой вот «элитой». Назвать ее героем моего романа я никак не могу. Но не я же буду организовывать ее «обратное десан-

тирование». Я просто предвижу такую возможность. Как только возможность возникнет, священные символы прежних эпох, используемые ныне в виде пиар-конструкций («Родина», «Держава», «народ» et cetera), наполнятся емким содержанием, адресующим к слову «общак». Речь не о прямой криминальной аналогии, а о метафоре. Чтобы провести грань (и вместе с тем не потерять емкость образа и вытекающее из него понимание существа ситуации), назовем это «общаком» в кавычках и с большой буквы. Так сказать, не обычный заурядный общак, а «Общак». Не надо иллюзий, нынешний инвестиционный бум в России порожден, в том числе, и данной закавыченной сущностью.

Сущность же принесет с собой не только минусы, но и плюсы. Вернувшиеся деньги (а это ведь не только деньги, это позиции, судьбы и многое другое) – почему вернулись? Потому что почувствовали ТАМ угрозу. Но оказаться ЗДЕСЬ мало для того, чтобы угроза исчезла. Чтобы она исчезла, надо это самое «ЗДЕСЬ» сделать защищенным. А это, между прочим, и называется построить дееспособное (в элементарнейших смыслах этого слова) государство. А дальше начинается «суп из топора».

Для того, чтобы было хотя бы такое государство, нужен народ. Для того, чтобы был народ, нужно, чтобы дойка сократилась, а кое-что из фондов (прежних надоев), которыми располагает рассматриваемая весьма безусловная сущность, было отдано на нужды страны.

«Оборонка» нужна, чтобы защищать эту сущность? Нужна. Так пусть сущность поделится. Сытые и достаточно образованные солдаты

нужны? Нужны. Они должны быть здоровыми? Должны. Но нельзя сделать здоровыми только солдат. Значит медицина в целом нужна? Нужна. И спорт. И культура. Идеология нужна? Нужна. А оружие? А технологии? А это самое, будь оно неладно, развитие? Абсолютно дистрофичное в иных условиях развитие может обрести в новой ситуации весьма грязную, но реальную опору в виде вышеназванной сущности. Она, повторяю, не герой моего романа. Сооружали сущность гарвардские консультанты, продиктовавшие так называемые «либеральные реформы». А нам теперь с этим жить...

Воспевать это отвратительно. Но отворачиваться и игнорировать еще более отвратительно. Потому что глупо. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»...

Во что мы превратим этот сор – вот главное. Ведь может быть и так, что сор во что-то превратит нас...

Но к таким мрачным надеждам дело сводить нельзя. И потому – о Надежде №2. Надо собирать по крупицам элитные элементы, способные стать носителями не гедонистического, а иного – хотя бы игрового, а лучше бы и игрового, и идейного – отношения к народу и государству.

Всего этого, конечно же, в наличии крайне мало. А то, что есть, крайне незрело. Я могу согласиться с тем, что для кого-то из нынешних очень богатых наших соотечественников государство уже является чем-то большим, нежели объектом дойки, возможности «разруливания» на Западе и здешнего кайфа. Эти соотечественники (подчеркну еще раз, что они в категорическом меньшинстве) в чем-то созрели для понимания роли государства в их большом бизнесе. Но именно в большом бизнесе, а не в Большой Игре. Большой бизнес – это крохи для Игры. Игра начинается там, где на стол кладут даже не миллиарды, а триллионы. Ну, хорошо, сотни миллиардов. А у нас такого бизнеса нет.

Нет и инфраструктуры, в рамках которой огромные состояния могут превратиться в фишки. Автоматически это не происходит. Нет очень многих других слагаемых – как материальных, так и иных. Много определяется типом сознания. А также пониманием и ощущением (последнее имеет решающее значение) своей неразрывной связи с государством. Государство должно ощущаться как свое по факту. Таковым должно быть глубинное самосознание элиты, вырастающее из тысячи мелких и крупных данностей.

В нашей стране даже те, кто мог бы стать игроками, государства своего побаиваются. И страх этот с годами не убывает, а скорее наоборот. Даже отдельные молекулы такого страха уже препятствуют формированию игрового самосознания и игровой самости. Разумеется, когда я

говору о самосознании и самости подобного типа, то я имею в виду именно совсем большую Игру.

Еще одно препятствие – страшное недоверие друг к другу, порожденное как трезвостью (и то ведь – «война всех против всех»), так и эгоцентризмом, находящимся на грани безумия. Инфраструктура, позволяющая осуществить идентификацию (кто я? где я? зачем я?), разломана и исковеркана. А без нее нельзя собрать никакую общность. В том числе и искомую – «негедонистически элитарную».

Мы должны формировать предпосылки для возникновения подобного типа сознания. Но помнишь, что процесс это долгий, неблагодарный и непредсказуемый по своему результату. А также – ну, что греха таить – уж очень, очень нерусский. Нет в архетипе развернутой базы для игрового начала (в смысле Большой Игры, разумеется). В англо-саксонском архетипе эта база доминирует. В русском находится в латентно-разобранном состоянии, близком к тонкодисперсному. Собрать-то базу в принципе можно, но тут ее надо собирать, а там она и собрана, и отшлифована, и непрерывно используется. Такая вот диспропорция. Не было бы ее – не проиграли бы Советский Союз.

Как ни странно, в этой ситуации легче уповать на идейное, перескакивая через промежуточную – игровую – элитную «номинацию». Перескакивая к Надежде №3.

Прыжок из гедонистического в идейное в принципе возможен. Потому что даже в самом порочном нашем элитном гедонизме есть какой-то надрыв, невроз. Иногда складывается впечатление, что кое-кто из тех, кто с невероятной цепкостью и жадностью накапливает и изошрленно – с насадным хамством – шикует, может сорваться в новое (позитивное) качество под воздействием любого, самого ничтожного, повода.

Конечно, тоненькая пунктирная линия, разделяющая гедонизм непоколебимый и гедонизм трансформируемый, почти не видна. Но лично я ее ощущаю. И абсолютно убежден, что при глубоком кризисе группа наших элитных гедонистов расколется. Когда будет предложен выбор между пребыванием ТАМ, в теплой ванне гиперпотребления, даруемого ИХ гедонистической нишей, и пребыванием ЗДЕСЬ, начнется иррациональный процесс.

Он будет протекать в каждом из обитателей нынешнего «царства Цирцеи», как бы тот ни оброс щетиной гедонизма и какой бы яхтно-дворцовый пятачок у него ни вырос. Этот процесс захватит не только отцов, которые еще помнят про манную кашу в детском садике и пионерский отряд, но и детей, окончивших западные элитные колледжи. Для того, чтобы он начался, нужно только произнести страшное «навсе-

гда» (forever). Или же «never more» («никогда»), которое прокаркал страшный ворон Эдгара По.

Надо будет сказать: «Ты выбери! ТАМ или ЗДЕСЬ. И не катайся в истериках, что хочешь и там, и здесь, а выбери. Но выбери «forever». И пойми, что после выбора уже «never more»».

Когда такие слова войдут в душу, в ней начнется страшный процесс. Я ничего не идеализирую. Я знаю, что большинство холодно выберет «там» и наплюет на «здесь». Но это будет лишь большинство. Если хотите, всего лишь большинство, а не «всемство», о котором когда-то говорил Достоевский.

То, что я сейчас начинаю обсуждать, называется «возвращенчество». Поскольку долгое время героем некоего условного общественно-политического романа у нас был «невозвращенец», я считаю важным подвести под этим романом черту. Установив, что время предыдущего общественно-политического романа, в каком-то смысле, уже позади. «Невозвращенец» понят, описан, обмусолен. Он надоел и другим, и самому себе. Кому он интересен сегодня? Желаящим обрести западный покой девицам легкого поведения?

А вот «возвращенец» и не описан, и интересен. **НАСТОЙЧИВО ОГОВОРЮ, ЧТО Я ИМЕЮ В ВИДУ НЕ ВНЕШНИЙ ПРОЦЕСС, КОГДА КТО-ТО ИЗ ЖИВУЩИХ ТАМ ЗАХОЧЕТ ВЕРНУТЬСЯ СЮДА, А ПРОЦЕСС ВНУТРЕННИЙ, В ЧЕМ-ТО МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ. ПРОЦЕСС, ПРИ КОТОРОМ ПОКИНУВШИЕ НЕКИЙ ВНУТРЕННИЙ ДОМ В НЕГО МУЧИТЕЛЬНО ВОЗВРАЩАЮТСЯ. ЭТО СТРАШНЫЙ ПРОЦЕСС – И АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМЫЙ. ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН?**

«Я вернусь», – писал Есенин. «Я вернулся», – говорил Одиссей. Кто ты, будущий возвращенец? И что ты с собой принесешь? А главное, за счет чего ты сможешь превратиться в возвращенца, отряхнуть щетину с загривка своего, избавиться от пяточка, снять проклятие Цирцеи?

То, о чем я говорю, можно назвать трансформирующим катарсисом. Его нет и не может быть без определенных метафизических предпосылок. Так их и надо обсуждать... «Разбудить», – говорил Гурджиев, повторяя своих великих метафизических учителей.

Я убежден, что сформируется активное меньшинство, которое испытает трансформирующий катарсис и выйдет из спячки. А поскольку это возможно (на мой взгляд, так даже и предопределено), то вопрос о МЕТАФИЗИКЕ – да-да, именно метафизике, задающей тип связей между элитой и народом, – очень важен. В каком-то смысле он намного важнее разного рода практических вопросов. И я предлагаю это метафизическое слагаемое классовой теории развития внимательно рассмотреть.

Опасно слиться с процессом. Но опасно и изолироваться от него в башне из слоновой кости. «Опасность башни» возрастает пропорционально прагматичности обсуждаемой проблематики. Начнешь обсуждать социальную метафизику (развитие как спасение, нужны ли человеку для спасения другие и так далее) – и фьють!.. ты в «башне». Во избежание подобного я прочитал внимательно свежие газетные материалы.

Тема №1 – развитие. О нем спорят Дискин и Проханов. Дискин говорит о «мягкой модернизации», Проханов – о «жесткой». Это вяло комментируют репортеры.

Тема №2 – война кланов. О ней говорят Хинштейн и Соловьев. Комментируют это несколько менее вяло. Но...

В 1927 году никто не смог бы отделить обсуждение темы №2, то есть внутрипартийной борьбы, от темы №1 (одна модель индустриализации, другая). А как отделишь?

Начнешь обсуждать конфликт кланов (Сталина, Троцкого)... Вокруг чего конфликт? Только вокруг развития. Начнешь обсуждать развитие – сразу натыкаешься на кланы («товарищ Сталин опроверг товарища Троцкого в вопросе о развитии...», «товарищ Троцкий опроверг товарища Бухарина в вопросе о развитии...»).

Что теперь? Зюганов опровергает Путина по вопросу развития? Жириновский опровергает Зюганова по вопросу развития? Внутрипартийная дискуссия (клубы-то зачем созданы?) идет по вопросу развития? НЕТ политической дискуссии! НЕТ ее и в помине! А то, что ЕСТЬ (некий полуакадемический спор), натываясь на подобное фундаментальное НЕТ, тонет, как «Титаник».

Кто-то скажет: «И, слава богу, значит, не будет 37-го года». Кто-то всплакнет и скажет: «Эх, не дождемся мы славного 37-го».

Слова, слова... По сути же, как мне кажется, Проханов ХОЧЕТ 37-го года ничуть не больше, чем Дискин. Да и кто, кроме однозначных пациентов Кашенко, может ХОТЕТЬ крови, насилия, унижений, страха, лязгающих зубов, черных воронок и всего остального? А также всего, что с этим прочно связано (начинается с борьбы кланов, а кончается доносами на соседей, с которыми что-то не поделили).

Вменяемый человек, даже тяготясь своей социальной ролью (местом в элите, среднем классе и пр.), никогда не захочет менять это место по технологиям ГУЛАГа и 1937 года. Потому что эти технологии имеют слишком очевидный изъян: «Сегодня ты, а завтра я. Сегодня прорвался в комдивы по чьим-то костям, а завтра захрустят твои косточки».

Всем хочется такой модели развития, при которой нормальный законопослушный человек получит сразу и гарантии от неправового насилия, и открытые каналы вертикальной мобильности, но...

Но Кромвель... Но Робеспьер... Но Линкольн и генерал Грант... Но... Но... Но...

Почему развитие чаще всего сопрягается с диктатурой и ее – большими или меньшими, но неизбежными в любом случае – издержками? Конечно, это не всегда так. В Индии идет развитие по какой-то очень своей модели. И никакой диктатуры нет. В Бразилии идет развитие (более сомнительного качества, но ведь идет). И тоже нет диктатуры. Но чаще всего ПЕРЕХОД от неразвития (крайний случай – регресса) к развитию действительно использует авторитарные инструменты. Правда, и неразвитие их тоже использует. Может быть и диктатура регресса (смерти нации, наконец).

Но и демократия, как мы видели, может быть демократией регресса и даже смерти. Она не ОБЯЗАНА приобретать такое качество в силу демократичности как таковой, но она МОЖЕТ оборачиваться подобными штуками. А у нас – ими и обернулась. Причем не без форсированной зарубежной помощи. «Анархия 90-х породила у русских отвращение к демократии»... Кто только об этом сейчас не пишет! А анархию-то кто поощрял? Не Гарвард ли?

Серьезные и страстные споры 20-х годов породили кровь 1929 и 1937 года. А также некий исторический результат (индустриализация, выигранная война, космос).

Трём, шедший с февраля по ноябрь 1917 года, породил еще большую кровь – и кровь гражданской войны, и (в смысле исторической логики) кровь, связываемую со Сталиным.

Без серьезности нет и не может быть ответа на вызовы. Неспособность же ответить на вызовы обрекла на гибель (горькую или сладкую) уже несколько наших элит – царскую, февральскую, горбачевскую. А уж какую цену за это заплатил народ... Снова на те же грабли?

Мы всерьез хотим развития (пусть даже в усеченном варианте модернизации)? Если так, необходимо констатировать следующее.

1. Модернизация – это не СИНОНИМ развития. Это ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ развития. ЕСТЬ И КАРДИНАЛЬНО ИНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ. Почему надо их с ходу отбросить и говорить только о модернизации (мягкой, жесткой)?

Ведь даже сталинская модель развития лишь с трудом может быть уложена в матрицу классической модернизации. Потому что модернизация в сочетании с элементами возврата к традиционности (очень

трансформированной, но традиционности) – ЭТО УЖЕ НЕ МОДЕРНИЗАЦИЯ. И пока мы не осмыслим свой опыт всерьез (показав, где и в какой мере сталинские трансформации являются модернизационным развитием, а где и в какой мере это развитие, но другое), мы никуда и никогда не сдвинемся.

Такое осмысление требует статистических рядов, компаративных построений, классификаций, типологий, моделей. «Ах, нет ГУЛАГу!»... «Ах, да ГУЛАГу!»... Нельзя, поймите, девяносто лет кряду (и даже двадцать постфактум) проклинать и прославлять. Понять, понять, понять наконец-то надо! Не исторической правды ради (хотя и без нее мы никуда не денемся), а с ориентацией на будущее.

Немодернизационное развитие возможно! И именно на нашей территории хранятся какие-то остатки памяти о том, что это такое.

Отождествляя модернизацию с развитием, мы сразу отбрасываем все наиболее существенные для XXI века нематериальные активы нашей, как говорят прагматики, «суперкорпорации Россия». А можно ли, отбросив нематериальные активы, быть эффективными менеджерами?

Шанс России на признание и, простите за грубость, ПРОСТО НА ЖИЗНЬ в XXI веке (да-да, не на достойное участие в разделении труда, а на жизнь) полностью зависит от этих – отбрасываемых при зауженных дискуссиях – нематериальных активов. Потому что только они и нужны миру, как западному, так и незападному. Проект Модерн «загибается» по многим причинам. Запад от него отрекается. Мир без развития проблематичен. У России есть ноу-хау в плане альтернативного развития, не сводимого к Модерну. Она это (возможно, спасительное!) ноу-хау в глобальный мусоропровод выкидывает?

В любом случае – нельзя всерьез обсуждать тему развития, ставя знак равенства между развитием и модернизацией. Что дальше?

2. Нельзя обсуждать тему развития, не признав, что модернизация как раз и является НАИБОЛЕЕ СВИРЕПЫМ способом осуществления развития.

Вот она-то как раз хуже, чем любой другой вариант развития, сочетается с понятием «свобода». Это так происходит вовсе не потому, что модернизация является злом («тлетворным влиянием Запада» и так далее). Это так происходит потому, что модернизация начинает входить в неразрешимое (в окончательном варианте – именно ценностное) противоречие с домодернизационными принципами существования общества.

Модернизация не знает, что ей делать с остатками традиционного общества. Она боится этих остатков. Она понимает, что фактически

всегда находится в меньшинстве. Всем, я думаю, знакомы советские дискуссии 20-х годов по поводу того, что рабочий класс является меньшинством населения, страна крестьянская, и потому пролетариат, являясь передовым классом, просто обязан осуществлять диктатуру. Но ведь эти дискуссии ПО СУТИ повторяют общемировую норму. Так же рассуждали представители победивших национально-освободительных движений в странах третьего мира.

Модернизация, справедливо страшась «социального монстра» под названием «ущемляемое традиционное общество», начинает этого монстра подавлять. А заодно и разрушать, чтобы ему не повадно было. Разрушенный монстр – это не база, а шлаки модернизации. Эти шлаки надо переваривать или отбрасывать. И то, и другое не совместимо ни с какой демократией.

3. Нельзя провозгласить модернизацию (жесткую или мягкую), одновременно возвращая религии (или религиям) несвойственные им функции.

Я даже не буду подробно доказывать, почему. Тысячи томов по этому поводу написаны. В учебниках соответствующего профиля есть соответствующие разделы. Иначе это не модернизация. В Турции – модернизация, в Саудовской Аравии – нет. Уважение к религии обязательно. Все остальное – недопустимо.

4. Агрессия модернизации по отношению к традиции всегда сочетается с накаленной до исступления светско-моральной проповедью.

Модернизация ВСЕГДА должна создавать определенный климат, в котором ЧЕСТНОСТЬ становится краеугольным камнем в фундаменте осуществляемого проекта. Нечестность же презренна до крайности и до крайности же жестко карается (руки рубят на площади за украденный пирожок и так далее). Видим ли мы нынешнюю Россию в подобном качестве? И как, если всерьез говорим о модернизации, хотим это качество получить?

5. Модернизация требует, чтобы производство – оно и только оно – являлось тем ЯДРОМ, вокруг которого складываются все остальные формы жизни и деятельности.

Производство – а не потребление! Нельзя путать модернизацию с построением общества потребления. В обществе потребления социальная роль под названием «официант» (или «официантка») имеет совершенно не то содержание, которое она же имеет в обществе производства (то есть модернизации). Мне неоднократно жаловались на Западе на наших «новых русских»: «Они лапают официанток так, как будто бы живут в начале XX века. А ведь сейчас все изменилось! Эти девочки –

студентки из элитных семей! Работать в модном ресторане официанткой очень престижно!»

Таков только один малюсенький штрих. Он не касается каких-нибудь аристократических ресторанов класса суперлюкс, в которых по-прежнему выхолненные лакеи (чаще всего мужчины среднего возраста). Такие рестораны тоже существуют, но не они являются нормой и лицом общества потребления. Лицом же является молодая, очень сдержанная, но почти высокомерная девушка в фартуке, любезно подающая еду и понимающая, что она участвует в отправлении КУЛЬТА нового потребительского общества. Унизительные детали советского общепита и сервиса в целом были порождены еще и ролевой социальной матрицей. Согласно которой престижно – в сфере производства (если не у кулмана, то у мартеновской печи), а вовсе не в сфере «подай-прими-пошла вон».

6. Основа модерна – не только культ производства, но и культ труда.

Богатый бездельник, купающийся в роскоши, не герой романа под названием «Модерн», а антигерой. К труду как высшей добродетели апеллируют все. Оглянитесь вокруг: высокий уровень уважения к труду уж никак не составляет содержания постсоветской эпохи. А без него модерн невозможен.

И как мы хотим вернуться к трудовым идеалам? Хотим мы к ним вернуться или нет, понимая, что модерна без этого быть не может? Каков ответ на этот вопрос? Но только ответ, а не уклончивый благодетель?

7. Общество, ставшее на путь модернизации, карает коррупцию беспощадно и системно, опираясь при этом в позитивном плане не на свирепые правоохранительные органы только, а на две фундаментальные ценности – честность и труд.

Эти параметры не являются столь фундаментальными в традиционном обществе. Его разрушают еще и в силу этого. А оно сопротивляется. Почему, если это не так, модернизация на Сицилии оказалась столь трудно реализуемой? И что такое мафии, как не сопротивление модернизации?

Отсюда вопрос на засыпку: если у вас сложился гипермафиозный (или жестче – криминально-социокультурный) мейнстрим, то кто субъект модернизации? Нечто, не вписанное в мейнстрим? Как иначе? А как оно, не будучи мейнстримом, будет поворачивать мейнстрим? Демократически?

Демократия – это по определению власть мейнстрима! Так что вы хотите сказать? Что у нас не такой мейнстрим, а другой? Так ведь это

же мало сказать. ДОКАЖИТЕ! Если вы ученые, то вы должны не вещать, а доказывать.

Доказательств того, что наш мейнстрим носит криминально-социокультурный характер – что называется, «до и больше». Есть объективные данные. А есть и нечто другое. Мы ведь не марсиан хотим модернизировать, а своих сограждан. Мы здесь живем. Нынешняя реальность знакома нам не только по цифрам и статьям. Мы в нее погружены, как говорят, «по самые-самые». И что же? Этот опыт – отдельно, а рассуждения – отдельно?

8. Модернизация предполагает фундаментальную реструктуризацию идентичности. Не де-структуризацию с варварской ломкой любых идентификационных матриц, а пере-структуризацию.

Традиционное общество может позволить себе племенные и региональные типы идентификации, дополняемые идентификацией конфессиональной. Если, например, подавляющее большинство жителей Франции – католики, то они одновременно могут быть бургундцами, лотарингцами, окситанцами, бретонцами и так далее. Но, как только возникает конфессиональный раскол (например, между католиками и гугенотами), возникает вопрос – чем спаять общность. Уже не конфессией... А чем?

Традиционное общество не имеет ответа на этот вопрос. Да оно в нем и не нуждается до поры до времени, потому что конфессиональный жар достаточен, чтобы обеспечивать минимум «спаянности» в пределах традиционной социоконструкции. Но тут еще и жар остывает. И оказывается, что короли и феодалы уже не могут обеспечить никакой спаянности (даже полупоформальный абсолютизм выдыхается), а робеспьеры и сен-жюсты могут.

А за счет чего они могут? За счет модернизации и тех форм решения вопроса об идентичности, которые она порождает (и которые, в свою очередь, ее подпитывают). Нет уже в пределах новой идентичности ни окситанца, ни бретонца – есть стандартный француз, который (А) является гражданином Франции, (Б) говорит на ее языке, (В) интегрирован в ее культуру при абсолютной свободе совести, (Г) имеет что-то наподобие этоса (это называлось «благоговение перед Францией»).

А, Б, В и Г – это максимальный из возможных наборов, который характеризует так называемую культурную нацию (Германия, Франция). Англо-американский набор выводит за скобки В и Г. И это называется «политическая нация». Поэтому националист в понимании модерна – это не чудик, который будет рассуждать о том, кто во Франции галл, а кто не галл. Нет никаких галлов и франков. Есть французы. И без такого

перехода от галльской идентичности к общепаранцузской – нет ни модерна, ни нации.

А после того, как это зафиксировано, начинается очень жесткий процесс. Вандея настаивает на своей локальной бретонской идентичности? Соединяет такое упрямство с политическим своеволием? Адресует все это к традиционному обществу? Ну, что ж, туда идут революционные дивизии. Они везут с собой гильотину. Их сопровождает для острастки комиссар Конвента с особыми полномочиями и мандатом, подписанным «триумвиратом» (Робеспьер, Дантон, Марат). А дальше начинается кровавая мясорубка, по отношению к которой Чечня – это детский лепет. Это известно по архивным источникам. Но тем, кому лень лезть в архивы, достаточно прочитать классический роман Гюго «93 год».

Линию Конвента продолжают все. Марата убивают, Дантона и Робеспьера казнят. Но на их дело никто не посягает. Ни более поздние ревнители революционной демократии, ни Наполеон, ни его последователи. Модерн сделал свое дело – создал нацию. И начинает на этом фундаменте реализовывать свой проект.

СЛОМАТЬ БАЗУ СОПРОТИВЛЕНИЯ, ИМЕНУЕМУЮ «ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО», ПОСЕЛИТЬ В ОБЩЕСТВЕ НОВЫЕ СИСТЕМНЫЕ ИДЕАЛЫ, НОРМЫ И ПРИНЦИПЫ – ВОТ ЧТО ТАКОЕ «ДЕЛО МОДЕРНИЗАЦИИ».

9. Никогда и никакой модерн не может быть развернут в обществе без того, чтобы каждая пора социальной ткани не оказалась заполнена глубоким и искренним почитанием Закона.

Причем не абы какого Закона, а формального права, одинакового для всех, всеми выполняемого и разделяемого. Право должно быть именно формальным. В этом основа модерна. И перед этой формальностью должны склоняться все. Буква закона – не презираемая хаотизированным обществом козявка, а священный символ, на который молится общество, упорядоченное этой – особой – «светской сакрализацией».

Ни рассуждениям о том, что право вторично по отношению к правде, ни разного рода присказкам (мол, как телеграфный столб – перепрыгнуть нельзя, обойти можно, как дышло – куда повернул, туда и вышло) в модернизации места нет. Те, кто этого не понимает, проведут жизнь в тюрьмах или быстро прервут ее на гильотине или электрическом стуле. Никаких разговоров о том, что «кто силен, тот и прав», быть не может. Ты силен, богат и нарушил право? Получай по закону! Именно уравнивание всех в правах становится коронным номером нового «монстра» под названием «модернизационное государство».

В соответствии с этим абсолютным приоритетом, самым тяжелым из всех возможных преступлений является ТОРГОВЛЯ ПРАВОМ, то есть коррупция. Потому что превращение права в товар – это конец модерна. И модерн это понимает. Отсюда расстрелы на стадионах, выставяемые напоказ набитые чучела и все прочее. Внутри очень разубоженной новой социальной ткани, создаваемой модерном, остается мало «склеивателей». И право из них является основным. Оно становится одной из главных «скелетных» конструкций модерна. И его системообразующее значение осознается всеми – элитой прежде всего.

Это не вопрос наказания. Точнее, не о нем только идет речь. Забейте коррупционерами все лагеря, создайте новый супер-ГУЛАГ, расстреливайте и сжигайте огнеметами (жесткий вариант)... Пугайте потерей места в обществе и высоких зарплат (мягкий вариант)... Совершенствуйте институты (гибкий вариант)... Ничто не поможет, если нет культуры. КУЛЬТУРЫ, В КОТОРОЙ УКОРЕНЕН ВЫСОКИЙ МОРАЛЬНЫЙ ДУХ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ НОРМЫ, ТАБУ И ПРОЧЕЕ.

10. Модерн немислим без культурной ревальвации. Как в узком смысле (новое, более высокое качество культурной продукции), так и в смысле широком (новое, более высокое качество образования, новое понимание КАЧЕСТВА жизни, не сводимое к КОЛИЧЕСТВУ материальных благ и так далее). Модерн – отнюдь не царство количества, как его уничижительно называл Генон. Модерн меняет требования к качеству, но не отменяет качества как такового.

Нет модерна без классической литературы, повышающей культурное «качество». Нет Александра Освободителя без Пушкина и нет Сталина без Шолохова. Нет западного модерна без классического романа. И так далее. Сейчас наши политики говорят о чем угодно, кроме культуры. А сама культура не говорит, а мычит, и это все слышат. Иногда она мычит жалобно, а иногда свирепо. Иногда благородно, а иногда подло. Но она мычит. Нельзя не вспомнить Маяковского:

*Гримируют городу Крупны и Круптики
грозящих бровей морщъ,
а во рту
умерших слов разлагаются трупики,
только два живут, жирея –
«сволочь»
и еще какое-то,
кажется – «борщ».*

Совсем никто из политиков всерьез не говорит о культуре. И из интеллектуалов тоже. А происходит-то именно это. Какой тогда модерн? Регресс, декультурация, постмодерн. И что дальше?

Нам все время рассказывают, как много сажают коррупционеров, разного рода «оборотней» – в погонах и без них. Можно сажать в десять раз больше и порождать всеми этими «посадками» еще более высокий уровень коррумпированности. Потому что сами по себе эти «посадки», сколь бы свирепы они ни были, лишь повышают цену товара под названием «право» (или «правовая услуга»), находящегося в руках лишенного морали и не укорененного в культуре чиновника. Платите ему сколько хотите, следите за ним хоть из космоса, карайте хоть четвертованием – он все равно украдет, если нет в нем самом соответствующих культурных и моральных табу.

11. Нет серьезного разговора о модерне вне анализа его социокультурной укорененности в модернизируемом обществе. Иначе это называется базовый уклад, социальный актив.

КТО будет следить из космоса за коррупционерами и ворами, КТО будет их четвертовать, КТО будет поощрять честных? Вряд ли кто-то полагает, что это может делать человек, не укорененный в соответствующих ценностях, не имеющий адекватных таким действиям моральных и культурных самоограничений. Такой человек возьмет взятку за то, чтобы временно отключить спутник и не обнаружить коррупционера и вора... За то, чтобы не четвертовать вора, а просто зарезать (или притвориться, что четвертовал, а на самом деле спрятать за деньги, а четвертовать другого)... Такой человек будет награждать за честность не действительно заслужившего награду борца с коррупцией, а своего родственника (или кореша). Такой человек любую борьбу с коррупцией превратит в межклановую грызню.

Для победы модерна нужен человек модерна, уклад модерна, модернистская социальная энергетика.

НЕЛЬЗЯ ПОДМЕНИТЬ ПРОБЛЕМУ ПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕКА ПРОБЛЕМОЙ ПРОИЗВОДСТВА ИНСТИТУТОВ. ЭТО – ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ.

Каким образом в условиях криминального мейнстрима могут формироваться институты модерна? Институты борьбы с коррупцией? Институты адекватной социальной мобильности? Судьба модерна зависит от наличия актива модерна. Нельзя бороться с регрессом, опираясь на регресс. Необходимые активы не преобладают в сегодняшнем обществе. Их надо собирать по крупицам. Может быть, кто-то уповает на то, что можно такие некриминализованные активы откуда-то ввезти? Опыт

наших современных строек показывает, что ввезенные из-за рубежа югославские, турецкие или даже финские фирмы начинают вести себя «перпендикулярно» собственным национальным культурным нормам примерно на третий месяц. А если они этого не делают, то оказываются выброшены с нашего специфического рынка.

Молодежь? Один миллиардер с печальной послеельцинской судьбой очень хотел прочитать лекцию элитным студентам, занятым юриспруденцией и финансами. А студенты очень хотели послушать живого миллиардера. Миллиардер был в чести... И начальство тоже требовало, чтобы студенты послушали... Миллиардер начал с воспеания ценностей модерна. Аудитория недоуменно вздохнула. Как бы почувствовав это недоумение, миллиардер быстро произнес: «Да-да, мы были другими. Мы не соблюдали правовых норм. Но этот этап позади. А вы теперь будете соблюдать». Суперприличная аудитория, несмотря на то что над ней здесь же надзидало начальство, начала дружно гоготать. И массово покидать зал.

12. Нельзя прийти в конечную точку (успешная модернизация), не отдавая себе отчета в том, откуда стартуешь, какова отправная точка.

ПОЧЕМУ НИ ОДИН ПОЛИТИК ИЛИ ЭКСПЕРТ МОЕГО ОТЕЧЕСТВА НЕ ОСМЕЛИВАЕТСЯ ГОВОРИТЬ О НАШЕЙ ОСОБОЙ СИТУАЦИИ, СИТУАЦИИ НЕОРГАНИЧНОГО ВЗРЫВНОГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ? ЧТО ТАКОЕ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ НЕ ТОЛЬКО МОДЕРН, НО И ЛЮБАЯ, МЕНЕЕ ЖЕСТКО ПРАВОВАЯ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НОРМА? И КАК СИТУАЦИЮ ПРЕОДОЛЕВАТЬ?

Почему об этом не говорят вообще? В доме повешенного не говорят о веревке?

Но если мы не будем об этом говорить, если мы СЕГОДНЯ не осмелимся зафиксировать плачевные стартовые условия, в которых надо что-то как-то развивать какими-то способами (модернистскими или другими), то ЗАВТРА об этом заговорят наши враги. Но они-то сформируют проблему так, как им нужно. Они не будут говорить о первоначальном накоплении, тем более, что у них-то (Гарвард тут лишь один пример) – ох, насколько рыльце в пушку! Они будут говорить о России как о КРИМИНАЛЬНОМ (не криминализованном, а криминальном – понимаете?) государстве.

А сформировав этот образ на основе (признаем, весьма богатого) фактического материала, они получают некие легитимные основания для всего чего угодно, включая интервенцию. Потому что легитимной базы для борьбы с нашей антидемократичностью в принципе не существует –

сначала надо бороться с нею, например, в Саудовской Аравии. А вот легитимная база для борьбы с криминальным государством зафиксирована многократно.

Страх перед нашим ядерным оружием? Разве страх перед советским ядерным оружием запретил подписывать соответствующие директивы в период с 1946 по 1986 год? И не только подписывать, но и исполнять? «Победа в холодной войне» называется.

Да мало ли что можно сделать после того, как образ криминального государства сформирован и протранслирован всему миру? А как избежать этого в XXI веке? Перекрыть Интернет? Отключить западные спутниковые каналы? Отменить намеченный переход на новые цифровые форматы вещания с расширением набора каналов до 700–800? Ясно же, что это сделать нельзя. А если и можно было бы, то, во-первых, с издержками, превышающими приобретения. А во-вторых, ненадолго и с абсолютно сокрушительными отсроченными последствиями.

Значит, нужен другой образ – более правдивый, емкий, убедительный. Но он не может сформироваться в недрах гламурной доктрины и ее гламурного интеллектуального сервиса. Ну, не может, и все.

Приглядитесь к оговоренным выше двенадцати пунктам. Убедитесь, что все должное, относящееся к модерну, противоречит всему, что мы имеем в наличии. И как это противоречие преодолевать? И с чьей помощью?

13. Не может быть серьезного разговора о модерне, если все сводится к сакраментальному «что делать?» и «как делать?». Жестко, мягко *et cetera*. Любой серьезный разговор требует ответа на вопрос: «КТО это будет делать»? Это называется «рефлексия на субъектность».

Такая рефлексия фактически сведена к нулю. И это начинает приобретать буквально вопиющий характер.

Впрочем, иногда в качестве отговорки адресуют к чему попало (народ, средний класс, гражданское общество), вообще не обсуждая при этом содержание собственных адресаций и их связь с сегодняшней российской ситуацией (где гражданское общество, например, СИСТЕМНО замещено криминалитетом).

В более серьезных случаях роль этого самого КТО (субъекта модернизации) делегируется власти. Но это абсолютно некорректно. Для такого КТО нужна не власть как таковая, нужны массовые опоры, социальный базис. Любая власть не может функционировать, не опираясь на определенные группы. Но уж проводить модернизацию, не имея классовой опоры... Об этом можно говорить только у нас и только сейчас. Больше нигде, никто и никогда не мог вести дискуссию в таком форма-

те без подрыва собственного интеллектуального престижа в глазах элиты и общества.

У нас же это оказывается возможно, прежде всего, потому, что Маркс, который был и остается классическим авторитетом хоть в Гарварде, хоть Сорбонне, в России стал жупелом. И само слово «классы» глубочайше скомпрометировано. Но к этому, конечно, все не сводится.

Ну, не классы... Элиты... Массовая опора... Социальная база... Эти термины ведь никто отменить не сможет. Значит, дело в чем-то другом. Значит, есть какая-то загадка в тоне наших дискуссий. И тут я прошу читателя еще раз закрыть глаза, перенестись в 20-е годы и вернуться в нынешний климат обсуждения проблем развития. Загадочный контраст, не правда ли? Я не о конкретных темах, и не о лингвистике даже. Я о серьезности. А также о связи собственно властной тематики (в ее предельном – клановом – преломлении) и тематики развития. Нет связи. Почему? Загадка? Ну, так и надо ее разгадывать.

14. Еще одно обстоятельство, категорически требуемое для успеха модерна, – консенсус элит.

Если речь идет о модерне, то консенсус должен быть не абы какой, а модернистский. Западные консерваторы и западные либералы могут вместе рулить нациями лишь постольку, поскольку они внутренне абсолютно солидарны в вопросе о модерне. Это называется «рамка». Нет рамки – забудьте о развитии. Вот сейчас исчезает эта рамка – какой модерн?

У нас же консенсус модерна отсутствует. Тема №2, заявляемая Хинштейном и Соловьевым (она же война кланов), – это не отдельная планета (Марс), по отношению к которой тема №1 (она же развитие) – это другая планета (Венера). Нет, речь идет о двух теснейшим образом сопряженных темах.

Элита ненависти отодвинута. Но элита гедонизма разруливает ситуацию в пределах своей – гедонистической – элитной субкультуры. Причем субкультуры, тесно сочетаемой с особыми формами групповой идентификации, порождающей если не кланы классического образца, то их диффузные аналоги (паракланы).

Структурируясь таким – принципиально не сочетаемым с модерном – образом, элита ведет жесточайшие подковерные бои. Я разобрал их в книге «Качели» и не могу ничего добавить к тому, что там написал. Кроме того, что качели после избрания Медведева, как я и предсказывал, закачались еще надрывнее. Назревает олигархическая мясорубка. Она превращает все стратегические проблемы государства (те самые,

которые так остро обсуждались в 20-е годы) в невыносимое для кланов ОБРЕМЕНЕНИЕ.

У вашего клана есть 20 неких, так сказать, «условных дивизий». И вы должны 10 послать на территорию развития. Но у противника ведь тоже 20 «дивизий». А у вас для схватки с ним останется 10. Вывод: нельзя посылать на эту самую территорию развития никаких реальных «дивизий». Территория в политическом плане оказывается пустой (в этом-то и состоит отличие от 20-х годов).

Вопрос не в том, кто какие слова говорит о развитии. А в том, что слова эти безжалостно холодная элитная Пустота тут же превращает в мертвые льдинки. Можно относиться к этому прагматически и превращать льдинки в товар. Можно в ужасе замолкать. Что еще можно? В ПРИНЦИПЕ МОЖНО СОГРЕВАТЬ ПУСТОТУ. Но это адресует к особому «трансформационизму», который, в свою очередь, обусловлен наличием или отсутствием социальной метафизики.

По правде говоря, с помощью янычар и не правят. Талейран говорил Наполеону: «Штыки, сир, годятся на все, кроме единственного – нельзя на них усидеть». А править – это не брать с бою власть, а спокойно осуществлять ее. В общем, править – это восседать. На троне, на престоле, в сенате, в министерском кресле, где угодно. Вопреки наивному представлению репортеров власть – это дело не кулаков, а седалищ. В конечном счете власть – это общественный вес, устойчивое состояние, статика. Но бывают и такие обстоятельства, когда общественного мнения не существует. Общество распадается на враждебные группировки, чьи мнения взаимно парализуются, не оставляя места для зарождения власти. <...>

Поэтому, чтобы точнее сформулировать закон исторической гравитации – общественного мнения, – надо учитывать и моменты его отсутствия, и тогда мы придем к давней, досточтимой и подлинно ходячей истине: нельзя править вопреки воле народа.

Хосе Ортега-и-Гассет

Олег Гриневский

**КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ
В ОБЪЕДИНЕНИИ
ГЕРМАНИИ**

The breakthrough happened in January 1990 when it had become clear that unification of Germany advanced on the first place in European and world politics. In hot discussions in Washington and European capitals the fate of Germany was closely tied with the presence of Soviet and American troops in Central Europe. These discussions were held in the Kremlin also but they have not appeared on the surface. What was the result of these discussions and what decisions were made are thoroughly analyzed by the author who was the ambassador and the head of the Soviet delegation on the CFE Treaty negotiations in Vienna at that time.

Советский Союз этому немало поспособствовал. В канун нового, 1990 года страна, которая еще называлась СССР, бурлила инакомыслием и негодованием. Несмотря на все разговоры о реформах и улучшении положения, ситуация была прямо противоположной. Политика Горбачева – и внутренняя и внешняя – встречала все большую критику. Причем в открытую. Вот запись из моего дневника тех дней:

По прилете в Москву позвонил М.С.Капице, которого Шеварднадзе сместил с поста зам. министра иностранных дел, и теперь он возглавлял Институт Дальнего Востока АН СССР. Капица «был в расстроенных чувствах» и говорил: «Мы тут все в Комиссии по международным вопросам против политики Горбачева. Что это за политика? Игра в поддавки, сдача позиций. Одностороннее разоружение наших вооруженных сил. Из всех нас один только Арбатов поддерживает его линию. Кому он нас продает – американцам?»

И такая свобода слова стала уже обычной. Четыре с половиной года спустя после начала перестройки в стране царил гласность, прошли первые демократические выборы, а из тюрем и лагерей начали выпускать узников совести – политзаключенных. И народ уже не на кухнях за бутылкой водки, а в открытую, на улицах говорил, что думает, и ругал власть предрежущих. Причем главным в этой критике было: у Горбачева нет ясной и понятной политики, сегодня одно – завтра другое.

Броские горбачевские лозунги начала перестройки уже не вдохновляли. Им просто не верили. В обществе росло разочарование. Вопреки обещаниям, материальное положение людей не улучшилось, а ухудшилось. Старая система плановой экономики уже не работала, а новая – «социалистический рынок», как его называл Горбачев, – оставался туманной теорией. Экономика разваливалась, товары и продукты катастрофически исчезали с прилавков, цены росли. Хуже того, – начались национальные волнения, и великая империя стала расползаться, как старое, ветхое одеяло. Казалось, что Горбачев теряет бразды правления, опоры его власти в стране и в партии рушились на глазах.

Короче говоря, в стране нарастал экономический и политический кризис. И это остро чувствовалось не только на московских улицах.

Примерно с такими вот невеселыми мыслями и настроениями – у кого что болит, тот о том и говорит – советские люди провожали старый год, сидя за столом и глядя в телевизор. А там, за несколько минут до того, как кремлевские куранты пробьют полночь, жизнерадостный и румяный Горбачев читал свое новогоднее обращение. И услышали, что 1989 год был «труднейшим годом перестройки», что хозяйственная реформа столкнулась с «непогодой». Но этот год со всеми его болями и невзгодами зало-

жил фундамент для будущего мира и процветания. «Теперь мы яснее представляем цель, к которой стремимся. Эта цель – гуманный, демократический социализм, общество свободы и социальной справедливости». Окончание холодной войны позволит 90-м годам стать «самым плодотворным периодом в истории цивилизации». Больше всего окажутся нужны «разум, доброта, терпение и терпимость». С Новым годом!

Выпили и посмеялись. Кто-то вспомнил, что год назад в таком же новогоднем обращении наш вождь так же страстно говорил о «возрождении ленинского понимания социализма» и об «ответственности ленинской партии». Так куда идем?

Кто-то пошутил: великий русский реформатор Петр Первый прорубил окно в Европу. Другой великий реформатор, Горбачев, это окно «углубил и расширил», предложив построить общеевропейский дом. Теперь с его помощью этот дом строится. На пути в него Германия, которая скоро объединится, а дальше в очереди уже стоят наши союзники из Восточной Европы. Только вот нас в этот дом вряд ли пустят. Очень уж мы большие и неуклюжие. Боятся, что будем как слон в посудной лавке.

В общем, события в стране развивались совсем не в ту сторону, которую определил Горбачев в своем новогоднем обращении. Еще 20 декабря 1989 года в Вильнюсе Съезд компартии Литвы провозгласил ее независимость от КПСС. Горбачев тут же созвал экстренный Пленум ЦК для поиска выхода из создавшегося тупика и настаивал на сохранении единой коммунистической партии. Но Пленум по предложению Ельцина решил направить в Вильнюс самого Горбачева, который тогда рьяно настаивал на единстве.

По свидетельству людей из близкого окружения Горбачева, шеф КГБ В.Крючков снабжал его информацией, которая «обнадеживающе расписывала растущее влияние "интернационалистского" временного ЦК компартии (на платформе КПСС) во главе с М.Бурокаявичусом; а подобранные помощником президента В.Болдиным телеграммы с мест и обращения "трудовых коллективов" подтверждали, что не только русскоязычное меньшинство, но и многие литовцы "стоят за союз"»¹.

И вот 11 января во главе специальной делегации из 40 человек Горбачев вылетел в столицу Литвы. Но там на улицах его встречали многотысячные демонстрации, которые скандировали одно слово: независимость! Около католического собора собралось более 200 тысяч человек с лозунгами: «Ленин нам дал независимость, Сталин отобрал у нас независимость, – а Горбачев?»

¹ Грачев А. Горбачев. М.: ВАГРИУС, 2001. С.271.

Три дня он пробыл в Литве. Встречался с руководством, с простыми людьми на улицах, убеждал и угрожал – безрезультатно. Намекал даже на компромисс: надо-де иметь механизм, правила выхода из Союза. Тоже не помогло. Признал впервые, что мы можем иметь многопартийную систему. Но в Москву вернулся с пустыми руками.

А в стране обстановка все больше накалялась. Непростая ситуация складывалась на Украине. Там всюду шли забастовки шахтеров, а на западе республики возникло сепаратистское движение. И главное – начинал полыхать Кавказ. В Армении и Азербайджане одновременно разгорались национальные страсти. В Баку Национальный фронт требовал независимости и выхода из Советского Союза. А армянское население в азербайджанском Нагорном Карабахе требовало выхода из Азербайджана и воссоединения с Арменией.

13 января начались армянские погромы в Баку с кровью и жертвами, которые продолжались неделю. То же и в Нагорном Карабахе. Горбачев послал в Баку Примакова, чтобы уговорить враждующие стороны. Но одновременно туда были отправлены министр обороны Язов и министр внутренних дел Бакатин. А накануне митинга, на котором Национальный фронт намеревался объявить о захвате власти, в Баку были введены войска, и 19 января там было объявлено чрезвычайное положение. Произошли столкновения населения с войсками, снова пролилась кровь, и были сообщения, что погибло несколько сот человек. Но Язов гордо заявил, что «войска в Баку спасли советскую власть»².

На этом мрачном фоне проблемы внешней политики явно отступали на задний план. Но и по ним кипели страсти – порой нешуточные. Однако на поверхность они практически не выплескивались. Поэтому теперь стоит рассказать о них поподробней.

Две главные темы доминировали в этих горячих дискуссиях, которые велись весь январь в советском руководстве и близких к ним кругах. Это присутствие советских войск в Центральной Европе и будущая судьба Германии.

Главная головная боль

Главная головная боль в те дни – это как быть с нашими войсками в Центральной Европе. И прежде всего с оглядкой на Германию. Почему?

Потому что за спиной постоянно чувствовалось тяжелое дыхание германского объединения. Ведь оно и присутствие в Германии как со-

² *Независимая газета. 2000. 12 февраля.*

ветских, так и американских войск были неразрывно связаны друг с другом, подобно сиамским близнецам-братьям. Как только заходила речь о воссоединении Германии, сразу же возникала тема советских войск в Центральной Европе. И, судя по зондирующим вопросам, эти же проблемы волновали американцев – только с их, американского, угла зрения.

Еще в самом начале января МИД и Минобороны подготовили аналитический документ, где делался вывод, что американцы заинтересованы в сохранении существенного военного присутствия своих обычных и ядерных сил в Европе. Это присутствие они хотели бы сохранить даже в случае ликвидации советской военной угрозы, поскольку Европа рассматривается в Вашингтоне как нестабильный регион, находящийся в процессе кардинальных перемен. А советские войска по-прежнему имели бы преимущество в Европе, если бы оттуда ушли США. Кроме того, американские войска в Европе нужны для проецирования военной мощи США в другие регионы – например, на Ближний Восток. Поэтому они могут быть заинтересованы в дальнейшем пребывании наших войск в Центральной Европе, чтобы обосновать там свое присутствие. А значит, нам надо увязать в один узел три проблемы – объединение Германии, присутствие советских и американских войск в Центральной Европе.

Однако Шеварднадзе не хотел ввязываться в такие острые проблемы: объединение – это-де дело далекой перспективы, часть процесса строительства системы европейской безопасности, и, когда придет время, этот вопрос нужно будет решать в контексте вывода всех иностранных войск с территории европейских стран. До поры до времени, пока германское объединение не стояло в повестке дня, как актуальнейшая проблема, с этим еще можно было мириться. Но теперь уже стало ясно: объединение – проблема номер один в европейской политике. Как быть тогда с присутствием советских, да и американских, войск в Европе? Москва загадочно молчала.

А тем временем ситуация менялась уже кардинальным образом. Сюда, можно сказать, вклинились интересы пока еще наших союзников по Варшавскому Договору. Но эти их интересы все больше и больше расходились с нашими целями и интересами в этом деле.

Начали чехи. Они вообще потребовали вывода всех советских войск из Чехословакии, и не когда-нибудь в перспективе, а до конца 1990 года. Переговоры с Москвой начались, но шли как-то вяло. Советская сторона вроде бы не возражала, но сроки вывода ее явно не устраивали, а своих она не называла – тянула время.

Как раз в эти дни (30 января) на Старой площади проходило заседание Специальной комиссии ЦК, или в просторечии – Большой пятерки³. Там МИД по согласованию с Минобороны выступил со следующим предложением. В качестве крайней позиции согласиться с чешским предложением о выводе всех наших войск из Чехословакии в 1990 году и не доводить дело до столкновения с чехами. Но на самом заседании против выступили советник президента маршал С.Ф.Ахромеев и Начальник Генштаба Н.А.Моисеев. Они сказали, что в армии, среди офицеров, идет брожение, недовольство. Появление в этих условиях 11 тысяч офицеров и их семей, которых негде разместить и обеспечить жильем, может стать поводом к непредсказуемому.

Это заявление и определило решение. Зам. председателя Совета Министров Бакланов сказал, что он был в одной из частей и может подтвердить, что настроения у офицеров тревожные. Заведующий Международным отделом ЦК В.М.Фалин говорил, что с чехами надо вести дело твердо – иного языка они не понимают. Кроме того, он предложил, чтобы по этому вопросу к президенту Гавелу обратился с посланием Горбачев. За это и ухватились. Предложение МИДа повисло в воздухе.

Но с аналогичными требованиями выступали также и венгры. Не обремененные территориальными приобретениями у Германии, они настойчиво ставили вопрос о выводе вообще всех иностранных войск с чужих территорий, имея в виду, конечно, прежде всего советские войска в Германии и Восточной Европе.

Однако поляки смотрели на это совсем по-другому, хотя и там раздавались подобные голоса. Но Польшу прежде всего беспокоила судьба своих западных территорий, отобранных у Германии после Второй мировой войны. И к этому были серьезные основания. В июле 1989 года министр финансов ФРГ Тео Вайгель публично намекал на территориальные претензии к Польше. В том же месяце канцлер Коль неожиданно отменил визит в Варшаву, как говорили тогда, из-за положения германского меньшинства в Польше и нерешенного вопроса о границах.

³ Эта Комиссия ЦК была создана еще в 1968 году для рассмотрения и вынесения рекомендаций по военно-политическим вопросам и являлась прообразом нынешнего Совета безопасности. В нее входили руководители пяти ведущих ведомств, занимающихся вопросами безопасности – МИДа, Минобороны, КГБ, Международного отдела ЦК и Военно-промышленной комиссии при Совете Министров. Отсюда и название – Большая пятерка. Была еще и Малая пятерка – это представители тех же пяти ведомств, но рангом пониже. Они занимались проработкой конкретных проблем, которые потом и докладывали на Большой пятерке.

В общем, скоротечное германское объединение при отсутствии надежных гарантий западных границ Польши вынуждали ее сдержанно относиться к радикализму венгров. Советские войска в Германии и в Польше были для нее пока еще гарантами нерушимости польских границ. Поэтому польские представители говорили тогда лишь о сокращении советских войск в их стране, не уточняя, много ли надо сокращать.

Западная Европа тоже зашевелилась. Министр обороны Нидерландов Релус тен Веак сообщил о намерении правительства отозвать большую часть своего воинского контингента из ФРГ⁴. Подобные голоса раздавались и в других странах НАТО. Причина тому не скрывалась: это-де поможет Советскому Союзу убраться из Европы. Но были и оппоненты, считавшие, что советские и американские войска должны оставаться в Германии. Их присутствие обеспечит стабильность процессу германского воссоединения и станет своего рода гарантом того, что Германия не уйдет в свободное плавание и, главное, не превратится в тот центр силы, который в прошлом уже не раз угрожал Европе.

Поэтому все эти дни после приезда в Вену, где велись переговоры о сокращении обычных вооруженных сил в Европе, я по одному «отлавливал» представителей стран Варшавского договора и пытался разъяснить им новую суть проблемы пребывания войск на чужих территориях. Теперь это уже не столько закрепление баланса сил между НАТО и ОВД, сколько фактор стабильности и постепенности воссоединения Германии. Воссоединение неизбежно – весь вопрос, когда и как. Но нам нужно влиять на этот процесс. Наши войска, как и американские, размещенные там на основе новых международных соглашений, создадут после Потсдама новую международно-правовую базу для пребывания войск в этой стране.

Сообщения об этом попали даже в печать. Американская «Вашингтон Пост» 28 января 1990 года, например, писала:

«По словам г-на Гриневского, Запад должен понимать, что по меньшей мере в краткосрочной перспективе присутствие советских войск в Восточной Европе отвечает интересам и Запада, и Востока, поскольку оно придает менее острый характер обеспокоенности по поводу возможного объединения Германии... Такое решение вопроса о войсках на переговорах между Востоком и Западом будет способствовать "созданию стабильности" в Центральной Европе в нынешней неопределенной обстановке».

Понимал это и польский посол на венских переговорах Владзимеж Канарски. Умный и хитрый дипломат, он высказал идею установления

⁴ *Die Welt*. 29.11.1989.

двух уровней численности войск. Один – для войск СССР и США в Центральной Европе. Другой – для всех остальных стран этого региона. Иными словами, вопреки венграм, план Канарского предусматривал дальнейшее сохранение как советского, так и американского присутствия в центре Европы.

В советской делегации план Канарского всесторонне обсуждали и пришли к единому выводу: он отвечает нашим интересам, а сокращение войск в складывающейся ситуации неизбежно. Надо только зафиксировать потолки присутствия советских и американских войск в Договоре. Разумеется, против могут быть не только западные страны, но и наши союзники. Ведь эти потолки будут закреплять то, что уже рушится, – нынешнее распределение сил между странами Варшавского Договора и наше присутствие в Центральной и Восточной Европе.

Поэтому мы решили поддержать установление уровней для советских и американских войск в Центральной Европе. Но не прямо, потому как на все наши предложения Москва упорно молчала. А косвенно, называя этот подход «польским вариантом» для того, чтобы остаться в тени и не показывать нашу заинтересованность и, тем более, то, что инициатива исходит от нас. В складывающейся ситуации выход был один: согласиться на ограничение советских и американских войск пусть даже в Центральной Европе. Это сейчас для нас единственная зацепка, чтобы хоть как-то там продержаться. Если мы этого не сумеем сделать в феврале, то вылетим из Европы уже после мартовских выборов в ГДР, как пробка из бутылки шампанского.

Понимал это и венгерский посол Майстер, но у него был совсем другой интерес: выставить нас из Восточной Европы – отсюда и так называемый венгерский вариант. Формально он совпадал с классической советской позицией. Ведь Советский Союз тоже выступал за вывод всех иностранных войск с чужих территорий. Но была и существенная разница. Мы предлагали сделать это к 1995–1997 годам, а венгры – немедленно. Поэтому в складывающейся ситуации польский план явно играл нам на руку. А вот остальные «друзья» плохо воспринимали все эти нюансы. Да и дома у них царила полная неразбериха.

Обо всем этом мы, разумеется, подробно сообщали в Москву и предлагали немедленно выступить с инициативой сокращения как советских, так и американских войск. Но из Белокаменной – тишина. И тут совсем неожиданно поддержку мы получили от советских военных.

16 января 1990 года в Вене состоялся семинар по военным доктринам, где за одним столом впервые сидели генералы НАТО и Варшавского Договора. Советский Союз представлял там новый начальник

Генштаба генерал армии Моисеев. В частных беседах нам удалось тогда выработать общий взгляд на решение этих проблем. Трудно сказать, как и почему это произошло. Видимо, военные острее, чем политики в Москве, чувствовали надвигающуюся волну германского объединения. Поэтому они с пониманием относились к нашей аргументации. А именно: присутствие советских и американских войск в Германии приходится рассматривать уже не только с позиций сохранения баланса сил в Европе, но и как своего рода предохранитель от нежелательных или неожиданных поворотов в процессе германского объединения. Их сокращение на основе международных соглашений создало бы новую правовую основу для пребывания наших войск в этой стране. Однако Моисеев строго предупредил: на существенное сокращение советских войск в Германии министерство обороны согласия не даст.

А на конференции в Вене эта тема по-прежнему была главной. 18 января за ланчем вопрос о пребывании советских и американских войск в Центральной Европе задал мне американский посол Джеймс Вулси. Какой-либо четкой позиции у него не имелось. Но было ясно, что венгерское предложение у него энтузиазма не вызывает. Я сказал ему, что у СССР и США много схожего в подходах к обеспечению стабильности в Европе, особенно в условиях надвигающегося германского объединения. Эту стабильность в первую очередь может обеспечить присутствие советских и американских войск в Европе. В этом контексте я изложил ему «польский план», подчеркнув, что это сугубо польская инициатива, но я намерен предложить Москве согласиться с ней.

Худой и энергичный Джим Вулси был хорошим собеседником, который на лету схватывал новые идеи. В Вену он приехал недавно и прекрасно разобрался в сложных перипетиях формирования политики в Вашингтонских коридорах власти. Криво улыбнувшись, он сказал, что «польский вариант» ему кажется интересным и он тоже сообщит о нем правительству. Позднее Вулси с гордостью рассказывал, что о нашей беседе он тут же сообщил в Вашингтон, она вызвала интерес в Белом доме и за первым номером легла на стол президента.

Такой же разговор был у меня и с послом ФРГ Рудигером Хартманом. Но он дока – его на мякине не проведешь. Его интерес – в «венгерском варианте».

Но все это было закулисным прощупыванием позиций. А 18 января на конференции заместитель министра иностранных дел Венгрии официально внес предложение о скорейшем выводе всех иностранных войск с территории европейских стран, не скрывая, что имеется в виду вывод в первую очередь советских войск.

КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ В ОБЪЕДИНЕНИИ ГЕРМАНИИ

Что ж, как записано у меня в дневнике, «значит, игра пошла ва-банк».

В Вену срочно прилетели министры иностранных дел ФРГ, Франции и Испании. Они выступали на пленарных заседаниях, а в кулуарах шла активная дискуссия о том, выводить или не выводить иностранные войска из Центральной Европы. В общем, вопрос этот уже ворвался в повестку дня переговоров в Вене. А у нас директив все нет. Ведем переговоры без них.

* * *

В Вашингтоне в те дни, в отличие от Москвы, вопрос о сокращении советских и американских войск в Европе активно обсуждался. Поднимался он и в Конгрессе.

В прошлом, до конца 80-х, американцы всегда настаивали на значительном присутствии своих войск в Европе. Причина не скрывалась: обстановка там непредсказуема, а Советский Союз продолжает иметь значительные силы, которые могут угрожать Западной Европе в случае ухода американских войск. Кроме того, заокеанские войска нужны для демонстрации силы в прилегающих регионах – Ближнем и Среднем Востоке. По этим же причинам практически все западноевропейские страны выступали за американское военное присутствие в Европе, а США это позволяло еще и оставаться одним из главных центров силы в политических играх Европы.

На европейском континенте было тогда 300 тысяч американских войск. Из них 250 тысяч в Западной Германии. А у Советского Союза в одной только восточной Германии было расквартировано более 360 тысяч военнослужащих.

Но теперь, в середине января 1990 года, внутри американской администрации начался жаркий спор – сокращать или не сокращать. Министр обороны Ричард Чейни и Начальник Объединенного комитета начальников штабов Коллин Пауэлл хотели сохранить потолок в 275 тысяч, объявленный президентом Бушем еще в мае 1989 года. Госсекретарь Бейкер тоже считал, что «не следует раскачивать лодку», и предлагал записать в Договоре уровень 275 тысяч, а в последующих переговорах, если будет нужно, пойти на сокращения до 200 тысяч. Но Скоукрофт и Совет национальной безопасности (СНБ) предлагали понизить присутствие войск до 200 тысяч и включить эту цифру в качестве уровня для американских и советских войск на иностранных территориях.

Однако американские военные не соглашались. Возник тупик. Президент сердился:

«Мир меняется, – говорил он, – и нам надо меняться вместе с ним... Почему мы должны сохранять все то же количество войск и бомб? Нам надо проверить русских. Надо предложить им сделать что-то такое, на что, мы уверены, они никогда не пойдут, например, асимметричные сокращения. Иначе мы упустим возможность, Конгресс в одностороннем порядке сократит наши вооруженные силы и мы ничего не получим взамен».

И принял волевое решение – взять за основу подход СНБ. В результате была выработана позиция, которая предусматривала сокращение советских и американских войск в Центральной Европе до 195 тысяч человек. Кроме того, США могли бы иметь в остальной части Западной Европы еще 30 тысяч военнослужащих.

Теперь это нужно было согласовать с союзниками. Первым, кому позвонил Буш, был канцлер Коль; он сразу же согласился. Не возражал и итальянский премьер Джулио Андреотти. А вот французский президент Миттеран высказал опасения, что все эти предложения о сокращениях, следующие одно за другим, могут привести к нейтрализации Германии. «Если к концу года, – говорил он, – обе стороны (ГДР и ФРГ. – *О.Г.*) изберут парламенты, которые будут иметь в своих программах воссоединение, возникнет широкое движение за вывод из Германии всех иностранных войск и ядерного оружия». Но Буш стал заверять, что США твердо выступают против этого. Потом он позвонил Тэтчер, но та стала выражать беспокойство за судьбу НАТО, если объединенная Германия выскажется против размещения ядерного оружия на своей территории⁵.

В результате уговаривать союзников пришлось ехать Ларри Иглбергеру из госдепа и Роберту Гейтсу из СНБ. И не без труда, в конце концов, их согласие все же было получено. Тогда Буш решил включить это новое предложение о сокращении войск в свое обращение к стране, которое он намеревался произнести 31 января.

Но за день до этого он направил послание Горбачеву, проинформировав его о своем новом предложении. В нем говорилось, что «путем установления таких потолков и с согласия своих союзников США намерены сохранить значительное военное присутствие в Европе в обозримом будущем независимо от того, какое решение вы примете в отноше-

⁵ *Беседы автора с Дж.Вулси, Франсуа Плезаном и Рудигером Хартманом; George Bush and Brent Scowcroft. A World Transformed. Alfred A. Knopf NY., 1998. P.210–212; Zelikow Ph., Rice C. Germany Unified and Europe Transformed. Harvard University Press, England, 1995. P.170–172.*

нии ваших собственных сил». После этого он позвонил «другу Михаилу» и повторил то, что было написано в послании. Горбачев переспросил, правильно ли он понял? А когда еще раз выслушал то, что ему уже говорил Буш, обещал «обдумать» это предложение США. И, как часто бывало, пустился в многословные, ничего не значащие рассуждения:

– Однако я хотел бы сказать, что нам надо будет говорить о Центральной Европе и других ее районах. Нам нужно будет говорить не только об американских и советских войсках, но и о других войсках. Бейкеру и Шеварднадзе предстоит много сделать. Нам с вами тоже надо будет поговорить. Вы можете рассчитывать на наше сотрудничество, наше конструктивное сотрудничество. Вы можете быть уверены, что мой ответ означает, что я счастлив, что мы поддерживаем контакт для обсуждения самых важных сегодняшних проблем. Я надеюсь, что вы получите более подробный ответ от меня или когда Бейкер приедет в Москву⁶.

31 января, как и было обещано, Буш в своем послании Конгрессу «О положении страны» объявил эти новые предложения о сокращении войск. И, как предполагали в Белом доме, они сразу же оказались в центре мирового внимания. Еще бы – ведь предлагаемые сокращения не только были существенными. Они напрямую затрагивали процесс германского объединения – присутствие советских и американских войск должно было обеспечивать его стабильность.

***Как замышлялось
воссоединение Германии***

С начала января в Москве на самом верху шли дискуссии, как и с кем вести переговоры о будущем Германии. И сомнений здесь не было только в одном: воссоединение должны делать сами немцы – ГДР и ФРГ. Но только под контролем и строгим патронажем четырех великих держав победительниц – СССР, США, Англии и Франции. Иными словами, вернуться к механизму, который в прошлом уже вершил судьбы Германии.

Итогом этих дискуссий явилось послание, которое 12 января 1990 года Шеварднадзе направил в Вашингтон, Лондон и Париж. В нем говорилось, что четыре державы не могут относиться безразлично к переговорам между ГДР и ФРГ об их новом «договорном сообществе». И предлагалось, чтобы послы этих четырех держав начали дискуссию относительно взаимоотношений между ГДР и ФРГ.

⁶ Перевод с английского из кн.: George Bush and Brent Scowcroft. P.214.

Вашингтон тут же проинформировал об этом Бонн, и тот занял резко негативную позицию. Там были категорически против возврата к прошлому, когда 4 победителя в прошлой войне создавали своего рода директорат, который через голову немцев решал судьбу Германии. И Вашингтон поддержал Коля. А Лондон и Париж колебались. Чтобы смягчить отказ, англичане предложили ответить, что представители 4-х держав в Берлине, как и прежде, могли бы вместе с представителями ФРГ и ГДР координировать вопросы, касающиеся статуса Берлина и общественной безопасности города. Такой ответ и пошел в Москву.

Но из Москвы уже в конце января по мидовским каналам поступило теперь уже истеричное послание о необходимости срочного созыва четверки по Германии. Однако Запад просто проигнорировал его. В общем, тупик.

А в те же дни в Вашингтоне, параллельно с вопросом сокращения войск в Европе, активно прорабатывались конкретные пути воссоединения Германии. Импульс этому в середине января дал канцлер ФРГ Гельмут Коль, который круто поменял курс: вместо конфедерации избрал прямой путь к единству без каких-либо промежуточных шагов. И действовать решил как можно быстрее.

Тогда же аналогичный курс решили взять в Белом доме: США нужна более амбициозная и действенная политика. В Совете национальной безопасности пришли к выводу, что чем быстрее Германия объединится, тем лучше будет для Америки. Такое объединение должно быть разработано Вашингтоном совместно с Бонном, а международное сообщество пусть будет просто поставлено перед уже свершившимся фактом. Да, США потеряют при этом свои права в статусе четырех держав-победительниц, но приобретут высокий авторитет у немцев, как главный адвокат их единства.

Как пишут сотрудники СНБ тех дней Кондолиза Райс и Филипп Зеликоу, «Блэквилл боялся, что если объединение затянется на долгие годы, то Советский Союз и другие страны получат большие возможности выторговать уступки Бонна в отношении членства в НАТО, его участия в военной организации этого союза и присутствия американских войск в Европе в обмен на согласие с объединением». Правда, советская политика в отношении Германии казалась тогда Вашингтону неэффективной – «осторожной и даже сбивчивой», так как в то время Москва хотела дружить с Западом. Но Блэквилл считал, что окно возможностей не будет оставаться открытым долгое время. Нужно действовать быстро и просто отставить в сторону озабоченности западных стран.

КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ В ОБЪЕДИНЕНИИ ГЕРМАНИИ

26 января он доложил Скоукрофту, что «объединение должно происходить быстро, а не постепенно, шаг за шагом, и процесс не будет ждать "увеличивающейся интеграции европейского сообщества"»⁷. Тогда же в госдепартаменте Бейкер и его сотрудники пришли примерно к тем же выводам.

Интересно, что в эти же дни до высшего руководства в Кремле, наконец, дошло, что объединение неизбежно и уже ворвалось в повестку дня. Видимо, поэтому 26 января 1990 года Горбачев провел у себя в кабинете ЦК узкое совещание по германскому вопросу, на котором присутствовали Рыжков, Шеварднадзе, Яковлев, Ахромеев, Крючков, Фалин, Черняев, Шахназаров, Федоров, Ивашко⁸.

Горбачев начал так:

– Процессы в Германии ставят в сложное положение и нас, и наших друзей, и западные державы. СЕПГ распадается. Теперь уже ясно, что объединение неизбежно, и мы не имеем морального права ему противиться. В этих условиях надо максимально защитить интересы нашей страны, добиваться признания границ, мирного договора с выходом ФРГ из НАТО, по крайней мере, с выводом иностранных войск и демилитаризацией всей Германии. Надо откровенно поговорить о том, что будет происходить. Разрешены все варианты, кроме одного – применения наших вооруженных сил... Наше общество воспринимает отход ГДР, и прежде всего ее поглощение Федеративной республикой с печалью и сожалением... Однако в данной ситуации ничего изменить нельзя. Нам придется это пережить.

И заявил: «На процесс мы можем воздействовать только через ФРГ. И здесь перед нами выбор: Коль или СДПГ?» А на предстоящей в ближайшие дни встрече с канцлером предложил занять твердую линию:

– В ГДР – наши войска, в ФРГ – натовские войска. Это реальный факт, вытекающий из правовых итогов войны, установленных победителями. И это утверждает право четырех держав участвовать в герман-

⁷ Zelikow Ph., Rice C. *Op. cit.* P.159–160.

⁸ Составлено на основе следующих материалов: Беседа автора с В.Фалиным; В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С.551–555; Галкин А., Черняев А. Правду, и только правду // *Свободная мысль*. 1994. №2–3. Январь–февраль. С.26–27; Горбачев М.С. Как это было. Объединение Германии. М.: Вагриус, 1999. С.93–95; Модров Х. Я хотел жить в новой Германии. М.: Международные отношения, 2000. С.380–381; Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М.: Прогресс-Культура. 1993. С.346–347; Шахназаров Г. Цена свободы. М.: Россика; Зевс, 1993. С.125.

ском процессе... Главное, на что никто не должен рассчитывать, что объединенная Германия уйдет в НАТО. Наличие наших войск этого не позволит. А убрать их мы можем, если американцы тоже уберут свои войска. А они этого еще долго не сделают. И с этим Колю придется считаться, как и с тем, что экономически съест ГДР потребуются несколько лет. Так вот. Эти годы – и в вашем, и нашем распоряжении. Давайте разумно их используем.

Дискуссия продолжалась около 4-х часов и временами была жесткой. Конкретно обсуждался вопрос, на кого ориентироваться в наших действиях?

Первым выступил Черняев и предложил взять твердую ориентацию на ФРГ, потому что в ГДР у нас уже нет никакой опоры. Причем ориентироваться конкретно на взаимопонимание с Кодем, а не с СДПГ. Социал-демократы превращают объединение в объект избирательной борьбы, а Коль, во-первых, твердо держится идеи воссоединения в рамках общеевропейского процесса; во-вторых, повязан союзниками по НАТО; в-третьих, «более верный» в личных отношениях с Горбачевым – человек слова. По сути дела Черняев занял радикально прозападную позицию и вопреки тому, что раньше говорил Горбачев, предлагал бросить ГДР на произвол судьбы. Кроме того, он высказался за то, чтобы отменить уже намеченные встречи с гэдэровскими руководителями Модровым и Гизи.

Ему возражали германисты – Фалин и Федоров. Они говорили, что Советский Союз не должен бросать ГДР, и горячо отстаивали ориентацию на СДПГ. При этом Фалин подчеркивал фундаментальное различие между прямым объединением путем присоединения ГДР к ФРГ и объединением двух равноправных суверенных государств через конфедерацию. Но, что бы ни делали немцы, СССР имеет право настоять на учете его интересов. И неправильно считать фатальной неизбежностью вхождение Восточной Германии в НАТО.

Яковлев и Шахназаров поддержали Фалина. А Шеварднадзе поддержал Черняева. Но стал крутить: «Нам не надо включаться в дискуссию о воссоединении, – говорил он. – Не наше это дело. Пусть ГДР выступает с инициативой. А о войсках вести разговор только с Соединенными Штатами». Крючков определенной позиции не имел. Правда, его оценки положения дел в ГДР прозвучали весьма пессимистично: «Дни СЕПГ сочтены. Это не рычаг и не опора для нас. А государственные структуры ГДР разваливаются».

Рыжков тоже был далек от оптимизма, но оговорился, что нельзя все отдавать Колю. Процесс воссоединения не остановить, говорил он, а

КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ В ОБЪЕДИНЕНИИ ГЕРМАНИИ

сохранить ГДР – дело нереальное. Конфедерация – да, но мы должны выдвинуть условия. Неправильно отдавать все Колю. В этом случае Германия через 20–30 лет развяжет третью мировую войну.

Весьма любопытными прозвучали тогда оценки Горбачева положения дел в уже распадающемся соцлагере:

– Чехословакия, Болгария, Венгрия в нас заинтересованы. Они переболеют, но не смогут далеко уйти. И Польша – особый случай... Она и экономически, и политически, и исторически зависит от нас. Не надо пугаться Мазовецкого и его претензий. Мы ведь полякам ничего зря не давали. Пока в ходе перестройки отношения с польским народом у нас не ухудшены.

Остается самый трудный пункт – ГДР. Ибо она может уйти: есть ФРГ и есть Европейское Сообщество, к которым она давно привязана. Для нас есть еще моральный фактор – реакция советского народа. Я бы поставил на то, чтобы выиграть возможно больше времени. Самое главное сейчас – растянуть процесс, какова бы ни была конечная цель.

И тут совершенно неожиданно он высказался, по сути, за то, что мы уже не раз предлагали из Вены. «Надо, – заявил Горбачев, – канализировать германский вопрос в венский процесс. По проблеме войск в Европе держаться так, чтобы не показалось, что мы просто уходим в год 50-летия Победы. Наличие войск в Германии тесно связать с венским процессом». Но слова эти как бы повисли в воздухе. Их никто не комментировал, и указаниями они не стали.

Единодушно, пожалуй, было поддержано лишь предложение Чернышева выступить с инициативой создания «шестерки» – четыре победителя (СССР, США, Англия, Франция) и две Германии (ГДР и ФРГ) – для обсуждения всех проблем, связанных с процессом воссоединения. И без особого энтузиазма большинство все-таки высказалось за то, чтобы ориентироваться в основном на Колю, но и СДПГ не игнорировать.

Горбачев подытожил эту дискуссию так:

– Пригласить Модрова и Гизи в Москву. Тут у нас моральные обязательства.

– Коля принять после Бейкера и сразу после Модрова. А потом Модрова проинформировать о беседе с Колем.

– Выстроить идеи для разговора с Колем на основе бесед с Бейкером и Модровым.

– Ахромееву готовить вывод войск из ГДР, причем «проблема эта более внутренняя, чем внешняя: 300 тысяч военных, из них более 100 тысяч офицеров с семьями. Их куда-то надо девать!»

КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ В ОБЪЕДИНЕНИИ ГЕРМАНИИ

мозить процесс и перевести его в общеевропейское русло; иначе будет нарастать влияние другой стороны, а наше влияние падать».

Конкретно его план предусматривал следующие этапы германского объединения:

– Заключение договора о сотрудничестве и добрососедстве (договорного сообщества), которое уже на этом этапе содержало бы существенные элементы конфедерации, такие как экономический, валютный и транспортный союз, а также сближение правовых систем.

– Создание конфедерации ГДР и ФРГ с совместными органами и учреждениями, такими как, например, парламентский комитет, палата земель, совместные исполнительные органы.

– Передача суверенных прав обоих государств органам власти конфедерации.

– Создание единого германского государства в форме Германской Федерации или Германского Союза путем выборов в обеих частях федерации, созыва единого парламента, который вынесет решение о принятии единой конституции и формировании единого правительства с местом пребывания в Берлине.

При этом в ходе процесса объединения оба германских государства должны добиться нейтрального статуса и сохранить его.

По сути дела это был план постепенного, трех- или даже четырех-этапного объединения Германии, реализация которого потребовала бы немало времени. Тем более, что проблему объединения предлагалось включить в повестку дня Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, которое намечалось на конец 1990 года.

Судя по записям этой беседы, Горбачев поддержал тогда план Модрова.

– Думаю, вы в ваших предложениях правильно намечаете этапы. Очевидно, сейчас надо настраиваться на заключение договора о сотрудничестве и добрососедстве с элементами конфедерации. Таким образом, уже на первом этапе вводятся новые элементы. Следующий этап – переход к конфедеративным структурам и в отдаленной перспективе – к срастанию двух государств в единое. Представляется, это неплохая основа для инициативной деятельности...

Едины мы и в том, что германские дела должны решаться в контексте общеевропейского развития. Самый главный вопрос – военный нейтралитет ГДР и ФРГ. Это требует обдумывания в конкретном плане. Но одно несомненно и очень важно: этот процесс должен идти с двух сторон. Если будет разрушена военно-политическая структура на Востоке, то создастся резкий перекоп в балансе сил, что, конечно, не может не

вызывать общую обеспокоенность всех европейцев. Вопрос ставится не вообще о нейтралитете, а о военном нейтралитете как этапе.

И заключил так: **«Главное – сохранение государственного суверенитета ГДР, невмешательство в ее внутренние дела».**

В общем, тут разговор звучал обнадеживающе – единая позиция вроде бы вырисовывалась. Однако Горбачев разочаровал союзников, когда дал понять, что СССР не может оказать ГДР серьезную экономическую помощь и что в этих вопросах ей придется ориентироваться на помощь Западной Германии. Но, когда Модров попросил сказать Колю об экономической поддержке слабеющей экономики ГДР, Горбачев прервал его и заявил, что тут нужно разговаривать не с ним, а с Рыжковым⁹.

Вернувшись из Москвы 1 февраля, Модров тут же опубликовал одобренный в Кремле план германского объединения. И мы вздохнули с облегчением: наконец, у Москвы есть хоть какая-то позиция по объединению пусть через конфедерацию, но в тесной увязке с общеевропейским процессом. Причем новая Германия должна быть демилитаризованной и нейтральной. Вот только опоздали мы с этим планом минимум на два месяца. Коля теперь уже отказался от своих 10 пунктов образования германской конфедерации и перешел к форсированному объединению без всяких условий. А мы по-прежнему делаем ставку на долгий, поэтапный процесс.

Однако уже на следующий день Горбачев совершил крутой вираж, вернувшись к своей прежней позиции «ничего неделания». Принимая в Кремле Председателя Социалистической единой партии Германии Г.Гизи, он заявил: «Мы убеждены, что в рамках европейского процесса, в конструкции общего дома в Европе может найти свое решение и вопрос о немецком национальном единстве». Но снова отложил такое решение на неопределенное время. «Произойдет ли это в условиях общеевропейской конференции, с идеей которой выступил президент Ф.Миттеран, или в какой-либо иной форме, это остается за историей», – завершил он¹⁰.

Но в тот же день, 2 февраля, Горбачев направил Бушу конфиденциальное послание, в котором призывал его поддержать план Модрова

⁹ Горбачев М.С. Как это было... С.95–99; Из беседы М.С.Горбачева с Х.Модровым // Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991. М.: Весь Мир, 2006. С.312–324; Модров Х. Указ. соч. С.380–382; Gorbatschow Erinnerungen. Berlin, 1995. S.714; Modrow H. Aufbruch und Ende. Hamburg, 1991. S.186.

¹⁰ Правда. 1990. 3 февраля.

по постепенному объединению Германии. И предупреждал, что любая поспешность, перепрыгивание через стадии могут привести только к хаосу.

Читая эти документы, можно лишь диву даваться. Ведь в своих мемуарах Горбачев, описывая эту встречу с Модровым и его план германской конфедерации, отмечает, что уже тогда пришел к выводу: «руководство ГДР в лице Модрова... не только не владеет ситуацией, но и серьезно отстает в понимании масштабов и опасности всего того, что происходило в обеих Германиях»¹¹. Если это так, то почему Горбачев не напишет честно, что и он тоже не владел ситуацией и не понимал масштабов опасности того, что происходит? Ведь тогда он не только поддерживал этот план Модрова, но и призывал президента США сделать это.

В этих мемуарах Горбачев пишет также, что встреча с Модровым привела его к мысли, что «основными моими партнерами в практическом решении острейших проблем, порожденных уже развернувшимся процессом объединения Германии, будут Коль и Буш». Но как раз в это время оба они пришли к выводу, что объединение должно происходить как можно быстрее. И оба решительно отвергали любую возможность нейтрализации Германии; она должна быть в НАТО.

Уже в конце января Блэквилл представил в СНБ внешние, военные аспекты плана германского объединения, которые должны были лечь в основу новой американской политики. Его главный постулат – объединенная Германия должна находиться в НАТО, даже если территория бывшей ГДР будет демилитаризована. Существенные, хотя и сокращенные, американские войска также должны оставаться в Германии. Нынешние границы ГДР и ФРГ станут границами объединенной Германии. Представители четырех держав, ФРГ и вновь избранного правительства ГДР встретятся в конечном итоге, чтобы одобрить германский договор. Затем он будет представлен в СБСЕ, но только для информации.

Скоукрофт согласился с этими соображениями, и строго секретный меморандум «Стратегия германского объединения» был представлен президенту. А копия его была передана в госдеп для Бейкера.

Но там тоже корпели над тем, какой должна быть объединенная Германия, и шли даже еще дальше, чем в СНБ. Разумеется, объединенная Германия должна находиться в НАТО. К этому надо твердо вести дело. Но одновременно нужно проработать возможность ее выхода из военной организации этого блока на тот случай, если Советский Союз

¹¹ Горбачев М.С. Как это было... С.99.

станет оказывать давление и заблокирует объединение. Кроме того, нужно быть готовыми к переговорам о выводе всех американских и советских войск с немецкой земли. В европейском департаменте госдепа рассматривалась даже возможность вывода всего ядерного оружия из Германии¹².

Тем не менее приоритет был отдан документу СНБ, и суть политики Вашингтона была выработана. Теперь там встал вопрос, как ее проводить. Скоукрофт, Блэквилл, Райс и Зеликоу из СНБ считали, что два германских государства смогут быстро совершить объединение, прежде чем Советский Союз и другие страны окажут этому дипломатическое сопротивление. А затем, когда объединение успешно завершится, два германских государства вместе с четырьмя державами одобряют его. В этой ситуации у Советского Союза будет мало шансов выступить против.

Однако в госдепартаменте Деннис Росс и Боб Зоелик – доверенные советники Бейкера – придерживались другой точки зрения. Они считали, что Москве надо дать возможность поучаствовать в переговорах по некоторым аспектам объединения, а не ставить ее перед свершившимся фактом. Но, как и в СНБ, они отвергали переговоры в формате четверки и в СБСЕ.

30 января они представили Бейкеру предложение о создании переговорного механизма 2+4, который соединял подход Бонна – объединением должны заниматься 2 германских государства – с подходом Москвы, который поддерживали Париж и Лондон, – это дело 4-х держав. Причем двойка – ГДР и ФРГ – будет заниматься внутренними аспектами создания нового германского государства, а четверка – внешними проблемами, связанными с объединением.

Бейкеру это предложение понравилось. В госдепе считали, что переговоры по формуле 2+4 с участием ФРГ Бонн будут устраивать. При этом одним из главных условий ставили их начало после проведения свободных выборов в ГДР 18 марта, когда будет сформировано новое правительство¹³.

Эти предложения госдепартамента и легли в основу политики США, как и с кем вести переговоры по объединению Германии.

Теперь этот замысел надо было обсудить с союзниками. Когда Бейкер рассказал о нем министру иностранных дел Англии Дугласу Хэрду, тот ответил, что предпочел бы переговоры по формуле 4+0. Но спорить

¹² *Zelikow Ph., Rice C. Op. cit. P.166, 418.*

¹³ *Ibid. P.167.*

КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ В ОБЪЕДИНЕНИИ ГЕРМАНИИ

не стал и согласился с американской формулой 2+4. А западногерманский министр Ганс-Дитрих Геншер сразу же сказал Бейкеру, что одобряет эту идею. Но настаивает на названии именно два плюс четыре, а не четыре плюс два. За «кошкиным столом» они сидеть больше не собираются: немецкий народ должен занимать достойное место на переговорах, имеющих отношение к его судьбе. И Бейкер заверил его, что так оно и будет. А вот министр иностранных дел Франции Ролан Дюма, с которым Бейкер встретился накоротке 5 февраля в аэропорту Шеннон, сказал, что Париж предпочел бы формулу 4+2.

Итак, на конец января 1990 года позиции двух великих держав в отношении объединения Германии вроде бы определились: оно неизбежно. Но как это объединение должно происходить?

Позиция СССР:

- Процесс объединения должен быть долгим и по этапам, предусматривая сохранение ГДР в рамках германской конфедерации на возможно больший срок.
- Неучастие объединенной Германии в НАТО. В крайнем случае пойти на это, но при условии вывода иностранных войск с ее территории и демилитаризации страны.
- Признание существующих границ.
- Переговоры в рамках «шестерки», возможно также и в СБСЕ.

Позиция США:

- Процесс объединения должен быть быстрым и по сути стать поглощением ГДР.
- Объединенная Германия должна быть в НАТО, хотя восточная ее часть может быть демилитаризована. Американские войска должны оставаться в западной части Германии.
- Признание существующих границ.
- Переговоры в рамках 2+4.

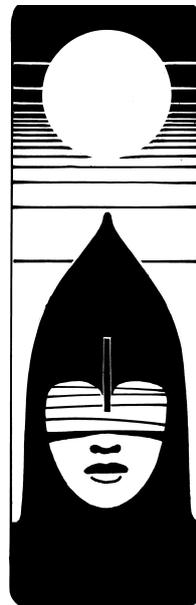
Что из этого получилось и чей подход восторжествовал, хорошо видно, если взглянуть на нынешнюю Германию. Но давайте посмотрим, как это все происходило. А первый шаг на этом пути был сделан в Москве во время визита Бейкера.

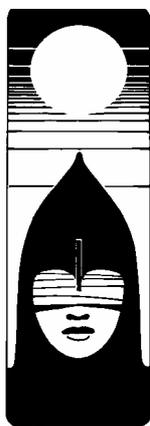
(Продолжение следует)

Мера политического зла соответствует масштабам политического бытия человека ... Проблема контроля над государством состоит в следующем: необходимо выработать механизмы институционального характера, делающие возможным исполнение функций власти и невозможным злоупотребление властью. Понятие «контроль» непосредственно проистекает из основного парадокса политического бытия человека; оно выражает практическое разрешение данного парадокса; предполагается, что в конечном счете государство должно быть, но оно не должно обладать абсолютной властью; предполагается,

что государство управляет, организует и принимает решения для того, чтобы человек мог существовать в качестве существа политического; и при этом предполагается, что тирания становится невозможной. Правильно сформулировать проблему политического контроля способна только та политическая философия, которая осознала специфику политики – специфику ее функционирования и специфику присущего ей зла.

Поль Рикер

Хажисмель Тхагапсоев

**РОССИЯ СЕГОДНЯ –
«БЫТИЕ
В ПРЕВРАЩЕННЫХ
ФОРМАХ»?**

**К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОМ
САМООПРЕДЕЛЕНИИ**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

The author on the basis of great array of facts demonstrates that the current Russian social, political and economic reforms lack systemic character from the outset. That lack of coherence imparts a diluted character to their results. The results acquire a transmuted form when proclaimed goals and intentions of reforms do not match their real results. In the end, as the author thinks, the peculiar situation has emerged: in nowadays Russia actually all basic institutions of the public life (social existence) have a transmuted form because functions these institutions perform differ from functions formally prescribed. For instance, institution of private property in Russia has not become the foundation of the creative economy, the parliament has not become a mechanism of democracy and a type of independent branch of power while political parties have not become mouthpieces of mass moods in society. In this general situation the university does not perform its mission too. The university has nor become a leading form of civil society, a barometer of democracy that exists in political life, the basis of science and technology development. And the most important point: law and legal relationship system does function because in the real life it is displaced by corruption.

В политическом измерении Россия ныне пребывает в особой ситуации – в ситуации политико-стратегической «перезагрузки». В этом контексте реляции о сохранении «курса 2000 г.», при всей их активности, не представляются бесспорными. Дело в том, что у политической реальности, а тем более у политической необходимости своя логика, свои вызовы и запросы. Более того, похоже, они уже заявляют о себе, в том числе в интенциях нового президента страны, претендуя на новое качество модернизации России. Значит, преемственности курсов еще предстоит определиться (не только в партийных лозунгах или формулах политической вежливости), обрести свою меру, систему смыслов и рациональную структуру. А самое главное, новому курсу предстоит лечь в контекстные рамки существующего политического, экономического и культурного бытия современной России, не утратив при этом заявляемой идентичности («не растворившись в контексте»). Резонно в этом плане задаться вопросом: «А что являет собой этот контекст?» Иначе говоря, что являет собой «российская ситуация сегодня», только исходя из которой может (и должен бы) строиться курс нового президента страны? Понятно, что этот вопрос может иметь различные ответы в зависимости от политических пристрастий отвечающего, степени детализации факторов, определяющих эту самую ситуацию, понимания их иерархии. Настоящая статья – попытка обрисовать «российскую ситуацию сегодня» в целостности.

К способу репрезентации «современной российской ситуации»

Выбранный нами когнитологический ракурс – «отображение целостности», – как и любое методологическое построение, имеет свои плюсы и уязвимые аспекты. Но главное в данном случае то, что целое не может сводиться к сумме фактов и их анализу, необходим образ этой целостности (абстракция, модель, метафора). Необходим и некий методологический оператор, который позволял бы редуцировать (хотя бы дискурсивно) целое к фактам, а также «восходить» от фактов к целостности. Теперь, вероятно, пора задаться вопросом: «Каков он, образ "современной российской ситуации", сложной и противоречивой, обнадеживающей и тревожащей, а главное, вызывающей множество вопросов?» При всех позитивных подвижках, имевших место в последние годы, стойкое ощущение от бытия современной России (от целостного образа этого бытия) просится в формулу «не совсем то, надо бы не так».

Почти все происходящее в нашей политической, социально-экономической и культурной жизни слишком часто обнаруживает «неполный», «неубедительный», «неглубокий», «демонстрационный», «стендовый» «поверхностный», «половинчатый», «запаздывающий», «амбивалентный», «эклетиный» характер, характер двоемыслия. Иначе говоря, признаки явной нехватки рациональной системности. За феноменами «не совсем то, надо бы не так», которыми изобилует ныне наша действительность, принято (как правило) видеть умысел, «дурную политику» или ошибки власти (что в той или иной мере всегда присутствует в политической практике). Однако, как показывает анализ, все гораздо сложнее: решающая роль в появлении отмеченных выше озадачивающих феноменов нашего социального бытия принадлежит объективным факторам. Здесь впору обратиться к такой концепции философии, как «превращенная форма», к ее эвристическому и методологическому («операторному») потенциалу.

Известно, что категориальный принцип «внутреннее – внешнее» выступает как универсальный способ структурирования и познания действительности, трансформируясь в различные концептуально-гносеологические конструкции: «форма – содержание», «означаемое – означающее», «знак – смысл». При этом особенностью оппозиции «внутреннее – внешнее» является то, что она, будучи способом и формой репрезентации целого (мерой целого), в то же время выражает содержательные различия сторон этого целого, а самое главное – фиксирует внимание на изменчивом, вариативном и синхронно-асинхронном характере отношений «внешнего» и «внутреннего» (формы и содержания).

Эти смысловые аспекты процесса познания разворачиваются в категории «превращенная форма», которая понимается как способ бытия сложных объектов (систем), единства их «внутреннего» и «внешнего»¹. Иначе говоря, «превращенная форма» – это такой продукт изменений, превращений, преобразований, трансформаций и повреждений внутренних связей-отношений целого (системы), который продолжает «оставаться» (сохраняться) за формой, как ее содержание (или часть содержания). А это значит, что в превращенной форме имманентное содержание подменяется (или частично подменяется) «иными сущностями». При этом, что принципиально важно, превращенная форма

¹ Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Новая философская энциклопедия. Т.4. М.: Мысль, 2000. С.264–266.

начинает играть самостоятельную роль в бытии и его процессах, определяя их наблюдаемые, эмпирически фиксируемые особенности и тенденции – эти самые феномены – «не совсем то, не совсем так», о чем выше говорилось.

**Повседневность как бытие
в мире превращенных форм**

В самом деле, если речь вести о факторах, определяющих сегодня существующий порядок российской жизни и структурирующих наше политическое бытие, то даже спустя почти двадцать лет после начала либерально-демократических реформ приходится говорить, увы, не об имманентных сущностях либерализма и демократии², а скорее об их «превращенных формах». А именно: о монополизации и приватизации возможностей сильнейшими группами влияния, этатизме, авторитаризме, бюрократизме, атомизации общества, низкой экономической активности основной массы населения, социальной апатии, ксенофобии, расизме и т.д. «Несистемный», аномальный, «конвергентный» характер многих аспектов социального и социально-политического бытия современной России фиксируется и в политологических дискурсах³.

Проще всего в этом контексте бросить камень «вслед уходящему», чего совсем не хочется. Но то, как подаются⁴ итоги «эпохи от 2000 года», вызывает желание (думаю, не у меня одного) по возможности беспристрастно взглянуть на «бытие России сегодня». Здесь в пору еще раз обратиться к концепции «превращенная форма». В проецировании на политику (политическую практику) смысл этой категории следующий. Любая утрата меры в политических деяниях: масштабности, системности, адекватности, динамизма, публичности, моральности, решительности и пр. – неизбежно оборачивается «превращенными формами», т.е. появлением таких результатов, которые «не совсем то». Вот как нам представляются примеры подобных превращенных форм.

² Принцип равных возможностей, спонтанность и динамизм социальной самоорганизации, коммуникативная рациональность (в обществе, отношениях общества и власти).

³ Перегудов С.П. Конвергенция по-российски: «золотая середина» или остановка на полпути? // Полис. 2008. №1; Пантин В.И. Политическое самоопределение России в современном мире: основные факторы, тенденции, перспективы // Полис. 2007. №5.

⁴ И подавались «на длинной полосе двойных выборов».

Чрезвычайная осторожность (отсюда запаздывание, половинчатость, локальность) политических действий последних восьми лет (подчеркнем еще раз, при определенных и бесспорных позитивах) в целостном измерении, как бы к этому ни относиться, увы, обернулась многими признаками политического цинизма:

- разрыв в уровнях доходов бедных и богатых так и продолжает расти;
- укрепление государства (что строилось без особого участия нанимателя этого государства – гражданского общества) обернулось разрастанием чиновничьего произвола и его универсальной формы – коррупции;
- отлучение олигархов от монопольного положения в СМИ привело к свертыванию свободы слова (особенно на региональном и местном уровнях).

Да и в мерах социального благополучия итоги этих лет весьма скромны: средний размер пенсии неполных 4 тыс. руб., а месячный доход статусной семьи профессора, врача или школьного учителя едва дотянет до 20 тыс. рублей (на всю семью) при рекордных ценах на нефть. К тому же симптомы морально-духовного нездоровья российского социума за последнее время обрели уродливые формы ксенофобии и шовинизма, так что столкновения и убийства по расовым и этническим мотивам стали атрибутом повседневной жизни России. Если не сбрасывать со счетов эти фундаментальные факты, то итоги «восьмилетки» не кажутся впечатляющими, более того, они вызывают множество вопросов, начиная с тех же национальных проектов. Бесспорно, что национальные проекты полезны и необходимы; они к тому же закладывают и новую бюджетную культуру. Но, что им явно не достает системности и масштабности, увы, очевидно. Иначе как можно понимать такую ситуацию (результат), когда:

- субсидирование аграрного производства сопровождается галопом цен на продовольствие, жилищного сектора – активизацией строительства элитного жилья и стагнацией сектора доступного жилья;
- компьютеризация школ толкает их на черный рынок контрафактной программной продукции, к тому же малокомплектной школе (в которой обучается 3–5 детей) и «школе-монстру» (с контингентом в 1 500–1 800 учащихся) «на модернизацию» выделяются гранты одинакового достоинства – в один миллион рублей;

- национальный проект «Здоровье» строится без учета региональной специфики⁵ – очевидного факта неизбежной зависимости «характерных проблем» здоровья человека от географического и природно-климатического факторов обитания этого человека.

Заметим, справедливости ради, что национальные проекты развиваются от «рекламно-стендового» формата к модусу реального инструмента политико-управленческой практики. Вероятно, найдут разрешение и отмеченные проблемы. Увы, совсем иная ситуация в сфере национальных отношений. Существующую ныне в стране ситуацию с национальным вопросом обычно технически квалифицируют как «нерешенность вопроса на данном этапе». Однако реальное положение дел куда сложнее: характерная для современной России половинчатость в решении многих ключевых вопросов наиболее опасным образом коснулась, похоже, именно национального вопроса. Это проявляется:

- в явной противоречивости существующих политико-правовых оснований регулирования национального вопроса;
- в отсутствии публично артикулируемой стратегии России по национальному вопросу⁶;
- в отсутствии нормативной практики системного проявления (мониторинга) и регулирования этнополитических процессов, а главное, в отсутствии действенных норм и механизмов подобного регулирования.

Зыбкость политико-правовых оснований в сфере национальных отношений повседневно заявляет о себе в конфликтных ситуациях и регулятивно-управленческих парадоксах, которые образуют, по меньшей мере, три типические группы.

Первая связана с расхождениями реальной этнополитической практики и норм Конституции страны:

- Конституция провозглашает единое гражданство, а политико-административное устройство страны базируется на этнических и этнотерриториальных принципах, создавая таким образом неприми-

⁵ А дело пока обстоит именно так.

⁶ К чему страна стремится: а) сохранить «этнополитическую единицу» – национальную республику – как основу федерализма; б) перейти к территориальной организации Федерации, а значит – к культурной автономии этносов; в) проводить политику поликультурализма или стратегию «плавильного котла» культур?

римые противоречия между двумя основными формами социальной субъектности россиянина – гражданской и политической;

- Конституция и нормы закона запрещают формирование политических партий национальной направленности, но в реальности активно действует (и не без успеха) ЛДПР, идеологию которой трудно назвать интернациональной; этнически окрашенные интенции просматриваются в идеологиях и ряда других узаконенных партий;

- противоречит нормам Конституции практика прямого и активного участия государственных структур в политическом движении казачества, позиционирующего себя как субэтнос.

Вторую группу образуют противоречия между целями и средствами российских реформ. Так, цели реформ – либеральные и демократические. А в качестве основного инструмента их реализации используется этатизм⁷. Более того, в России в целом нарастают тенденции этатизма.

К **третьей** группе можно отнести противоречия между провозглашенным Конституцией принципом единого гражданства в России и сохраняющейся (и даже ужесточаемой) практикой регистрации гражданина по конкретному месту проживания, что фактически перечеркивает этот принцип. Следует добавить, что строительство вертикали власти в последние годы на практике обернулось таким ростом уровня бюрократизации власти и управления, что фактически «возвращает» ситуацию в республиках к советским временам, когда все решалось из центра.

В этом плане характерен следующий факт. В регионах сегодня действуют 63 структуры власти и управления прямого федерального подчинения. Среди них не только прокуратура, ФСБ и МВД, но и многочисленные заведения – ведомства с державной приставкой «российское», которые, как это ни странно, всерьез заняты регулированием совершенно рядовых услуг населению (торговых, бытовых, кадастровых и т.д.). Более того. Либерализация социально-экономического бытия в стране в целом, а в последние годы и переход на стратегию проектного управления развитием (на основе общероссийских национальных проектов) в национальных республиках (особенно в депрессивных) оборачивается новыми формами ограничения и сковывания их развития. Речь, в частности, идет о так называемом «механизме софинанси-

⁷ В этнических республиках использовался и по сей день используется этнический этатизм, имеющий мало общего с демократией в политической жизни и либеральностью экономических отношений.

рования» национальных проектов. Нацпроекты «Образование», «Здоровье», «Доступное жилье» и др. управляются таким образом, что доступ региона к ним, как правило, обусловлен требованием принимать доленое участие (от 10 до 50%) в финансировании расходов на их реализацию в данном регионе. Это условие в реальной действительности оборачивается «механизмом выключения» (частичного выключения) республик из этих проектов, поскольку слабость экономики и дотационность бюджетов не позволяют большинству из них обеспечивать необходимое софинансирование и стать субъектом проекта. Так формально-либеральное партнерство, выстраиваемое из центра, фактически оборачивается превращенными формами, формами «отчуждающего» отношения Центра к регионам. Этнополитическая ситуация отягощается и тем, что российская законодательная практика серьезно отстает от изменений самой ситуации, ее запросов и потребностей. Так, в пору суверенизации этнических республик были введены законодательные нормы, которые обязывали республики финансировать «свои полномочия» за счет собственных средств. Это относилось и к расходам в сферах образования и культуры. В ту пору подобная практика была понятна. Однако национальные республики давно перестали быть суверенными, безотказно действует вертикаль власти и управления. Но почему-то сохраняется (как и в 90-е годы) требование самостоятельно финансировать расходы «на собственные полномочия». А это особенно болезненно (если не сказать, разрушительно) отражается именно на сферах образования и культуры российских республик со слабой экономикой. Достаточно известные последствия этой ситуации – низкий уровень зарплаты работников культуры и образования (как правило, от 2 до 4–5 тыс. руб.), деградация их материальной базы.

Но менее известны те последствия, которые в пору квалифицировать как массовое нарушение конституционных прав человека. Например, в Кабардино-Балкарской республике (и не только здесь) многие годы не ведется обучение в начальной школе на национальных (родных) языках. Это объясняется отсутствием средств на модернизацию и тиражирование учебников и пособий на языках местных этносов – кабардинском и балкарском. При этом социолингвистическая ситуация в республике такова, что в сельской местности⁸ «семейным языком» реально является либо кабардинский, либо балкарский язык. В итоге ребенок, приходя в школу (в первый класс), оказывается в немыслимо трудной ситуации.

⁸ А сельское население в этой республике составляет около 40%.

Он должен учиться с первого дня на языке, которым он не владеет, на русском языке. На языке права это означает не что иное, как нарушение конституционного принципа равного доступа к образованию. Подобных примеров отчуждающего (превращенного) проявления политико-управленческой практики Центра в отношении этнических социумов, увы, много. В их ряду и закон о реабилитации репрессированных народов⁹, принятый в 90-х годах, в популистской идеологии и априоризмах той поры. Закон содержит норму о территориальной реабилитации ряда этносов. То есть о расселении народов, репрессированных сталинским режимом в 40-годы, «сегодня и сейчас» на тех же территориях, где они обитали в то время. Эта норма просто не совместима с существующими реальностями, да и с курсом современной России на формирование единой политической нации. Однако рудиментарный закон продолжает действовать, провоцируя межэтнические трения и конфликты, этнический сепаратизм и экстремизм. В частности, в северокавказских республиках осетинско-ингушский конфликт, ползучую идею «карачаево-балкарского объединения» и прочие феномены политического экстремизма.

В целом же, как показывает анализ, характер сложности и противоречий в сфере национальных отношений являет собой «двойной кризис» – взаимное наложение двух очевидных кризисных явлений (феноменов). Первый – кризис российской политической стратегии в национальном вопросе (как в плане теории, так и в плане управленческой практики). Второй – кризис этнического сознания, что упорно не замечается в возобладавшем «дискурсе всеобщей стабилизации», хотя кричащим образом проявляется в ряде фиксируемых эмпирически фактов. Укажем наиболее значимые из них:

- общее снижение всех форм этнополитической активности в стране, ее вырождение в маргинальные формы – религиозный экстремизм и терроризм (особенно в кавказском регионе);
- снижение активности этнической самоидентификации при явной активизации религиозного самосознания и религиозной самоидентификации.

К признакам «нового кризиса» этнического сознания в современной России, на наш взгляд, относится и индифферентное отношение этниче-

⁹ Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» принят Верховным Советом РСФСР 27апреля 1991 г.

ских социумов к замене прямого выбора президентов республик их назначением.

Как известно, в современном мире открытые коммуникативные отношения социальных сообществ – носителей различных идентичностей, стилей и форм социального бытия – являются фактически единственным механизмом культурного прогресса и социальной интеграции. В России этого пока явно не хватает. Более того. Наметившиеся тенденции к диффузному перемешиванию этносов в нашей стране, их приток в «русские» области и края натывается на этнофобию и шовинизм (что почему-то остается вне обеспокоенного внимания внутренней политики нашего федеративного государства). Агрессивно-конфликтная идентификационная мера «наши – не наши» сегодня претендует стать детерминантом социально-культурной коммуникации в России, в стране на редкость многонациональной. Об этом вновь и вновь напоминают факты из повседневной драмы межнациональных отношений не только печально известной Кондопоги, но и Астрахани, Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Сальска, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, Ингушетии. Поведенческая диспозиция «наши» – «не наши» – такова, увы, превращенная форма нашей невнятной политической практики в сфере межнациональных отношений. Но, пожалуй, самая опасная форма «превращения» этнополитической практики в сегодняшней России – это уход властей от решения «этнического вопроса», в сочетании с явным неумением подходить к этнической проблематике в широком контексте, что переводило бы «этническое» в социальное и экономическое, а главное, в общее, общенациональное российское русло их решения.

В этом плане характерна так называемая «кавказская ситуация», или «кавказская пороховая бочка» (перенаселенность региона, низкая трудовая занятость, слабая экономика, со всеми вытекающими отсюда последствиями). А между тем проблему «кавказской пороховой бочки» можно было бы если не снять, то хотя бы значительно ослабить, если бы в России земельный вопрос решался на системном, общенациональном уровне. Но не в рамках отдельно взятого муниципалитета, как это имеет место, а в целом по стране, при одинаковом отношении ко всем россиянам, готовым избрать для себя судьбу землепашца. А пока картина такая: в одних регионах страны крестьянин имеет (получил) до 30 га, а в других – 0,2–0,3 гектара земли. В итоге в одних весях земли брошены, рук не хватает, а в других – дефицит земли и перенаселение. В то же время проблемы «внутреннего перетекания» и перераспределения тру-

довых ресурсов в стране если и ставятся, то не увязываются с этнической проблематикой, с той же «кавказской ситуацией».

Как уже неоднократно подчеркивалось, многие аспекты (процессы, значимые факты, институты) социально-политического бытия современной России предстают как «превращенные формы». Они, увы, всюду: ориентация политики на демографический подъем и поощрение многодетности странным образом сопровождается «усовершенствованием» жилищного кодекса с отменой всяких жилищных льгот для многодетных семей. Притчей во языцех стал явно превращенный характер монетизации льгот (в общем, необходимой), которая и после многочисленных поправок по-прежнему вызывает вопросы. Превращенные формы экономической политики сами выстраиваются, когда объемы экспорта сырой древесины («отечественного кругляка») странным образом так и не убывают, несмотря на рост патриотичности экономической политики. Перечень подобных примеров превращенных форм бытия социально-политической практики в современной России просто неисчерпаем. Но, повторим, было бы неверно понимать сказанное лишь как укор власти (хотя этот аспект неустраним). Куда важнее прояснить их истоки и возможные пути преодоления. Вот здесь впору обратиться к главным институтам, порождающим и регулирующим основания нашего социального бытия: к Конституции, парламенту, политическим партиям, гражданскому обществу, университету, к особенностям их существования в современной России.

В этом контексте вернемся еще раз к философскому смыслу превращенной формы. Для нее характерно, прежде всего, то, что прямое (и аутентичное) отображение и бытование в ней первоначального «идеального» содержания исключается, оно замещено чем-то иным, «дефектным». Подобную ситуацию, как уже отмечалось, мы постоянно обнаруживаем при анализе реальностей нашей страны, где либералистские формы социальной организации и политической практики выступают в таких модусах, за которыми стоят содержания далеко не либерального толка. И в самом деле, реальности современной России вовсе не исчерпываются набором стандартных либералистских форм, они включают в себя еще и массу прочих форм социально-политической организации и деятельности, унаследованных, прежде всего, от советской поры. В итоге складывается не просто набор или сумма превращенных форм, присутствующих в социальном бытии, но

некое «новое целое», что, на наш взгляд, следовало бы именовать «современный российский либерализм»¹⁰.

К истокам превращенных форм нашего бытия

Начнем с главного, с Конституции страны 1993 года. Она изначально и «объективно» была обречена на модус «превращенной формы» и репликатора превращенных форм социально-политического бытия. Дело в

том, что демократия в той ситуации, в которой рождалась нынешняя Конституция России, не могла восприниматься иначе, как ценность. Чтобы демократию воспринимать в ее «рабочей ипостаси», как спонтанность свободной самоорганизации социума или как «форму нравственного общения» (Дьюи), вероятно, необходимо было пройти хотя бы через опыт «дефектной», «управляемой», «ограниченной» (а теперь еще и «суверенной»), но все же – демократии, что у нас случилось лишь позже. Коль скоро демократия была понята как ценность социального бытия, то резонно было и Конституцию подчинить ее «охране». Так оно и случилось. В этой логике гаранту Конституции президенту надлежало (и надлежит), в первую очередь, обеспечивать «охрану» и «сохранность» демократии, а значит, определять пространство, пределы и формы ее существования. Результат подобной конституционной логики известен. Демократическая по замыслу («идеальному содержанию») Конституция, зафиксировав демократию скорее как «ценность» (т.е. с «дефектом интерпретации»), чем «как способ» социального бытия, превратилась в механизм охраны этой ценности от широкого употребления, в механизм дозирования и ограничения. В этом контексте Конституция фактически оборачивается в механизм «ручного регулирования» бытия страны от «первого лица», что мы видим на примере последних лет. Данное своеобразие нашей Конституции, увы, переносится практически на все аспекты нашего социального бытия. Парламент и политические партии соответственно обретают во многом факультативный характер в бытии страны. Правительство может одновременно следовать различным векторам политики, а бытием гражданского общества становится «поиск дружбы» с властью. Превращенный характер всех наших партий достаточно очевиден. Различия лишь в формах превращенности: одни партии существуют в форме театра поли-

¹⁰ Тхагапсоев Х.Г. К российским превращениям либерализма // Вопросы философии. 2004. №12.

тического эпатажа, другие – как бизнес или семейный клуб, третьи – виртуально, лишь как продукция СМИ, а четвертые – как корпорация чиновников.

В то же время превращенный характер наших политических партий имеет и некий единый, общий для всех партий исток, а именно: особенности бытия современной политической элиты России. Она (элита), понятно, выросла из наиболее значимого политического процесса последних десятилетий: процесса формирования собственника. Вполне естественное следствие этой ситуации: политическая элита востребована означенной корпорацией прежде всего в функциях охранителя сложившегося порядка, а значит в той мере, в какой она (элита) обладает властными механизмами насилия. В такой ситуации, по сути, единственной формой существования политической элиты становится собственное увековечивание во власти (бытие в бытии «бессменного чиновничества»). Соответственно чиновничество воспроизводит в партии свою иерархическую структуру. Ныне воплощением подобного модуса бытия является партия «Единая Россия». В этом контексте превращенный характер обретает и наша многопартийность, наличие в стране ряда партий странным образом сочетается с отсутствием закона об оппозиции. В итоге реальным содержанием многопартийности оказывается игнорирование точки зрения, позиции и интересов той части населения, которая стоит за «партиями не у власти», а также декоративные роли партий-миноритариев на сцене политики, что реально мы и наблюдаем.

Как уже подчеркивалось, превращенные формы в нашем социальном бытии весьма многообразны, затрагивают самые разные сферы, в том числе и образование. Какими бы разноречивыми ни были оценки по поводу «современной российской ситуации» и «тенденций ее развития», вполне очевидно, что Россия развивается по вектору демократии и либерализма (пусть пока и в «тормозящих сетях» превращенных форм). В этом плане роль университета (вуза) в жизни общества становится по сути ключевой; лишь механизм университета способен обеспечивать воспроизводство и развитие форм жизни в современном мире, сложность которых непрерывно возрастает. А между тем университет в России¹¹, увы, остается пространством административно-феодалных порядков во главе с «бессменными» и пожизненными ректорами, чиновным лицензированием, стандартами на содержание образования, разре-

¹¹ Возможно, за исключением небольшого круга наиболее «продвинутых» из них.

шительно-запретительной курсовой системой обучения и репрессивными «УВК» (управлениями внутреннего контроля). По-своему логично, хотя и грустно, что университеты стали едва ли не главным политическим тылом однопартийного монополизма, а их ректоры – ядром партактива «Единой России».

В итоге наши университеты обретают своеобразное бытие. С одной стороны, раздвигается горизонт выбора человека, в том числе и в пространстве «наук для гражданского общества» и «демократической самоорганизации социума»: юридических, экономических, политических, социологических. С другой, – сохраняется и крепнет уклад «кузницы кадров», управляемой активистами монопольной партии, продуцируя далекую от демократии культуру иерархизма. Это в корне противоречит духу, принципам и традициям университета в цивилизованном обществе; идет вразрез с известным положением университетской Хартии (1988) о том, что университетское исследование и преподавание должны быть свободны и интеллектуально независимы от любой экономической и политической власти.

В результате университеты, которые по определению обязаны позиционироваться вне власти и над властью, быть интеллектуально-моральными центрами общества, генерировать модели гражданского общества и образцы демократии, а в отношении любой власти ограничиваться критико-аналитическими и экспертными функциями, пребывают в роли активных агентов и элементов монопольной партийно-политической власти, формируют «марширующих» («Наши», «Идущие вместе»). В цивилизованном и демократическом мире, как известно, именно университет выступает тем чувствительным барометром, который неизменно реагирует на все общественно значимое – на социальные и политические «вызовы» и «аномалии», промахи и ошибки власти и даже на излишнюю активизацию какой-либо корпорации интересов и влияния. У нас пока ничего подобного не замечено, даже в отношении таких весьма опасных социальных явлений, как этнофобия, шовинизм, расизм.

Реально ли, что подобная «университетская культура» будет продуцировать безупречные модели гражданского общества и высокие образцы демократии? И нет ли оснований к заключению о превращенном бытии университета в России?

Некоторые особенности превращенных форм выше уже анализировались. Но, вероятно, самое главное заключается в следующем. В превращенных формах стохастичность и спонтанность трансакций соци-

альных субъектов¹² замещается / подменяется преимущественно векторным, предписанным характером поведения и действия, порождая ситуацию «вырожденного содержания». Соответственно политическая партия превращенного типа действует не как ассоциированная форма взглядов и интересов, а как корпорация ее лидера. Парламент – не как независимая ветвь власти, выражающая весь спектр устремлений общества, а как механизм нормативного оформления воли исполнительной власти (или даже отдельных заказчиков закона). А университет вместо того, чтобы становиться интеллектуальным и моральным центром гражданского общества, пространством инноваций, продолжает оставаться пространством административного принуждения. В этой общей логике ситуации «Россия сегодня» формой бытия профсоюзов является не столько защита наемного работника и борьба за «демократию на рабочем месте», сколько карьера в кабинетной тиши «независимых профсоюзов» и дружба с властью. О превращенности форм бытия судебной власти и прочих институтов правопорядка и говорить не приходится: российский гражданин предпочитает обходиться без «их защиты».

Очерченный круг превращенных форм социального бытия, разумеется, далеко не полный, будучи в сложных отношениях с целостным (интегральным) бытием России, и определяет сегодняшнюю ситуацию в стране. Но превращенные формы бытия современной России, пожалуй, наиболее полным и впечатляющим образом выразились в нашем новейшем капитализме (его облике и нравах). Здесь практически все, от механизмов возникновения¹³ до наиболее продвинутых форм его сегодняшнего бытия¹⁴, изобилует превращенными формами.

Дело в том, что наши реформы, направленные на демократизацию политической жизни и либерализацию экономической, казалось бы, должны опираться на рационально-мотивированную активность «снизу» и горизонтальные отношения в социуме, изначально (с 90-х годов) строились в превращенном модусе: сверху и на редкость императивно, как мессианское деяние элитарной корпорации реформаторов. Соответственно и плоды этих реформ изобилуют превращенными формами. А главное, сама социально-политическая среда, как уже подчеркивалось, сформированная в ходе либералистских реформ,

¹² Это, впрочем, и составляет содержание любой социальной формы.

¹³ Чековая приватизация, залоговый аукцион, конвертация власти в собственность и собственности во власть, криминал как бизнес и т.д.

¹⁴ Монополизм, олигархизм, корпоративный лоббизм.

структурирована не принципом равных возможностей, не механизмами и ценностями демократии и либерализма, а олигархизмом (самых различных форм и масштабов), авторитаризмом, этатизмом и эгоистичным (если не сказать, агрессивно-наступательным) корпоративизмом. Более того, эти «порождающие начала» современного социально-политического и экономического бытия России «отлились» в особые «культурные формы», фиксирующие распределение статусов и ресурсов в нашем обществе. Вот некоторые примеры этих форм. «Муж – мэр, жена – успешный предприниматель»¹⁵. Своеобразной формой официального признания системной трансформации принципа равных возможностей в принцип «приватизации самих возможностей» являются и эпизоды из нашего социально-политического бытия под названиями: «три кита»; «оборотни в погонах»; «равноудаленность олигархов»; замминистра, а то и министр федерального ранга «под судом» и т.д.

Главный механизм этой трансформации хорошо известен: это слитность власти и бизнеса, которая у нас так и сохраняется с 90-х годов. А между тем при кажущемся разнообразии форм (и лиц) слитности власти и бизнеса, а по сути – форм «приватизации возможностей», произросших на nive наших реформ, за ними стоит фактически один и тот же тип совсем не либеральной экономики – данническая экономика, коррупция. А она в нашей стране чрезвычайно многообразна в механизмах и формах своего существования. Так, когда речь идет «об авторитетном мэре» крупного города (или «влиятельном губернаторе»), прочно встроеном в вертикаль власти, данническая экономика функционирует в форме конвертации политического влияния оногo мэра (губернатора) в «собственность – деньги – бизнес», а в роли данников выступает все население, общество. Подобная форма даннической экономики у нас стала практически «легитимной» и, как это ни странно, не вызывает в обществе заметных протестов даже тогда, когда жена мэра, который занимает этот пост бессменно с 90-х годов до наших дней, оказывается в списках долларовых миллиардеров.

Другое дело, когда речь идет о чиновниках рангом пониже: префектах, мэрах небольших городов, милицейских чинах. Здесь данническая экономика с необходимостью падает на плечи конкретных данников, «призванных лиц», каковыми часто оказываются те, кого в России ныне

¹⁵ *Варианты: муж – президент этнической республики, губернатор края / области, министр, сенатор, депутат, прокурор, судья, высокий милицейский чин, а в качестве успешного предпринимателя – сын, дочь, зять, брат, тесть, теща, друг, друг семьи и т.д.*

недружественно именуют «лицами кавказской национальности». Их ценность в системе даннической экономики заключается лишь в одном – в приверженности к данническим традициям. Вот и идет «кавказский рекрут» в вотчины чиновника от Калининграда до Камчатки и Магадана. Лицо со жгучей южной фамилией в числе вице-мэров, вице-губернаторов, руководителей «тепленьких департаментов» ныне у нас стало неперенным элементом системы экономических отношений.

Но самое главное заключается в том, что наш капитализм, изначально формирующийся как «капитализм завладения богатствами», пока еще не очень эффективен в производстве богатств. Более того, производство богатств в его наиболее ценных и современных инновационных формах ему вовсе недоступно. В итоге получается парадоксальная ситуация, когда:

- мы по числу долларовых миллиардеров обогнали всю Европу, а по показателям социально-экономического развития догоняем периферийно-провинциальный капитализм Португалии;
- личное достояние первой сотни наших богатых почти сравнялось с ВВП России, но средства на продуцирование новых технологий берутся из государственного бюджета (в общем, не очень богатого);
- технологический рост и технологическую конкурентоспособность нашего капитализма приходится обеспечивать вне этого капитализма, на основе административно-мобилизационных механизмов, усилиями государства и государственных корпораций.

Похоже, что в пространстве бытия, где уже накопилась некая критическая масса превращенных форм, начинает действовать *принцип всеобщей превращенности*. Так, наш путь к демократии обернулся культом авторитетного правителя, а главный институциональный фактор демократии, Конституция, – в личностный фактор (когда демократичность нашего социально-политического бытия зависит не от Конституции, а от того, кто ее гарант). Подобные озадачивающие феномены «всеобщей превращенности» наблюдаются едва ли не во всех крупных сферах нашего социального бытия:

- рынок (т.е. инструмент / механизм политического действия) в пространстве наших реформ изначально (с 90-х годов) обрел статус и форму политики, политического разума («рынок все решит, все расставит по местам»), что и поныне заявляет о себе;
- избыток денег обостряет дефицит инвестиционных средств;

- стратегия «социального государства» почему-то приводит к возрастанию и без того запредельного разрыва в уровнях доходов бедных и богатых;
- федерализм ведет к этатизму и оборачивается опасными формами этнофобии и расизма;
- всерьез заявленный политический «курс от 2000 года» на общую «стабилизацию ситуации» в обществе и следование «диктатуре закона» оборачивается (и уже обернулся) невиданными доселе масштабами коррупции и диктатом бюрократии во всех сферах жизни общества.

Обрисованная ситуация, которая чаще именуется «Россия переходного периода», не фиксируется и не осознается разве что в дискурсах власти. На научно-гуманитарной арене с повестки дня на протяжении последних 15 лет так и не сходит вопрос о «самоопределении России»¹⁶.

По пути в мираж?

Что же нас ожидает со сменой президента страны? Вариант «оттепели», предполагающий шаги к демократизации политического бытия России, «размораживание» и «распаковку» энергии общества, принципиальные перемены в сферах распределения доходов и отношений собственности? Или же случится лишь бум политической активности по перезапуску «курса от 2000 года», которая теперь организуется на основе «четырех И»?¹⁷ Ведь в пролонгации прежнего курса по понятным причинам заинтересованы доминирующая корпорация чиновничества и пул крупных собственников¹⁸. Однако, если не игнорировать реальную «российскую ситуацию сегодня» (что мы попытались обрисовать в самых общих чертах), сохранение «курса от 2000 года» едва ли возможно. Этот курс, как бы он ни подавался, так и не дотянулся до уровня сложности и масштабов проблемности современной российской ситуации, и проблемы продолжают накапливаться.

¹⁶ Красин Ю.А. *Политическое самоопределение России: проблемы выбора* // *Полис*. 2003. №1. С.124–134; Пантин И.К. *Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего* // *Полис*. 2007. №4.

¹⁷ *Институты, инновации, инфраструктура, инвестиции*.

¹⁸ *Поскольку она ведет к «снятию навсегда» вопросов от 90-х.*

Это невозможно (да и не нужно) еще и по ряду других причин. Во-первых, непонятно, кто и как может гарантировать России в условиях современного динамично-неустойчивого мира, подверженного огромному количеству рисков и кризисов, десятки тихих и спокойных лет¹⁹. Во-вторых, «феномен Путина», соответственно и его курс, изначально содержал некий эзотерический момент – «таинство смысла» путинского контракта с обществом, который так и не был оглашен до конца его президентства²⁰. Такие феномены не тиражируются, да и время теперь иное – нет ожидания «чуда от лидера». От нового президента требуется принципиально иной контракт открытого, рационального и конкретно-содержательного характера, гарантирующий демократичность политической и либеральность экономической жизни, равенство возможностей и равенство всех перед законом. А это едва ли возможно без серьезной корректировки современной Конституции страны.

Наша Конституция такова, что на каждом выборном развороте, как видим, легко трансформируется в механизм легитимации преемника и в новое однопартийное доминирование правящей корпорации, демонстрируя свою нечувствительность к вызовам политической ситуации, к вызовам российского общества. Она (Конституция России), рожденная в политической специфике 93-го года, рассчитана прежде всего и больше всего на сдерживание и сковывание (если не сказать, на обуздание) демократических процессов «снизу» и «по горизонтали». Логика и интенции нашей Конституции распознают в демократии не экзистенциальную форму социального бытия (каковой демократия является), а «предмет присмотра». Это проявляется каждодневно: наша политическая жизнь определяется и направляется не демократическими импульсами и вызовами «снизу», не открытым рациональным диалогом общества и власти, а проектами «сверху»²¹.

Действующая Конституция РФ уже сыграла свою историческую роль, она обеспечила концентрацию власти, необходимую на «переходном этапе». Ее дальнейшее сохранение в том виде, как она есть, к тому же и прямое следование «курсом 2000 года» означали бы (какие бы искушающие «формулы следования» при этом ни выдвигались) лишь

¹⁹ На что такая пролонгация рассчитана и о чем всерьез заявляют ее конструкторы-проводники.

²⁰ Каждый мог «вкладывать» в него свое: надежды, чаяния, мифы.

²¹ «Талантливых либеральных реформаторов», «национального лидера», «партии большинства», а то и привилегированного политолога.

одно. А именно: сохранение форм и механизмов нашего совсем некомфортного бытия в мире превращенных форм, где политика перевоплощается в медиацию общества и императивы деяний сверху, культура – в шоу или крестовые походы культур, человек – в функции (электоральные, наемного работника, объекта политики). Этими обстоятельствами с неизбежностью определяется и форма бытия социума в модусе нарастающего неравенства, политико-ситуативной модернизации ручного управления (сверху, фрагментарно, в концепциях власти), отложенной (или специфической) демократии, что мы реально и имеем.

Едва ли надо доказывать, что качественные перемены в «русской ситуации» невозможны без таких базовых элементов (институций), как независимый политический парламент и независимые общенациональные СМИ. Наша Конституция допускает / терпит парламент лишь технического характера. При таком статусе парламента невозможна и реальная свобода слова, чья базовая форма – парламентские дебаты, как невозможно и реальное разделение властей. Неудивительно, что вопросы в адрес нашей Конституции не сходят с дискурсивной арены, правда, чаще всего в ключе перераспределения полномочий между ветвями власти. Но едва ли будет достаточно лишь «технического» перераспределения полномочий.

Хорошо известно, что наша Конституция родилась как компиляция чужого опыта и нуждается в системно-концептуальном корректировании с учетом уже накопленного страной непростого опыта последних десятилетий, с учетом вызовов сегодняшней русской ситуации. Понятно, что это не может быть делом инициативы отдельной партии, самой власти и ее структур, здесь требуются усилия гражданского общества, широкого гражданского движения. Иначе наше нынешнее политическое самоопределение, по всей вероятности, в очередной раз обернется миражом магнетических проектов и программ.

Прогноз никогда не бывает нейтральным. Правилен он или неправилен, прогнозирующий анализ неизбежно вызывает побуждение к действию. То, что человек считает возможным, определяет его внутреннее отношение к происходящему и его поведение. Условием его самоопределения является способность различать опасность и отнестись к ней с должной озабоченностью, тогда как иллюзорные представления и маскировка действительного положения дел ведут к его гибели.

Карл Ясперс

Утвердить равенство и свободу так,
как это мыслят сегодня многие,
означало бы дать одиннадцатую
заповедь, благодаря которой были
бы отменены прежние десять.

Георг Кристоф Лихтенберг

Ирина Кургинян

ПРОЕКТ «КРАНО-ДЕЛ»

**СЕПАРАТИЗМ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ФАКТЫ И ТЕНДЕНЦИИ**

The author analyzes separatist trends exacerbation in contemporary Russia which has artificial character. This phenomenon is caused by various reasons including “export” of Chechen terrorism into Ingushetia, Dagestan and other North Caucasus regions. The author points at new destabilization of the Volga region, at escalation of the “Russian issue” in regions inclined to separatism (including Stavropol and Kuban regions), at official proposals of the Siberian and Ural authorities on long-term lease of territories to China in context of consequences delivered. The author supposes the coincidence of the Russian process and intensification of global trend to development of regionalism which is the integral part of global and supranational separatism European projects. Interest the West expresses to development of regionalism and overt separatism in Russia manifests itself in different forms. These forms include international pressure on Russia which faces the demand “to expand rights of regions and ethnic communities”, and the forthright support of separatism, and imposition of alien doctrines of regional development, and European integration programs extrapolation on the Russian territory. Use of separatist ideas within framework of major political campaigns becomes a new phenomenon. According to the author, the possible support of decentralization doctrine by the central authorities under urgent social and economic trends is the greatest danger. The announced in early 2008 course line towards the full-fledged economic independence of regions is considered in this light.

В последнее время в России наблюдается обострение сепаратистских тенденций, имеющее очевидно искусственный характер. Наиболее нестабильной зоной остается Северный Кавказ. Резко обострилась ситуация в Ингушетии, где в августе–октябре 2007 г. происходили жестокие расправы над семьями русских учителей и врачей. В 2008 г., несмотря на проведение контртеррористической операции, ситуация в республике отнюдь не стабилизировалась. Наблюдается рост покушений на представителей администрации и военных. Стремительно нарастает экстремизм и в соседнем Дагестане. В январе–марте 2008 года происходят убийства глав сначала кабардино-балкарского, а затем североосетинского УБОПов, ответственность за которые берут на себя чеченские боевики.

Факт мало обсуждаемый, но о предстоящих расправах в Ингушетии в 2007 году было загодя объявлено на чеченских интернет-ресурсах. В интервью, опубликованном 2 мая 2006 года на сайте агентства «Кавказ-Центр», некий Амир Хабибулла, назвавший себя «руководителем Ингушского Джамаата "Шариат"», заявил (в контексте признания о захвате им тестя президента Зязикова М. Чахкиева) об ответственности за уже совершенные и будущие убийства русских жителей Ингушетии: *«Изучив информацию о массовом завозе русских колонистов из России в Ингушетию ...Шариатский Суд Ингушского сектора вынес решение о том, что русское население Ингушетии рассматривается как оккупационное и им присвоен статус военных колонистов. Теперь на законном основании мы атакуем русское население»*¹.

Российские правоохранительные органы отнеслись тогда скептически к данному заявлению в связи с тем, что Джамаат «Шариат» считался явлением сугубо дагестанским. Однако здесь важно именно то, что чеченский терроризм продекларировал эскалацию конфликта в Ингушетии в качестве своей первоочередной задачи. Очевидно, что, несмотря на официальный «рапорт» Р. Кадырова в феврале 2008 года о «полной и окончательной победе над боевиками», республика продолжает быть основным источником экспорта экстремизма в регионе.

Исламский экстремизм стремительно распространяется и на регионы Поволжья. 10 апреля этого года министр внутренних дел России

¹ Хабибулла А. Мы рассматриваем каждого русского как оккупанта // <http://www.kavkazcenter.com>. 02.V.2006.

Р.Нургалиев сообщил, что Калмыкию заполонили выходцы с Северного Кавказа, в том числе те, которые могут подозреваться в причастности к незаконным вооруженным формированиям, бандитским и ваххабитским группировкам. А через несколько дней поступило официальное известие о выявлении в Башкирии деятельности ячеек международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

«Разогрев» Поволжья особенно опасен, учитывая непрекращающиеся попытки запустить новый «парад суверенитетов» в регионе. Последние крупные инициативы были предприняты в июне 2007 г., после принятия Советом Федерации РФ новой редакции договора о разграничении полномочий между федеральным Центром и Татарстаном. Уже 12 июня председатель башкирского парламента К.Толкачев заявил, что *«Башкирия не хуже Татарии»* и тоже непременно подпишет такой договор! Сразу же после этого госсобрание Башкирии направило в Госдуму России проект поправок к законам «О правительстве РФ» и «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов госвласти субъектов РФ», предполагающий значительное расширение полномочий регионов.

Параллельно и в прямой взаимосвязи с эскалацией насилия против русского населения на Кавказе идет эскалация «русской» темы. При этом характерным и абсолютно провокативным образом данная тема быстро выливается в требования отделенческого характера. Основными центрами процесса стали Ставрополье и Карелия. После известных столкновений русских с чеченцами в августе 2006 г. в Кондопоге приходится говорить о возникновении «кондопожского синдрома» (лавиннообразного увеличения числа драк со смертельными исходами с участием русских). Так, еще накануне Кондопоги в июле 2006 г. произошли (а после Кондопоги были «вскрыты» прессой) соответствующие столкновения в городе Сальск Ростовской области с дагестанцами; 10 сентября в селе Розовка в окрестностях Омска с узбеками; в тот же день в Вольске Саратовской области с армянами; 13 сентября в Самаре с азербайджанцами.

13 февраля 2007 г. в ставропольском Новоалександровске убийство конфликтовавшего с грузинским предпринимателем атамана Терского войска Ивана Ханина привело к крупным волнениям казаков. В ночь на 9 марта 2007 г. вновь в Карелии (в деревне Куйтежа Олонецкого района) драка с чеченцами, закончившаяся смертельным исходом. В

мае в связи с аналогичным событием начинается новый «разогрев» Ставрополя.

В начале 2008 года казаки Нижне-Кубанского казачьего отдела округа, возмущенные коррупцией в крае, в письме на имя Н.Патрушева грозили отказаться от российского гражданства. В результате атаман Ставропольского окружного казачьего общества М.Серков был обвинен в попытках раскола казачества и отстранен от должности. Однако процесс этим, увы, вряд ли возможно остановить.

Одновременно на Дальнем Востоке демонстрируются еще недавно показавшиеся бы дикими и невероятными варианты поддержанной местной властью «ползучей» китайской экспансии. Началось с того, что в июне 2004 г. в китайской прессе появились ликующие репортажи о заключенном в Харбине договоре об аренде 70 тысяч гектаров земли в Еврейской автономной области. Как выяснилось в результате возникшего скандала, договор все же имел статус декларации о намерениях. Но в середине 2006 г. Россия... **официально предложила Китаю отдать в аренду на 49 лет 1 млн. га неосвоенных сибирских и уральских земель (в первую очередь, сельскохозяйственных земель и лесов под вырубку)! Выказались «за» Тюменская, Свердловская, Томская области. Были не против – Волгоград и Тува...**

Понятно, что в регионах острая нужда в деньгах и рабочей силе. Но ведь ясно, что, осев, китайцы никуда не уйдут! И что «49 лет аренды» – это легальный обход запрещенной де-юре в России продажи земли иностранцам. Таким образом, Россия сама приближает осуществление давно декларируемых намерений «Поднебесной» вернуть часть территорий Сибири и Дальнего Востока...

И уже налицо первые «принципиальные захваты» китайцами земель. Так, летом 2007 г. министр сельского хозяйства и продовольствия Свердловской области Сергей Чемезов был вынужден лично решать конфликт с китайскими арендаторами в Екатеринбурге, отказавшимися платить за аренду земли. Они предъявляли характерный аргумент: *«Раз мы на этой земле работаем – она наша!»* Одновременно участились незаконные захваты лесных участков.

Итак, как говорят китайцы в таких случаях, «лицо потеряно». Ясно, что эти «знаковые» захваты были спровоцированы сделанными Россией «вкусными предложениями». И совсем не случайно одновременно имела место – тоже «принципиальная» – недружественная

демонстрация на границе (что уж никак нельзя отнести к инициативе «частных лиц!»): проведено «заблаговременное разграничение» китайской стороной российских островов (Тарабаров и части Большого Уссурийского), отходящих к Китаю по новому, вступающему в силу с 1 января 2008 г. договору.

Политика декларируемых с государственной стороны уступок очевидным образом способствует укреплению идейных основ сибирского сепаратизма. Так, 10 июня 2007 г. на популярном интернет-сайте forum.msk лидер новообразовавшейся сепаратистской группировки Областная Ассоциация Сибири в статье под названием «Доживет ли Российская Федерация до 2014 года?» заявлял: *«Возможно, Российская Федерация распадется. Мы этого не хотим, но мы этого не боимся... Нас пугают тем, что, отделившись, Сибирь станет частью Китая. Но мы и так колония, нам ли бояться Поднебесной?»*² То есть, по сути, новый сибирский сепаратизм откровенно декларировал своей целью уже даже не «государство Сибирь», а... «доброе китайского сюзерена».

Характерно, что вышеописанный российский процесс совпадает с усилением тенденций мирового и европейского регионализма. Такое совпадение можно объяснить двумя причинами.

Во-первых, и глобалистический, и наднациональный европейский проект всегда предполагали развитие идей регионализма. Это просто естественная составляющая означенных международных доктрин, и собственно интересы России здесь мало кого интересуют. Данного рода регионализм манифестирует своей целью борьбу за «расширение демократии», под которой понимается «максимальная передача власти народу», то есть регионам и локальным властям (так называемая Европа регионов). При этом его идеологи, постулируя развитие, с одной стороны, наднациональных, а с другой, – региональных структур, не скрывают требования сведения к нулю прерогатив национальных государств. Что, повторим, характерно как для организаций, являющихся «рупором» глобализма, таких, например, как Всемирный банк (подробнее об этом ниже), так и для акторов европейского регионализма.

² Кулехов М. Доживет ли Российская Федерация до 2014 года? // <http://forum.msk.ru>. 10.VI.2007.

Так, крупнейшие европейские регионалистские организации, Союз коммун и регионов Европы (СКРЕ) и Ассоциация европейских регионов (АРЕ), давно последовательно борются за передачу на места основных полномочий в принятии решений внутри ЕС. При этом обе организации выступают за возникновение европейской политической федерации – наднационального образования, предполагающего уничтожение суверенитета национальных государств. СКРЕ также является частью общемировой регионалистской структуры – Объединенные города и местные власти (ОГМВ).

Под влиянием данных организаций накануне провозглашения косовской декларации о независимости был разработан проект Лиссабонского договора, варианты принятия которого сейчас активно обсуждаются в Европе. (Договор представляет собой фактический «клон» составленной европейским Конвентом под руководством бывшего президента Франции, а также бывшего главы СКРЕ Валери Жискара д'Эстена Конституции Евросоюза, которая была заблокирована на национальных референдумах 2005 г.).

Лиссабонский договор, с одной стороны, является крупным шагом на пути к политической федерации: по его условиям в 2009 г. у Европы должны появиться президент и министр иностранных дел. С другой стороны, в том же документе признаются широчайшие права регионов. В том числе признан принцип региональной автономии, зафиксирован постулат о необходимости установления межрегиональных связей, кроме того, впервые представители регионов получают право блокировать решения европейских инстанций!

При этом идеологи единой Европы издавна поддерживают идею включения в общеевропейское пространство ослабленной и лишенной зауральских и сибирских владений России (т.н. «Европа от Атлантики до Урала», заявленная де Голлем, «поднятая на щит» Жискара д'Эстеном и пропагандируемая в нашей стране с эпохи «перестройки»).

Есть и вторая причина «резонанса» между европейским и российским регионализмами. Определенная часть американских и европейских элит, безусловно, как не хотела, так и не хочет сильной России и вовсе не против ее раздела.

Некогда З.Бжезинский вызвал все же некоторый общественный шок, заявив в своей «Великой шахматной доске» о необходимости превращения России в «свободную конфедерацию, состоящую из европейской

части, сибирской и дальневосточной республик». Однако с тех пор тема раздела России стала широко обсуждаться, в том числе и европейскими идеологами. Тот же Валери Жискара д'Эстен в изданной им в 2000 г. книге сообщал: «Судьба России на геополитической карте еще не зафиксирована. Ее западная часть явно европейская. Но новый русский национализм, обостренный чувством потери статуса военной супердержавы, не готов отказаться от контроля над своими огромными азиатскими владениями, от Урала и до Тихого океана»³.

В не менее оскорбительном стиле на несправедливость владения «недемократической» Россией «колониями» (и это, мол, при том, что Европа своих давно лишилась!) откровенно намекнул 31 мая 2007 года в интервью еженедельнику «Зайт» бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, основной соратник Жискара д'Эстена по европейскому строительству: «Англия, Франция, Испания, Португалия и Германия создавали колониальные империи в Азии, Южной Америке и Африке. Россия в это время создала колониальную империю в Сибири. Однако в Европе широкое распространение получили философия Просвещения, права человека и демократия. Россия, наоборот, осталась закрытой для этого философского направления»⁴.

Подобные громкие заявления перестают казаться лишь «сухим теоретизированием», учитывая активную деятельность европейских регионалистских организаций на территории России. Так, «евроазиатское» отделение ОГМВ уже много лет назад прочно обосновалось в Казани. АРЕ (упорно включающая в свои карты европейскую часть российских регионов) – официально сотрудничает в России лишь с «потенциальными сепаратистами»: Татарстаном, Ингушетией, Поволжьем (Самара), Карелией и Архангельской областью.

Сегодня интерес Запада к развитию регионализма и прямого сепаратизма в России проявляется в разных формах. Наиболее мягким вариантом означенной тенденции является *международное давление на Россию с требованием «расширения прав регионов и этнических общин»*. Доклад ООН за 2007 год «Регионы России: цели, проблемы, достижения» весьма настойчиво предлагал «предоставить регионам более широкие полномочия и ресурсы». 19 июля 2007 года в Саранске был

³ Giscard d'Estaing V. *Les français. Reflexions sur le destin d'un peuple*. P., 2000. P.112.

⁴ *Die Zeit*. 31.05.07.

проведен Международный фестиваль финно-угорских народов. Напомним, что к этой языковой группе относится значительная часть населения России (коми, удмурты, мордва, марийцы, ижорцы, карелы, ханты, манси, вепсы, бесермяне), с которой пропагандистская работа международных структур активно велась еще с начала 90-х годов. Впервые в подобном «глобально-этническом» мероприятии принял участие, помимо президентов Финляндии и Венгрии, и российский президент В.Путин, что явно имело целью доказать несправедливость обвинений Эстонией России в «третировании прав угро-финнов».

На открывшийся 28 июня 2008 года V Всемирный конгресс финно-угорских народов в Ханты-Мансийске, на этот раз с участием президента Д.Медведева, также был приглашен глава Эстонии Х.Ильвес. Он счел уместным скандализовать ситуацию, призвав этнических собратьев к политическому самоопределению: *«Наши поэты мечтали об эстонском государстве. И мы сделали выбор в пользу свободы и демократии. Многим финно-угорским народам еще предстоит сделать такой выбор»*. Ильвес в цветистой форме, но совершенно прозрачно намекал на возможность восстания угро-финнов: *«Взмах крыла бабочки может привести к урагану. Финно-угорские народы – это маленькие бабочки, которых нужно защищать. И для всего международного сообщества очень важно, чтобы эти бабочки не взмахнули крылом в ненужное время и в ненужном месте»*.

Надо заметить, что российское руководство все же сумело незамедлительно отреагировать на этот шантаж. Председатель комитета Госдумы России по международным делам К.Косачев указал, что в выступлении Ильвеса содержался открытый призыв к финно-угорским народам задуматься о самоопределении. Он назвал это недостойным президента, «который не понимает разницы между межгосударственной и национальной политикой». После этого заявления эстонская делегация в полном составе во главе с президентом страны покинула зал.

Откровенная поддержка сепаратизма в России, безусловно, отнюдь не сводится только к эскападам эстонского руководства. Идеи распада России крайне популярны сегодня в США. 12 декабря 2007 г. на фоне начинающегося «похолодания» в отношениях России с Западом официальный представитель американского Госдепа по Европейским и Евроазиатским делам Мэттью Брайз откровенно заявил о возможности признания США «сепаратистских областей» России: Чечни, Кабардино-

Балкарии, Дагестана и Северной Осетии... И, честно говоря, после признания независимости Косово подобная возможность не кажется столь уж невероятной!

США акцентировали тему необходимости срочного «экологического призора» над российской территорией, переводя ее в русло вполне практических начинаний. Так, в подчеркнута антироссийском американском бюджете на 2008 г., где около 402 млн. долларов выделено на противодействие курсу Москвы в различных сферах, 500 тысяч получила Лесная служба США... на программу «охраны животного мира и лесов на Дальнем Востоке России». То есть усиленной «экологической заботе» подлежит весьма конкретный регион, в настоящий момент особенно «тревожный» в контексте сделанных китайских «заявок».

В том, что касается неприязни к России, наблюдается полный консенсус у республиканцев и демократов. Крайне влиятелен сегодня З.Бжезинский, ставший советником кандидата в президенты Б.Обама. Примечательно, что на фоне происходящих в Ингушетии расправ над русскими неправительственный Джеймстаунский фонд, в совет руководства которого входит Бжезинский, провел 28 ноября 2007 г. в Вашингтоне семинар на тему «Будущее Ингушетии». Основным выступающим был бывший эмиссар Масхадова, проживающий во Франции М.Вачагаев, с докладом «Ингушский джамаат – новое лицо сопротивления на Северном Кавказе».

Позиция британской элиты в вопросе развития регионализма в России не менее характерна. Так, официальные заявления о китайской аренде сибирских и дальневосточных земель сопровождал выход осенью–зимой в японском англоязычном издании «Джэпэн Таймс» серии статей эксперта лондонского Королевского института международных отношений (Четэм Хаус) Дэвида Уолла. В них настойчиво указывалось, что единственным спасением для российской власти, если она хочет продлить свое благополучие, является срочное освоение «оставшихся колоний» в Сибири и на Дальнем Востоке. При этом попытка «славянской» иммиграции высмеивалась, основным выводом была необходимость согласиться на крупное увеличение притока иммигрантов из Китая⁵.

Заинтересованность высших мировых элит в политической и экономической децентрализации российских территорий при сохранении и

⁵ Wall D. Too little, too late for Russia // The Japan Times. 21.VIII.2006.

наращивании возможности их ресурсной эксплуатации вполне «естественна». К примеру, на проведенных в Лондоне Чэтем Хаусом консультациях представители Всемирного фонда дикой природы (WWF), возглавляемого британским принцем Филиппом, с энтузиазмом высказывались на тему децентрализации лесопользования в России, вводимой в силу в 2007 г. новым Лесным кодексом⁶. При этом у фонда давно вызывает раздражение предложенное в кодексе сокращение сроков аренды эксплуатационных лесов. (Как заявил еще в 2004 г. директор по охране природы России WWF Е.Шварц, лишь аренда на 99 лет или же приватизация позволит сформироваться «эффективному» и «социально ответственному» собственнику⁷.) Очевидно, однако, что децентрализация и либерализация лесопользования облегчила бы внедрение международными экологическими структурами собственных региональных проектов (таких, например, как «Псковский модельный лес» или «Модельный лес "Прилузье"» того же Фонда дикой природы, в рамках которых на арендованных землях осуществляется «образцово-показательная» вырубка лесов).

Другой пример: возглавляет упомянутый Чэтем Хаус лорд Робертсон, он же – председатель совета директоров ТНК-ВР, компании, имеющей сегодня большие проблемы при работе в Сибири со «слишком жесткими» налоговиками из центра. Проблемы эти (и схожего рода) весьма помог бы разрешить давно пропагандируемый «Вторым вашингтонским консенсусом» («Первый консенсус», напомним, навязывал России «шоковую терапию реформ») так называемый «бюджетный федерализм», означающий фактическую экономическую независимость регионов от центра.

Еще одной усиливающейся в настоящее время тенденцией стало **навязывание на административном уровне доктрин, вписывающих отдельные части России в чуждые региональные проекты**. К слову об обосновавшихся в Казани «объединенных городах» (ОГМВ): идея городов как субъектов государства в последнее время неслучайным образом получает в России все большее распространение. 23 марта 2007 года в большом интервью «Московским новостям» председатель Комиссии по вопросам регионального развития и местного самоуправления Общественной палаты Вячеслав Глазычев призвал к оценке как

⁶ Лондон, Chatham House: вновь к вопросу о нелегальных лесозаготовках // www.wwf.ru. 30.1.2007.

⁷ РБК. 10.11.2004.

«номинальных» сущностей таких «чересчур» крупных структур, как области, их «избытию» и созданию в России федерации городов наподобие Ганзейского союза⁸.

Для объяснения закономерности данного заявления следует вспомнить, что с момента зарождения центристского проекта укрупнения регионов последовательно делались попытки встраивания в него схем «региональной перекройки». Одна из наиболее примечательных, выдвинутая Центром стратегических исследований Приволжского федерального округа (ЦСИ ПФО), имеет прямое отношение к упомянутому интервью Глазычева.

Представленный на персональном сайте *glazychev.ru* доклад ЦСИ ПФО за 2004 год «Россия: принципы пространственного развития» предлагает сделать городские агломерации реальными субъектами российской экономики. Казалось бы, что плохого – объединить промышленные центры с их городами-«спутниками»? Но во имя этой «глобальной» цели, естественно, в контексте «сложной демографической ситуации» ставятся следующие задачи: *перекрыть отнимающую слишком много энергии подпитку «капиллярной дорожной сети» на огромной территории...; «свернуть социальный хостис»...; отказаться от «невозвратных затрат на остаточное сельскохозяйственное производство»... Наконец – «отказаться от удержания в полумертвом состоянии системы ЖКХ в ряде малых городов и поселков».* То есть – что авторами открыто и признается! – развить злосчастный проект Хрущева, приведший в свое время к скорому и невозвратному вымиранию деревень. Только теперь речь идет уже о малых городах...

Одновременно данный «мегаполисный проект» подразумевает приращение обширному «немегаполисному» пространству России... реально-го статуса колоний: *«Потенциал развития – в колонизационной (теперь экономической) политике. Различия между территориями мы должны рассматривать наподобие различий между метрополией и колонией».* Такой вот, поражающий своей провокативностью вариант «новой колонизации», исходит из более чем нестабильного Поволжья! Причем, с одной стороны, центру предлагается «не вкладываться» в регионы, в особенности предоставить Кавказ его «феодалской сущности». С дру-

⁸ Глазычев В. Российской Федерации нужен Ганзейский союз // Московские новости. 23.III.2007.

гой стороны, авторы прямо советуют *Башкирии, Татарстану и Чувашии поторопиться с добыванием статуса «культурных автономий экстерриториального характера», учитывая «вполне вероятную эволюцию России к унитарной модели государственного устройства»*⁹. Подкидывать подобные идеи тем, кого в собственной же схеме будешь вынужден причислить, причем в числе первых, к «колониям»... Да еще в условиях, когда беспокойные регионы и без того будоражат опасения насчет того, что Москва их рассматривает в данном статусе... Согласимся, все это довольно провокационно.

Заметим, что рассматриваемый доклад лишь развивал (модифицируя с учетом уже идущей централизации) еще более откровенные тезисы доклада ЦСИ ПФО за 2000 год «На пороге новой регионализации России»¹⁰. Основная идея этого более раннего документа состояла в необходимости *надстраивать в России над старыми административными регионами – новые «культурно-экономические»*. Структура данных регионов должна была иметь «лоскутный» характер разрывающих территорию «архипелагов» (как утверждалось, по образцу уже строящейся «сетевой» «Европы регионов», «Европы самоопределившихся муниципий»). Точками «каркасной сборки» «летучих» (термин доклада) экономических регионов предлагалось сделать «не субъекты федерации, не площадки отдельных промышленных предприятий, пусть даже и самых крупных, не отрасли и даже не федеральные округа, а крупные города, в первую очередь мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург)».

По признанию представлявшего доклад ЦСИ в 2000 году на конференции в Казани В.Н.Княгинина, будущего руководителя Санкт-Петербургского Центра стратегических разработок «Северо-Запад», послушать его приехала в город «вся элита». И у этой вот казанской «всей элиты» доклад «вызвал оторопь как подрывающий устои чуть ли не национальной государственности»¹¹... Оторопь, заметим, вполне понятную...

⁹ *Россия: принципы пространственного развития. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа / Под редакцией В.Глазычева и П.Щедровицкого // www.glazyshev.ru*

¹⁰ *На пороге новой регионализации России. Доклад ЦСИ ПФО. Н.Новгород, 2001.*

¹¹ *Княгинин В.Н. От новой регионализации к концепции пространственного развития // http://www.shkp.ru*

Наиболее существенное, что становится ясно из доклада ЦСИ ПФО за 2000 год, это международные источники выдвигаемой «глокализационной» концепции. При определении понятия «новой регионализации» авторы недвусмысленно ссылаются на выпущенный в 1999 году доклад Всемирного банка (ВБ) «На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии 1999/2000». В этом документе «главную тенденцию» современного мира настойчиво предлагалось видеть в *«возрастании значения региональных и наднациональных институтов при значительной элиминации роли государств»!* (Выделено мною. – И.К.) Исходя из этого общего тезиса и *«во имя усиления конкурентоспособности страны на международных рынках»* выдвигалась идея *«повсеместной децентрализации процессов экономической деятельности»*¹².

Кстати, также давно и настойчиво Всемирный банк пропагандирует идею преимущественного развития мегаполисов. А в «Докладе об экономике России», выпущенном в ноябре 2005 года, ВБ рекомендовал русским приступить к *«новой региональной политике», предполагающей децентрализацию*. В том числе был дан совет *резко сократить государственное субсидирование регионов*, дабы не создавать *«иждивенческого настроения»*, а также *«поощрять создание городских агломераций»*¹³ ... (Выделено мною. – И.К.)

Примечательно, что первым в широкой российской печати о появлении «провальных, неперспективных городов наподобие неперспективных деревень», а также о «пространственном планировании» как лечении подобного рода недуга заявил в 2000 г. в интервью «Российской газете» сам полномочный представитель по Приволжскому федеральному округу С.Кириенко¹⁴. Заметим также, что в последнее время все активнее проводятся программы по переселению «неперспективных поселков Севера». И дай-то Бог, если данная мера является временной необходимостью, а не началом реализации на практике настойчиво внедряемого тезиса о «благе неразвития» значительной части российской территории.

В рамках упомянутого выше «пространственного планирования» осуществляется попытка установления структурного соответствия от-

¹² World Bank. *Entering the 21st Century. World Development Report 1999/2000*. N.-Y, 1999.

¹³ World Bank. *Russian economic report №11*. November 2005 // <http://web.worldbank.org>

¹⁴ *Российская газета*. 11.10.2000.

дельных российских регионов западным аналогам. Немаловажно, что перемены касаются именно отдельных регионов, вычленяемых таким образом из общероссийского пространства (также немаловажно, что первые попытки реформы были проведены в столь неспокойных местах, как Татарстан и Башкортостан).

«Пространственное планирование» осуществляется в соответствии со стратегией «устойчивого развития»: полный термин звучит как «стратегическое планирование устойчивого пространственного развития». Не будем останавливаться подробно на положениях самой принятой в 1992 году ООН стратегии, о ней много написано¹⁵. (Кстати, одним из родоначальников стратегии «устойчивого развития» является британский принц Филипп с его экологическими идеями; а его сын принц Чарльз даже вел в 1990 году на «Би-би-си» программу с идентичным названием).

Подчеркнем то, на чем обычно не акцентируется внимание, – особую значимость для «устойчивого развития» региональной тематики. И то, что в подписанной Б.Ельциным 1 апреля 1996 г. «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» данный переход предписывалось осуществить именно на региональном уровне.

Концепция была принята после того, как 28 февраля 1996 г. Россия вступила в Совет Европы, который и является одним из основных «двигателей» на континенте идеи устойчивого пространственного развития. В 2000 г. Европейская конференция министров регионального развития Совета Европы (СЕМАТ) приняла «Руководящие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента», создав тем самым необходимую базу для межрегионального сотрудничества и функционирования так называемых «трансграничных коалиций».

В создании данных коалиций, по факту оформляющих интеграцию части российских и европейских (а также украинских и белорусских) административных единиц, Россия участвует с конца 90-х годов. Это так называемые еврорегионы «Неман», «Балтика», «Карелия», «Сауле», «Днепр», «Слобожанщина», «Псков-Ливония», «Донбасс», «Ярославна». Еврорегионы финансируются европейскими программами (Tacis, INTERREG, FARE). И объединены в созданную еще в 1971 г. Ассоциацию европейских приграничных регионов (АЕПР); в координации их деятельности участвует и вышеупомянутая АРЕ.

¹⁵ См., например, *Наивность без благодати*. <http://www.kurginyan.ru>. 25.01.1996.

Очевидно, что идея «трансграничного сотрудничества» грозит быстрой мутацией. А именно: созданием даже не «культурно-экономических», но этнических «летучих регионов» во всех, мало-мальски «родоплеменно ориентированных» областях. Характерный пример: в ноябре 2006 года на очередном общероссийском форуме «лидеров стратегического планирования» была выдвинута идея (энергично поддержанная заместителем губернатора Тверской области Михаилом Куржиямским) создания на основе принципов СЕМАТ трансграничной коалиции «Кривичевского региона» (включающего в себя семиугольник Тверь – Смоленск – Минск – Варшава – Калининград – Рига – Псков). Как утверждалось автором идеи, для ее успешной реализации необходимо «опереться на историю самой крупной славянской этнокультурной общности – кривичей, союза многочисленных восточнославянских племен (балтийских славян)»¹⁶.

Другим примером продвижения на территории России европейской региональной политики является программа «Северное измерение». С инициативой интеграции северных территорий региона Баренцева моря и Балтики выступила в 1997 году Финляндия. В 1999 году проект приобрел статус «измерения внешней политики Евросоюза». Финансирование «Северного измерения» осуществлялось через уже упомянутые европейские программы (Tacis, INTERREG). Заняв во второй половине 2006 г. кресло председателя Европейского совета, Финляндия активно способствовала обновлению проекта, успевшего к тому моменту растерять большую часть импульсов и финансирования. И преуспела: 24 ноября 2006 года в Хельсинки было объявлено о получении «Северным измерением» нового статуса – «общей региональной стратегии» ЕС, России, Норвегии и Исландии, осуществляемой на условиях софинансирования. Заметим, что, из чьего бы «кармана» ни финансировалась данная «стратегия», идейным ее двигателем была и остается Финляндия.

Участие России в совместных со странами Евросоюза начинаниях далеко не всегда происходит с соблюдением приоритета российского законодательства. Так, при создании в 1998 году еврорегиона «Карелия»

¹⁶ Башилов В. Трансграничные коалиции на основе принципов СЕМАТ как новый стратегический ресурс России (на примере «Кривичевского региона») // <http://www.etver.ru>. 29.10.2006.

(с российской стороны в него вошла Республика Карелия, со стороны Финляндии – региональные союзы Северная Похьенмаа, Кайнуу и Северная Карелия) в базовых документах было прямо и недвусмысленно указано, что он будет осуществлять деятельность по «наполнению стратегии» «Северного измерения», а его представители – регулярно отчитываться перед Еврокомиссией в эффективности исполнения задач внешней политики Евросоюза!..

Еще одной актуальной тенденцией в России *является использование идей сепаратизма в рамках крупномасштабных политических кампаний*. Наиболее яркая и экзотическая сепаратистская кампания была организована на «финно-угорском направлении» и имела первый крупный «выплеск» в преддверии президентских выборов 2008 года. В начале 2007 года в интернет-пространстве российского *livejournal* активизировалась «кампания в поддержку Крокодила». Идеологи сепаратизма выдвинули «антагониста» основному русскому тотемному архетипу (и лишь по совместительству символу Единой России) – Медведю. Инициатором кампании стал фашиствующий поэт Алексей Широпаев (автор вышедшей в 2001 году книги «Тюрьма народа. Русский взгляд на Россию»¹⁷).

«Крокодилья» кампания получила однозначную поддержку у идеолога «уменьшительного русизма» Вадима Штепы (создателя лозунга «Россия после эРэФии»¹⁸, развившего тезисы «исторического расследования» П.Хомякова «Русь против России»). Весьма существенно, что Штепа ухитряется совмещать апологетику свободы Великого Новгорода и в целом северных областей России (события в Кондопоге он назвал «возрождением новгородского вечевого принципа») с неумеренным восхищением идеей единой Европы. В статье от 2006 года под названием «Еврорегионы или *edinulus*» он восхваляет тенденцию превращения Евросоюза в конгломерат «*экстерриториальных*», «*независимых*» регионов. В аналогичный конгломерат должна, по мысли идеолога, превратиться и Россия, при этом лозунг «*стать Европой*» почему-то призван (почему?..) быть для нее наиболее привлекательным. В том числе Штепа нахваливал изначальную задумку проекта еврорегиона «Карелия», провалившегося, по его мнению, в связи с укреплением «властной

¹⁷ Широпаев А. *Тюрьма народа. Русский взгляд на Россию*. М., 2001.

¹⁸ Штепа В. *Россия после эРэФии*. (При участии И.Н.Р.И., 1998.)

вертикали». И подчеркивал, что данный проект изначально предполагал *«совместное развитие северных территорий под общеевропейской эгидой»*¹⁹.

«Спасать Русь от России» предлагал и Широпаев в «Тюрьме народа». Причем тезис «измена родине как спасение» подавался в парадигме: *«идея России – это ментальная ловушка»*. В список «спасаемых» попадали, правда, не только северные регионы, но и центр. Результатом же «спасения» должно было стать создание *«компактного (максимум до Урала) (выделено мною. – И.К.) нормального европейского государства»*.

Началом «крокодилей» кампании послужила публикация Широпаевым стихотворения «Ящер» (быстро ставшего «хитом»), в котором «истинно русские» были призваны встать под знамена «примордиального» «Батьки» – Змея:

*Сгинь, Россия, во чреве Змея!
Мы тебе отомстим за Русь!*

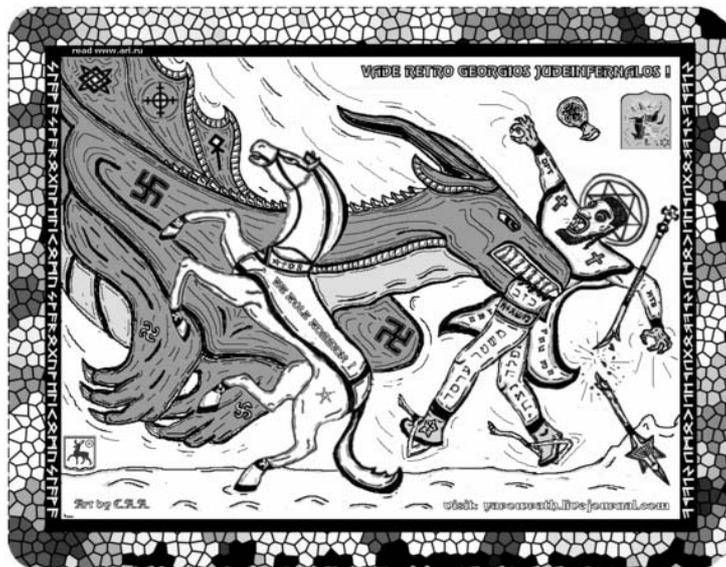
Змей, он же Крокодил (или «Коркодел»), он же Дракон, он же Ящер... (В Ящере, заметим, видна безусловная аллюзия на значимый для американской культуры образ динозавра.) В интернет-пространстве был развернут проект в поддержку не просто «Коркодела», но «Краходила» (адрес «Храма» Крокодила в ЖЖ – *ru_krahodil*). Что подчеркивает первостепенную значимость темы «краха государства» во всей «крокодилей» кампании!.. (Кстати, «краху» подлежит не только проклинаемая «Российская империя». Ясно, что «батька Змей» – это Люцифер. Адепты интернет-«Храма» делают заявку на вполне «ядреную» гностику: Крокодил, как бог хаоса, призван осуществить «крах» тварного мира, победив его создателя, вредоносного «Деми-Ургоса»...)

Крокодил был объявлен «особым тотемом» и «символом свободы Новгорода». В «обоснование» данного тезиса дается несколько ссылок. Это Псковская летопись 1582 г., сообщающая о том, как в близких к Новгороду местах *«изодыша коркодилы лютии звери из реки и ... людей много поядоша»*. Путешествующий из Польши в Россию агент английской торговой компании Джером Гарсей рассказывает, как узрел в 1589 году на берегу одной из местных рек дохлого крокодила. В мемуарах австрийского посла Сигизмунда Герберштейна начала XVI века отмечен

¹⁹ Шмена В. *Еврорегионы или edinulus?* // <http://www.kasparov.ru>. 25.09.2006.

местный культ поклонения змеям. Упоминаются и труды историка Б.А.Рыбакова, выдвигавшего гипотезу о бытовании в новгородских краях в IV–X веках культа ящера-«крокодела» – «князя Волхова». Надо сказать, что «крокодилей» мифотворчество, основанное на данных ссылках, есть предмет давних спекуляций, правда, имевших до сих пор распространение лишь в кругах наших российских доморожденных «гностиком».

В разворачивающейся политической «крокодилей» кампании Новгород был противопоставлен, естественно, «злодейской» центристской Москве, носящей на гербе изображение святого Георгия – убийцы Дракона. Виртуальное «творчество», следует признать, порой не лишено выразительности (как, например, нижеприведенный рисунок, изображающий «византийско-московского» святого Георгия в пасти «новгородско-арийского» чудовища).

Весьма существенный момент: с самого начала кампании политическим плацдармом «десантирования» Крокодила был избран Санкт-Петербург (кстати, ему была предназначена роль «мотора процесса» еще в «Гюрьме народа»). «Оранжевый крокодил» стал главным «симво-

лом сопротивления» на местных Маршах протеста. Отметим, что объявить «драконьим» городом Петербург неизмеримо сложнее, чем Новгород. Для этого необходима полная инверсия самоидентификации города как «имперского форпоста» Петра I и дезавуация его основного символа – Медного всадника, попирающего Змея. (Понятно, что отождествление Екатериной II образов Петра и св. Георгия было далеко не случайным; исследовавшие данную тему историки отмечают также, что за год до окончания Фальконе работы над моделью памятника царица утвердила Военный Орден Святого Георгия.) Но «проект Коркодел» как раз и призван выполнить данную сложную работу по инверсии символов!..

«Крокодилы» в Петербурге были активно поддержаны т.н. Клубом практикующих краеведов «Ингрия», изначальное и менее политкорректное название которых – «Движение за автономию Санкт-Петербурга и Ингерманландии». (В интернет-пространстве сподвижники, «резвьясь», так и пишут: *«сепаратизм (зачеркнуто) практикующее краеведство»*.)

Игры в переориентацию идентифицирующей нацию культурных образов (с задействованием архаики) ведутся, конечно же, отнюдь не только в России. Например, в ноябре 2007 года член британского парламента от валлийского графства предлагал включить уэльского дракона в символику национального флага. Действительно, т.н. *Union Jack* включает и ирландский, и шотландский символы, но не уэльский. Министр культуры Великобритании на словах поддержала идею, которую, однако, депутаты-тори решительно отвергли. При том, что для Великобритании все же значим «драконий» архетип: красный зверь традиционно связывался с бриттами, а белый – с англосаксами; есть и традиция «официализации» кельтского символа (Генрих VIII Тюдор, претендовавший на звание «последнего императора Британии», уже помещал его на своем гербе). И все же Англия не желает пока отказываться от стереотипа «страны святого Георгия».

Отметим, что в полную противоположность данному случаю в русском архетипе «Дракон-Крокодил-Змей» если с чем и связывается, то исключительно со всякого рода нечистью, причем обычно иноземного происхождения: Тугарин Змеевич, согласимся, как-то «слабо тянет» на символ русских вообще (и «генетических белых» в особенности!)..

Героизация образа Крокодила имеет свои литературно-публицистические «корни». Достоевский использовал созданную Томасом Гоб-

бсом метафору государства-Левиафана в своей повести «Необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже», где высмеивал демократическую традицию XIX века (по версии современников – конкретно Чернышевского), готовую нести «свет человечеству» даже из «крокодильего брюха» (в данной метафоре, соответственно, видели сибирскую ссылку).

Несомненно, не без аллюзии на произведение Достоевского несколько позже писал своего «Крокодила» Чуковский (сохранились воспоминания, как он читал гостям «Пассаж» в присутствии возмущенного таким «ретроградством» И.Репина). Описанный в начале поэмы Чуковского крокодилий быт носит явно буржуазный характер; однако в итоге звери, установившие свою власть в Петрограде, сумели при помощи детей полностью преодолеть свою звериную природу и весь «старый мир». «Изменение природы», устройство «нового мира, где не будет править естественный отбор», – все это напоминает воплощение мечты о «земном рае» – коммунизме. Есть у Чуковского и другой известный образ: Крокодил, нагло пожирающий солнце в болоте и побеждаемый Медведем.

Апологетикой именно этого «лика» Крокодила – «борца» с «надевшей в СССР нравственностью» – занялась в 1999 году молодая скандально известная поэтесса Алина Витухновская, написавшая следующие строки («Эссе о Лисе»): *«Крокодил, патриот сакральной тьмы, дети ненавидели тебя, а сказочные твари зверей были готовы растерзать за адекватность бунта. Я одна любила тебя, Шершавый Подводный Рыцарь, расчищающий путь к запредельной моей великой цели...»*²⁰ Отметим, что целью «адекватного бунта» для Витухновской являлось – в лучших традициях гностицизма! – тотальное «уничтожение реальности». (Главная символическая задача на пути к такому уничтожению – *«убить солнце»*.) В 2007 году Витухновская поддержала политическую кампанию «коркоделистов». (Прошедший в день города в московском клубе «ИКРА» *Crocodile-party* с участием поэтессы был весьма смачно описан «Независимой газетой».²¹)

На самом деле «крокодиля» тематика как протестная уже существовала задолго до Витухновской, в позднесоветские времена, в кругу диссидентствующих поэтов–«метареалистов». Были, например, широко

²⁰ Витухновская А. Эссе о Лисе // <http://kraizemli.narod.ru>

²¹ Независимая газета. 6.IX.2007.

известны (и даже положены на музыку) стихи Александра Еременко, носившие очевидный социально-политический подтекст:

*Я мастер по ремонту крокодилов,
Окончил соответствующий вуз.
Хочу пойти в МГИМО. Но я боюсь,
Что в эту фирму не берут дебилов.*

И не зря один из кумиров советских диссидентов, поэт-«метафорист» Константин Кедров придавал Крокодилу «статус» «*метакода*», а поэтический опус Еременко высокопарно именовал «*скрижалю*»²². (Кстати, взгляды Кедрова, воспевавшего мистерию «*полета к черной дыре*», интересны сами по себе. Но в контексте нашей темы важно то, что Кедров является автором понятия «*МЕТАКОД*» («*генетический код культуры*») и сегодня таким «кодом» провозглашает «Коркодела». Все же «Крокодилы» как тема вплоть до конца 90-х годов оставались популярны, в основном, в богемной среде. Целенаправленно и в больших дозах данная символика начинает «вбрасываться» в общественное сознание лишь сегодня. Становясь инструментом слома культурных «кодов», определяющих идентификацию этого сознания.

В ноябре 2007 года известный диссидент В.К.Буковский, заявивший себя в качестве кандидата в президенты РФ, открыто поддержал «крокодилю» кампанию, проводимую в Санкт-Петербурге. Он присутствовал на митингах «коркоделистов», фотографировался с символическим крокодилем, оставлял на нем свою подпись. «Поклонники Коркодела» после этого в интернете называли его не иначе как ласково «*Крокодилычем*» (по удобной аналогии с «Константинычем»). Причем вряд ли такое единение было лишь эпатажным пиар-ходом. Есть основания видеть тут стратегический союз, заключенный, в том числе, на принципах поддержки российского сепаратизма.

В ряде интервью (в том числе в октябре 2007 года «Граням.ру») Буковский предсказывал, что «чекисты» приведут страну к распаду: «*Будут еще Дальневосточные республики, королевства Восточной Сибири и т.п. Черт знает, как они будут управляться и как они будут друг с другом жить, будут ли они воевать или жить мирно, но я вам гарантирую, что такой момент будет...*»²³ Как видно из откровенного заявления в июне 2007 года санкт-петербургскому еженедельнику «Дело»,

²² Кедров К. Крокадил – метакод // Витухновская А. Указ. соч.

²³ Буковский В. И возвращается Брежнев... // Грань.ру. 19.10.2007.

Буковский горячо поддерживает возможность подобного сепаратизма: *«Я считаю, что регионы должны иметь самостоятельность и отстроить полноценное самоуправление... Нестабильность России именно в том и заключается, что никогда не отстраивался "фундамент". А фундамент любого нормального государства – местное самоуправление. Если же в процессе отстройки подобного "фундамента" тот или иной регион сочтет более выгодным или исторически оправданным объявить себя отдельным, независимым, государством – карты ему в руки! Я не вижу в этом большой проблемы»*²⁴. То есть идея «самоопределения» российских регионов сегодня откровенно популяризируется – как некогда либеральное «самоопределение» советских республик...

Кстати, в настоящее время Буковский продолжает рассматриваться как знаковая фигура «бойцами» «новой холодной войны»: так, 2 июня 2008 года эстонский президент с почетом принял его в Таллинне, спросил о состоянии дел в российской оппозиции и поблагодарил за *«целенаправленную деятельность по развалу Советской империи»*.

Сегодня сепаратисты вроде Широпаева продолжают ратовать за «ментальное» освобождение – причем уже не только от понятия «Россия», но и от «Руси»! Сам Широпаев в октябре 2007 г. заявлял: *«Пусть, как говорится, расцветет сто цветов! Речь идет о возникновении целого ряда Русей, в которых начнется процесс формирования нескольких русских буржуазных наций. Не исключено, что в дальнейшем они обретут особые имена, оставив понятие "русский" для обозначения своей общности, в качестве исторического маяка. Эти Руси могли бы образовать Конфедерацию, цивилизационно ориентированную на Европу (кто-то предложил назвать этот проект "Русская Европа"). Только так может быть завершен демонтаж постсоветского пространства, начавшийся на заре 1990-х годов»*²⁵.

Весьма важно, что данного рода идеологами начинают приниматься на вооружение новые, более политкорректные формулировки западных регионалистов. Так, на прошедшей 13 апреля 2008 года в Санкт-Петербурге конференции «Весна Ингрии: Космос и Хаос» в своем вы-

²⁴ Буковский В. Моего тюремного срока хватает, чтобы стать президентом // Дело. 4.VI.2007.

²⁵ Широпаев А. Национал-демократия как проект. Ч.1. Новое пространство // www.nazlobu.ru. 23.10.2007.

ступлении под названием «Регионализм как креативная стратегия» Штепа предложил, чтобы регионалисты отныне ни в коем случае не позиционировали себя в качестве «сепаратистов». *«Этим мы будем только подыгрывать кремлевской пропаганде, которая всячески демонизирует оппозицию, – указал он. – Мы сами должны выступить за единство российской территории, но понятое принципиально иначе, чем у кремлевско-рублевских "вертикальчиков". Мы за единство сил гражданского самоуправления из разных регионов, то есть за принципиальную замену бесконтрольной "вертикали власти" избираемой демократической "горизонталью". Штепа сделал вполне практическое предложение: «продумать вопрос о создании межрегиональной политической организации, которая обладала бы правом избираться в местные парламенты в разных регионах и в программе которой был бы четко прописан принцип регионального самоуправления и прямых межрегиональных связей»²⁶.*

Исторический опыт показывает, что не внешние и не внутренние идеологи развала государства, в конечном счете, решают его судьбу. Решает – наличие или отсутствие у центральных властей твердости в желании сохранить целостность страны. В контексте описанных выше тенденций принятие сегодня в России на официальном уровне регионалистской доктрины представляется губительным.

В этом смысле более чем настораживает заявленная **30 января и 16 февраля** этого года министром регионального развития России Д.Козаком на экономических форумах в Москве и в Красноярске **новая концепция регионального развития**. Данная концепция предполагает предоставление местным властям максимума социально-экономической самостоятельности (что и есть упомянутый «бюджетный федерализм!»). Мотивация – стимулировать регионы в развитии бизнеса, во избежание пресловутых «иждивенческих настроений». В регионах планируется упразднить все федеральные органы власти, оставив лишь филиалы контрольных и силовых ведомств.

Отметим, что система экономической (причем весьма относительной) независимости регионов может быть эффективна в благополучных странах, вроде Германии или США, где давно создана эффективная

²⁶ Штепа В. Регионализм как креативная стратегия. Выступление на конференции «Весна Ингрии: Космос и Хаос», Санкт-Петербург, 13 апреля // www.inache.net. 14.IV.2008.

работоспособная инфраструктура хозяйствования. Но при существующем в России уровне неблагополучия большинства регионов подобный «отпуск их на самотек» неприемлем. А ведь власть однозначно подтверждает, что по-прежнему не собирается заниматься инфраструктурным развитием депрессивных регионов, рассчитывая лишь на эксплуатацию нефтегазовых ресурсов страны. На этот счет можно привести бесподобное по откровенности интервью ответственного за дальневосточное направление зама Козака К.Исхакова, заявившего 18 марта этого года в интервью «Новой газете»: *«Наши товары неконкурентоспособны на китайском рынке. Можно было бы продавать продовольствие... Но для этого нужно, по сути, заново запустить сельскохозяйственное производство. Можно торговать рыбой, однако прежде придется реконструировать наши порты и навести там порядок. Так что в ближайшее время главными экспортными товарами на Тихом океане станут нефть и газ. В Китае, США, Японии потребности в углеводородном топливе в ближайшие годы серьезно вырастут, а мы как раз дотянем "трубу" до берега»²⁷.*

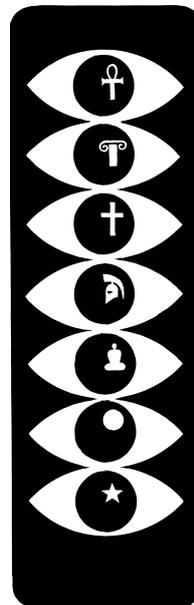
Добавим, что «как раз» к этому моменту может созреть и новая, сепаратистская, реальность – то, что Штепа назвал «послеЭРэФией». Ведь при установках вроде той, что изложил Исхаков, полномасштабная экономическая независимость регионов в российском формате способна сыграть роль последнего «спускового крючка» в процессе политической децентрализации – методом «снизу»!..

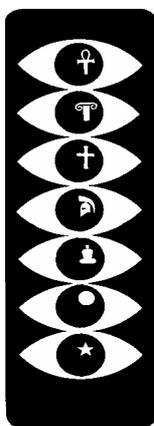
²⁷ Новая газета. 18.ИИ.2008.

Историческое сознание изменяется вместе с народами и эпохами, в нем то доминирует ностальгия по прошлому, то смысл сохранения или надежда на будущее. Легко понятные колебания: некоторые народы ждут высокого положения, другие о нем хранят память, некоторые считают себя связанными традициями, которые хотят сохранить, другие с нетерпением ждут новшеств, жадные до свободы и забвения. Время представляет одновременно разрушительную силу, которая уносит в небытие монументы и империи, принципы жизни и созидания. Ни оптимизм прогресса, ни пессимизм распада и одиночества, собственно, не определяют историческую идею. <...>

Время не есть зеркало, которое искажает, или экран, который скрывает настоящего человека, оно есть выражение человеческой природы... История свободна, потому что она заранее не написана и не детерминирована, как природа или фатальность, она непредсказуема, как человек для самого себя.

Реймон Арон

Валентина Марьина

**Э.БЕНЕШ: МЕЖДУ
ЛОНДОНОМ
И МОСКВОЙ**

ОТ ПРОЕКТА
ЧЕХОСЛОВАЦКО-ПОЛЬСКОЙ
КОНФЕДЕРАЦИИ К ИДЕЕ
СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКОГО
ДОГОВОРА 1943 г.¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

In spring 1943, when Soviet-Polish diplomatic relations were interrupted the USSR declared its disagreement with creation of Czechoslovakian-Polish confederation. The USSR approved neither the idea of signing Czechoslovakian-Polish treaty nor tripartite Soviet-Polish-Czechoslovakian treaty. So the idea of Soviet-Czechoslovakian treaty emerged. Theoretically this treaty was opened for the third country, Poland at an appropriate moment. The Soviet leaders and Czechoslovakian president E. Benes were intent to sign the treaty as soon as possible. The British objected because they thought that treaties of this kind between the great powers and small countries could be signed only after the war. Finally, the British resistance was cracked down. The treaty was signed in Moscow on December 12, 1943. The author adduces many documents that confirm her concept and conclusions.

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2008. №3.

II.

Советская «атака» на проект конфедерации

В июне–июле 1942 года, когда в советско-польских отношениях наступило резкое ухудшение в связи с выводом из СССР армии В.Андерса и усилением антисоветских настроений среди польской эмиграции, Богомолов в беседах с рядом чехословацких политических деятелей (Г.Рипка, Я.Странский, Р.Виест, Л.Файерабенд) начал «атаку» на проект чехословацко-польской конфедерации. Сначала, говоря от своего имени, потом от имени неких «советских кругов», он выразил сомнение относительно необходимости дальнейшего ведения переговоров с поляками и рекомендовал либо вовсе отказаться от них, либо отложить на неопределенное время. Посол полагал, что нейтральная позиция чехословацкой стороны в советско-польских спорах играет лишь на руку полякам, которые используют это обстоятельство в своих интересах, публично выступают с антисоветскими заявлениями и даже высказывают сомнения относительно необходимости открытия второго фронта в Европе². По словам Бенеша, Богомолов в категоричной форме заявил чехословацкому министру иностранных дел Я.Масарику, что «Москва против чехословацко-польского сближения», и рекомендовал довести это до сведения англичан, американцев и поляков. Президент был страшно раздосадован этим, считая, что русские «уже раскрывают свои карты» и что они сами должны открыто и официально изложить свои взгляды союзникам по антигитлеровской коалиции³.

Однако не учитывать создавшуюся ситуацию он не мог. Чехословацко-польские переговоры застопорились, и Бенеш посчитал нужным обсудить возникшие трудности с поляками и англичанами. Встретившись 22 июня с польским полпредом при чехословацком правительстве А.Тарновским, Бенеш, не отрицая русофильских настроений чехословацкого народа, утверждал, что никаких помыслов ни с советской, ни с чехословацкой стороны относительно более тесного союза между СССР

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.0138. Оп.29. П.147. Д.14. Л.75–80; *Československo-polská jednání o vytvoření konfederace 1939–1944. Československé diplomatické dokumenty. Kn.I–IV. Praha, 1994 (далее – ČPJVK). Kn.2. S.315–317; Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 – červen 1943. Praha, 1998 (далее – ČSVDJ. D.1). S.352–353.*

³ *Dokumenty z historie československé politiky. Díl 1. Praha, 1966 (далее – DHČP). S.278.*

и ЧСР не существовало. 25 июня Бенеш и Рипка были приглашены на обед к Идену, который интересовался беседой президента с Молотовым и, в частности, тем, было ли письменное советское заявление о восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах. Бенеш ответил, что это заявление было устным, но Молотов подтвердил его во время встречи, а Рипка добавил, что, очевидно, последует и письменное уведомление⁴. Кроме того, Иден интересовался, существуют ли какие-либо обязательства, взятые на себя Чехословакией в отношении СССР, и заметил, как следует из записи беседы Рипкой, что «русские с нами не должны заключать никакого особого договора (*dohodu*), поскольку это противоречило бы духу и обязательствам, вытекающим из англо-советского договора»⁵.

15 июля 1942 г. Богомолов официально заявил Масарику, что чехословацко-польская конфедерация, по мнению советского правительства, не содействует делу мира в Европе, и поэтому оно против каких-либо действий по ее подготовке в данное время и чехословацко-польских переговоров на этот счет⁶. Несмотря на все уверения чехословацких политиков в обратном, Богомолов утверждал, что планируемая чехословацко-польская конфедерация имеет антисоветскую направленность, что Польша не сможет стать гарантом независимости восстановленной Чехословакии, что им может быть лишь Советский Союз, который после войны станет соседом ЧСР и будет иметь с ней общую границу. 31 июля Бенеш в беседе с Богомоловым попросил дать ясный ответ относительно советской позиции в вопросе чехословацко-польской конфедерации. Прервав его многословные и не раз повторенные доводы, президент сказал: «Для меня достаточно одного довода, который Вы прямо не высказали и который из всего этого вытекает, как само собой разумеющийся. Этот довод следующий: Советский Союз против создания польско-чехословацкой конфедерации или против нынешних пере-

⁴ Иден еще 7 июня 1942 г. сообщил Бенешу следующее. Английское правительство, учитывая, что Германия умышленно нарушила соглашение 1938 г., касающееся Чехословакии, «не чувствует себя связанным никакими обязательствами в этом отношении» (ČSVDJ. D.1. S.345, сноска №4 к док. №168).

⁵ ČPJVK. Kn.2. S.323, 331–332; ČSVDJ. D.1. S.357–358.

⁶ ČSVDJ. D.1. S.365. – Несколько позднее он уверял Рипку, что Масарик его неправильно понял и что это сообщение он делал не от имени советского правительства, а от имени «соответствующих советских кругов и от себя лично». Что это за «круги», Богомолов не мог вразумительно объяснить (ČSVDJ. D.1. S.374).

говоров о ней, он не желает ее. Так это или нет? Если да, то сам по себе это достаточный довод и все остальные отпадают. Я – реалист в политике и знаю, что, если Вы будете против конфедерации, то создать ее будет невозможно... Мы также признаем, что поляки в своей пропаганде используют переговоры с нами в собственных интересах. Это довод и для меня. И, если советский посол скажет мне ясно и откровенно, что вы (русские. – В.М.) против осуществления этого плана, я должен это понять и определить свою дальнейшую политику»⁷.

Таким образом, Бенеш был готов во имя добрых отношений с Советским Союзом отказаться от «дружбы» с Польшей, не раздражая при этом особенно Англию, лелеявшую мысль о ЧПК. Однако президент был очень сердит и на СССР, полагая, согласно записи Я.Смутного, что «Богомоллов чем дальше, тем больше говорит от имени Коминтерна». Было бы ошибкой думать, считал Бенеш, что «русские» сначала не имели ничего против чехословацко-польских переговоров, «они об этом никогда ясно ничего не говорили и, наоборот, всегда с осторожностью, уклончиво принимали наши уверения, что переговоры не направлены против них, что могут им помочь, что мы не берем на себя никаких обязательств и т.д., но никогда не выражали одобрения»⁸.

Затягивалось и решение вопроса о поездке президента в СССР. Это осложнялось еще и тем, что летом–осенью 1942 года в связи с оттяжкой открытия второго фронта в Европе усилилась напряженность в советско-английских отношениях. Свидетельством этого стал визит У.Черчилля в Москву 12–16 августа 1942 г.⁹ Но еще до этого, осознав, что в чехословацко-польско-советском треугольнике назревают нештучные распри, англичане решили продемонстрировать свое доброе отношение к Чехословакии. 5 августа Иден сообщил Масарику письменно, что правительство Великобритании не считает себя далее связанным Мюнхенским соглашением и что «при окончательном определении чехословацких границ в конце войны на его точку зрения не будут влиять никакие изменения, происшедшие в этом вопросе как в 1938 году, так и позднее»¹⁰. 2 сентября 1942 года, уже после поездки в СССР,

⁷ *Ibid.* S.377.

⁸ *Ibid.* S.384 (сноска №3 к док. №184).

⁹ См. подробнее: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи, беседы, дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004. С.348–383.

¹⁰ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С.55, сноска * к док. №28.

Черчилль в письме на имя Бенеша подтвердил решение британского правительства¹¹.

Выстраивая свою внешнеполитическую линию, Бенеш вынужден был лавировать между англичанами, поляками и «русскими». Убеждая первых и вторых в необходимости укрепления чехословацко-советского сотрудничества, он в то же время не желал ни теоретически, ни принципиально отказываться от идеи чехословацко-польской конфедерации, о чем и заявил Богомолову 27 августа 1942 г.¹² Однако в беседах с поляками все чаще стали подниматься вопросы, по которым между обеими сторонами имелись расхождения во взглядах, например, о Тешинской области. Ранее этот вопрос откладывался на неопределенное время.

Москва же все более настойчиво давала понять, что в будущем не желает иметь своим соседом государственно-политическую конструкцию в виде польско-чехословацкой конфедерации. В начале сентября IV Европейский отдел НКВД (за подписями Васильев и Новиков) подготовил справку «Польско-чехословацкая "конфедерация"». Кавычки сразу давали понять отношение авторов документа к проекту¹³. В справке рассматривались история рождения проекта, ход переговоров по подготовке к его реализации после войны, существующие между Польшей и Чехословакией противоречия (подробно), цели объединения, приводились высказывания польских и чехословацких политических деятелей об отношении к СССР, оценки прессы. При характеристике конфедерации употреблялись такие термины, как «крайняя искусственность и нежизнеспособность», «шаткость и ненадежность здания», «прожектерские потуги некоторых эмигрантских деятелей», «мертво-рожденная конструкция», «опасные химеры». Авторы справки указывали, что «между двумя партнерами по конфедерации нет единства взглядов по вопросу об отношении к СССР, т.е. по самому основному вопросу внешней политики конфедерации». «Таким образом, – гласил вывод, – с какой стороны ни посмотришь на пресловутую "конфедерацию", неизбежно приходишь к заключению, что идея польско-чехословацкой "конфедерации" противоречива от начала до конца. Безжизненность этой идеи станет особенно наглядна, если отдать себе отчет, каковы те

¹¹ ДНЦР. S.286.

¹² СРЖК. Кн.3. S.371.

¹³ В фонде Молотова имеется два варианта Справки – от 3 и 19 сентября. Второй, судя по пометам, – исправленный Новиковым первый вариант текста (АВП РФ. Ф.06. Оп.4. П.25. Д.276. Л.14–29, 30–43).

реальные интересы, которыми будут всецело поглощены народы Средней Европы после победоносного окончания нынешней войны. Среди них на первом плане будут, несомненно, такие важные вопросы, как восстановление национальных границ и национальной независимости этих стран». Далее говорилось, что первоочередной задачей славянских народов Средней Европы является борьба с немецким засильем и что «искусственная затея с конфедерацией, в каких бы внешне привлекательных тонах ее ни расписывали», может оказаться вредной и «стать инструментом в руках тех, кто хочет ограничить или вовсе свести к нулю независимость славянских народов».

14 октября Новиков имел длительную беседу с Фирлингером по вопросу о конфедерации. Советский дипломат заявил, что «эта затея явно нереальная. Советская общественность (! – В.М.)... рассматривает эту идею как искусственную и не отвечающую жизненным интересам этих стран». Полпред заметил, что он «никогда не считал ее реальной», но «чехословацкая официальная пропаганда всегда ссылается на одобрение советскими официальными кругами этой идеи»¹⁴. На это Новиков ответил: «Это не соответствует действительности, ибо никогда и нигде советские официальные круги не отзывались о конфедерации одобрительно». Фирлингер «развел руками и сказал, что ему также об этом ничего не известно, но тем не менее он вынужден констатировать этот факт». Далее полпред добавил, что «чехи настроены советофильски (он не сказал русофильски). После войны чехи, безусловно, будут стремиться к сближению с СССР. Лично он, Фирлингер, считает, что для Чехословакии гораздо более приемлема конфедерация с Советским Союзом. Он уверен в том, что какой-то вид объединения Чехословакии с Советским Союзом будет существовать... Но мы, конечно, не хотели бы отталкивать и поляков, если бы последние ввели у себя более демократический строй». Полпред предположил, что после разгрома Германии возможно создание социалистической Польши и Чехословакии, на что Новиков ответил, что тот, «пожалуй, слишком далеко заходит в своих предположениях... о политическом лице восстановленных Польши и Чехословакии»¹⁵. Таким образом, Фирлингер уже не в первый раз в беседах с советскими дипломатами озвучивал идею какой-либо формы государственного объединения Чехословакии и СССР. Эта идея не канула в Лету,

¹⁴ Здесь и далее подчеркнута в документе.

¹⁵ АВП РФ. Ф.06. Оп.4. П.25. Д.277. Л.103–104.

а нашла несколько позже свое воплощение в мысли о союзном советско-чехословацком договоре.

24 октября Молотов в ответ на ноту от 29 сентября направил письмо Фирлингеру, в котором говорилось, что советское правительство с удовлетворением приняло к сведению факт заключения чехословацко-британского соглашения по вопросу о прекращении действия Мюнхенского соглашения. Перед этим, 22 октября, текст письма был направлен Молотовым Сталину с просьбой: «Прошу утвердить этот ответ чехам о Мюнхене» (синий карандаш. – *В.М.*). Помета в верхнем левом углу (красный карандаш): «Ст[алин]». Кроме того, копию документа получили заместители наркома иностранных дел Вышинский, Деканозов, Лозовский¹⁶. Однако советское правительство по-прежнему не желало официально заявлять о своем однозначно негативном отношении к чехословацко-польской конфедерации. Об этом Богомолов прямо заявил Бенешу 30 октября, а позицию советского правительства сформулировал так: «1) советские круги (! – *В.М.*) в Москве против политики вашей конфедерации с Польшей и полагают, что это осложнило бы ситуацию... 2) советское правительство наблюдает за вашими переговорами с Польшей и изучает то, что вы до сих пор сделали и делаете». Бенеш в ответ заявил: «Я рад, что у меня сегодня имеется ясная формулировка [советского] правительства. Она в целом хороша и разумна. Советское правительство ни за, ни против, оно лишь наблюдает за нашими переговорами и изучает их... это означает, что вопрос конфедерации в Ваших руках. Если Вы согласитесь, она будет, не согласитесь – не будет»¹⁷.

**Чехословацко-польский
союзный договор
как первый шаг на пути
к конфедерации**

Но было уже совершенно ясно, что Москва против. Об этом Масарик 20 ноября говорил с Иденом. Подчеркнув желание договориться с поляками, чехословацкий министр иностранных дел заявил: «Но никто, в том числе и поляки, не может

от нас требовать, чтобы мы сделали это против [желания] России». Иден обещал поговорить с Сикорским о том, как «неразумно было бы в данный момент делать что-либо против или назло России». Масарик

¹⁶ Там же. Д.273. Л.19–20 (Опубликовано в: *Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны... С.58*).

¹⁷ *СРЖК. Кн.3. С.394–395.*

высказал мысль о возможности заключения чехословацко-польского союзного договора и просил Идена о поддержке этой идеи. Тот обещал. В этот же день Масарик ужинал с Рачиньским и тоже завел речь о союзном договоре как первом шаге на пути к возможной конфедерации, учитывая осложнения, возникшие в связи с продвижением ее проекта. Рачиньский хотя и удивился сделанному предложению, но, когда Масарик сообщил ему, что англичане с одобрением смотрят на это, обещал подумать¹⁸.

23 ноября состоялась встреча Бенеша, Масарика и Рипки с Сикорским и Рачиньским. Польский министр считал предложение о союзном договоре как первом шаге к конфедерации разумным. Но сомневался в положительном восприятии идеи польской общественностью, поскольку неизбежно речь пойдет и о Тешинской области. Англичане советовали начать быстрее переговоры о заключении договора. Они и были начаты, но натолкнулись на неуспех: препятствием стал Тешинский вопрос, без обсуждения которого, по мнению чехословацкой стороны, «переговоры едва ли могли быть успешными». Поляки же считали эту область своей и не шли ни на какие уступки. По всей вероятности, – заявил Рипка в беседе с В.А.Вальковым¹⁹ 13 декабря 1942 г., – Чехословакия не сможет договориться с поляками и по вопросу об альянсе (союзном договоре. – *В.М.*), поскольку предпосылкой для его заключения «является разрешение вопроса о Тешинской Силезии». В представлении Бенеша, согласно Рипке, «альянс должен быть военным союзом, направленным против Германии». Полякам, заметил Рипка, «идея альянса не вполне нравится в связи с тем, что он направлен исключительно против Германии, тогда как в намерения поляков входило направить польско-чехословацкую конфедерацию также и против СССР»²⁰.

«Вопрос о польско-чехословацкой конфедерации сейчас оставлен открытым на послевоенный период», – утверждал Бенеш в беседе с В.А.Вальковым 26 декабря 1942 г. Президент сказал, что перед отъездом Сикорского в США²¹ тот спросил его, может ли он заявить Рузвельту, что между Польшей и Чехословакией достигнута полная договоренность о конфедерации. На это Бенеш ответил: «1. Соглашение по вопро-

¹⁸ *Ibid.* S.408–417.

¹⁹ *Поверенный в делах СССР при союзных правительствах в Лондоне.*

²⁰ *АВП РФ. Ф.06. Оп.5. П.33. Д.397. Л.11–12.*

²¹ *Поездка Сикорского в США состоялась в декабре 1942 г. Там идея польско-чехословацкой конфедерации не получила поддержки.*

су о конфедерации нами не подписано. 2. До тех пор, пока не разрешен вопрос о Тешинской Силезии, нельзя говорить и по вопросу о конфедерации. 3. Без урегулирования спорных вопросов между Польшей и СССР и без согласия Советского Союза Чехословакия не может дальше обсуждать вопрос о конфедерации. Поэтому Сикорский не может делать подобного рода заявлений Рузвельту». Далее Бенеш сообщил об идее чехословацко-польского союзного договора (альянса), которую он согласен обсудить с поляками, но при следующих условиях: «1. Предварительное разрешение вопроса о Тешинской Силезии. 2. Альянс должен быть направлен исключительно против Германии. 3. Альянс ни в коем случае не должен затрагивать интересы СССР, с которым Чехословакия намерена после войны заключить военный союз». Бенеш просил сообщить его точку зрения советскому правительству, и особенно о чехословацко-польском альянсе, «ибо он не хочет делать ничего такого, что бы шло вразрез с интересами Советского Союза, с которым Чехословакия имела и хочет иметь хорошие отношения»²².

31 декабря МИД ЧСР направил чехословацким представительствам инструкцию, в которой подводились итоги переговоров о проекте чехословацко-польской конфедерации. Констатировалось их осложнение, прекращение в последние месяцы работы смешанных комиссий. В качестве одной из главных причин назывались различия чехословацких и польских взглядов на значение Советского Союза в деле сотрудничества стран Центральной Европы. «Чехословакия не может и не будет предпринимать ничего, что препятствовало бы традиционно дружественным чехословацко-советским связям», – значилось в инструкции. Говорилось об усилении антисоветской направленности польской политики; о том, что Польша не хочет обсуждать вопрос о Тешинской области, считая ее своей и не учитывая отказ Англии от Мюнхенского соглашения; об идее чехословацко-польского союзного договора против Германии сроком на 20 лет²³. Все это изложил и Фирлингер в беседе с Богомолывым 8 января 1943 г. При этом добавил: поскольку, по его мнению, «в советских кругах не видят сколько-нибудь значительной разницы между конфедерацией и альянсом, он, «со своей стороны, посоветовал Бенешу прежде, чем делать какие-либо предложения полякам, проконсультроваться по этому вопросу с советским правительством»²⁴.

²² АВП РФ. Ф.06. Он.5. П.33. Д.397. Л.4–6.

²³ ČPJK. Kn.3. S.425–427.

²⁴ АВП РФ. Ф.06. Он.5. П.33. Д.397. Л.22.

16 января Фирлингер передал Новикову секретную информацию (на русском языке) о принципах чехословацко-польского альянса. Одновременно предлагалось заключить аналогичный договор с СССР, оставляя за советским правительством право самому представить соответствующий текст договора или же предложенный ему текст изменить и дополнить²⁵. Таким образом, проект ЧПК если пока и не был похоронен окончательно, то на неопределенное время «положен под сукно». Однако мысль о сближении в какой-либо форме Чехословакии и Польши не оставляла Бенеша.

Наступал 1943 год, год решительного перелома в ходе Великой Отечественной войны, да и Второй мировой войны в целом. Освободительная миссия советских Вооруженных сил просматривалась все более четко, как и важная роль Советского Союза в послевоенном мирном урегулировании. 29 декабря 1942 г. Рипка, по словам Валькова, в конфиденциальном порядке сообщил ему, что «чехословацкое правительство уже сейчас хотело бы заключить общий договор о взаимопомощи с Советским Союзом»²⁶. Этот вопрос сейчас рассматривается Бенешем, который является сторонником такого шага²⁷. Проект советско-чехословацкого договора (на французском языке) Рипка представил Бенешу уже 20 декабря 1942 года²⁸, а в беседе с Вальковым 29 декабря подчеркнул, что этот договор означал бы «первый важный опорный пункт, и... пункт главный, в системе сотрудничества Советского Союза со странами Центральной Европы»: «альянс Советского Союза с Чехословакией дал бы Советскому Союзу немедленно совершенно надежную гарантию, что в Центральной Европе просто-напросто ничего нельзя делать ни против Советского Союза, ни без Советского Союза»²⁹.

Фирлингер в своих взглядах на будущее советско-чехословацких отношений пошел еще дальше. 29 декабря, беседуя с Богомоловым, который находился тогда в Москве, посол³⁰ в форме своего личного мнения

²⁵ Там же. Ф.013. Оп.5. П.16. Д.296. Л.3.

²⁶ Еще раньше, 14 декабря, Рипка говорил Валькову о желании как можно раньше заключить прочный советско-чехословацкий союзный договор по образцу советско-британского договора (ČSVDJ. D.1. S.419).

²⁷ АВП РФ. Ф.06. Оп.5. П.33. Д.397. Л.19.

²⁸ ČSVDJ. D.1. S.420–423.

²⁹ АВП РФ. Ф.0138. Оп.29. П.147. Д.14. Л.135–137; ČSVDJ. D.1. S.424.

³⁰ В конце 1942 г. чехословацкое полпредство (миссия) в Москве было преобразовано в посольство, а Фирлингер получил ранг посла.

(и не в первый раз) заявил, что «сочувствует идее вхождения Чехословакии в советскую федерацию на правах союзного государства (вроде М[онгольской]Н[ародной]Р[еспублики])». Он мотивировал эту мысль тем, что «симпатии чехословацкого народа к СССР непрерывно растут, а внутренняя ситуация Чехословакии с неизбежностью будет требовать социалистической реконструкции Чехословакии в послевоенной Европе». При этом Фирлингер снова повторил, что перед его отъездом в СССР (т.е. в августе 1941 г. – В.М.) «Бенеш в беседе с ним выражал сочувствие этой идее тесного сближения Чехословакии и СССР»³¹.

На самом деле, если эта мысль когда-либо и посещала президента, то лишь в качестве тактического шага в деле налаживания чехословацко-советских отношений. А в 1942 году он никак не мог быть ее сторонником. Более того, в своем послании Государственному Совету от 12 ноября 1942 г. Бенеш прямо заявил следующее. Вопрос о конфедеративных отношениях между Чехословакией и Советским Союзом никогда официально не ставился и не ставится ни той, ни другой стороной, и советское правительство «буквально и последовательно подчеркивает» полную независимость Чехословакии в домюнхенских границах³². В упомянутой беседе от 29 декабря Фирлингер вскользь говорил о недоверии к нему со стороны чехословацкого правительства, что было правдой и объяснялось откровенно просоветскими позициями посла³³. Правильность действий советского правительства никогда не подвергалась им сомнению.

³¹ АВП РФ. Ф.06. Оп.5. П.33. Д.397. Л.21.

³² ČSVDJ. D.1. S.415. – 1 июля 1943 г. Н.В.Новиков составил справку «Советско-чехословацкие отношения в 1941–1943 гг.». В ней говорится: вопрос о «государственном объединении Чехословакии и СССР» был поднят «по инициативе чехов... и также был снят самими же чехами». А также, что Бенеш в своем послании Госсовету от 12 ноября 1942 г. «решиительно опроверг существование у чехословацкого правительства намерений объединить Чехословакию с СССР». Изменение позиции Бенеша в данном вопросе Новиков объяснял тем, что «к этому времени ему удалось добиться отчасти при помощи СССР ряда внешнеполитических успехов, после чего он решил прекратить свои далеко идущие заискивания перед нами» (АВП РФ. Ф.07. Оп.4. П.31. Д.43. Л.7).

³³ В связи с этим Богомолов, типично «красный» советский дипломат, отмечал: «Фирлингер пользуется в Чехословакии репутацией "друга Советского Союза" и левого чехословацкого социалиста. Тт. Готвальд и Неедлы относятся к нему с большим доверием, чем он того заслуживает. Есть опасность того, что Фирлингер пользуется доверчивостью Неедлы, чтобы выведать для Бенеша что-либо о позиции СССР по отношению к Чехословакии» (АВП РФ. Ф.06. Оп.5. П.33. Д.397. Л.21).

В конце декабря 1942 года по случаю вручения верительных грамот Фирлингер был принят Молотовым. В ходе беседы, продолжавшейся около часа, посол заявил о возможном визите Бенеша в Москву уже весной 1943 года, во время которого «можно было бы заложить основы некоего более тесного соглашения (*dohody*)». Несколько раз Фирлингер встречался также с Богомоловым и Деканозовым. «Советские правительственные круги», по мнению посла, «высказывали решительное подозрение, что за нашим проектом оборонительного союза с Польшей скрывается старый план конфедерации»³⁴. Напомним, что речь действительно шла о первом шаге к конфедерации. И Рипка, беседуя с Вальковым 8 января, отмечал, что «чехословацкое правительство не отказывается от идеи конфедерации как идеи, но оно отказывается от самой конфедерации... О конфедерации с поляками мы разговаривать сейчас не собираемся, это вопрос будущего... а сейчас ограничимся альянсом, направленным исключительно против Германии». Рипка хотел знать точку зрения советского правительства по этому вопросу. Но в то же время, по словам Валькова, снова заявил о желании «уже сейчас заключить договор с СССР на послевоенный период». На вопрос Валькова, каким должен быть этот договор в представлении чехословацкого правительства, Рипка ответил, что, по его мнению, изложенному в записке Бенешу по этому вопросу, «договор должен быть заключен в духе англо-советского договора 1942 года»³⁵.

Сообщая Фирлингеру 11 января о проекте заключения союзного чехословацко-польского договора, Бенеш в то же время отметил желательность одновременного подписания аналогичного договора с Советским Союзом. Президент подчеркнул благоприятное отношение Майского к проекту и «полное согласие Идена с этой концепцией»³⁶. Но Москва была не склонна поддерживать и проект чехословацко-польского союзного договора. 26 января Богомолов сообщил Рипке, что, «по мнению советских кругов, проект альянса означает то же самое, что и проект конфедерации». Когда Рипка пытался убедить его в больших различиях между обоими проекта-

³⁴ Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl II. Praha, 1948. S.93–95.*

³⁵ АВП РФ. Ф.06. Оп.5. П.33. Д.397. Л.24–25.

³⁶ ČSVDJ. D.1. S.426–429. – Видимо, все же в назидание Фирлингеру Бенеш писал, что, не желая ни с кем объединяться вопреки интересам Советского Союза, «мы также не хотим никогда быть ни его вассалом, ни инструментом в его руках, равно как ни картой в его дипломатической либо иной игре. Зато мы всегда хотим быть его верным и надежным союзником и настоящим другом».

ми, Богомолов ответил, что, возможно, это и так, но ему было дано указание передать мнение советских кругов. Он настаивал именно на том, что это мнение не советского правительства, а неких советских кругов. Посол снова подчеркнул, что поляки ведут себя вызывающе враждебно по отношению к Советскому Союзу³⁷. Бенеш, признавая в беседе с Иденом, что поведение поляков и особенно их «нелепая позиция в вопросе о границах» мешают убедить СССР в правильности новых проектов развития чехословацко-польско-советских отношений, просил англичан о поддержке. Иден обещал дать указание английскому послу в Москве А.К.Керру переговорить с Молотовым по этим вопросам³⁸.

Рождавшаяся в Лондоне идея трипартитного чехословацко-польско-советского договора рассматривалась и в Москве, но, в конце концов, также оказалась неприемлемой для нее. 4 февраля во время встречи Бенеша с Богомоловым посол выразил мнение, что советско-польско-чехословацкое соглашение вряд ли возможно с нынешним польским правительством и в существующей атмосфере. Разговоры Идена с Майским по этим вопросам, как сообщали Бенеш и Масарик Фирлингеру, будут носить лишь дружественно информационный характер, как и разговоры с поляками: «В этой ситуации мы займем выжидательную позицию». При этом Бенеш делал вывод, что «Советы до окончания войны» не захотят и в отношении Чехословакии принимать каких-либо окончательных решений. Он намеревался в скором времени поехать в Вашингтон, а затем в Москву, где хотел бы обсудить вопросы, касавшиеся сотрудничества с СССР и положения дел в центральноевропейском регионе³⁹.

Вопрос о будущем Центральной и Юго-Восточной Европы волновал и Запад. Об этом, в частности, свидетельствует длительная беседа Майского с Иденом 11 марта, накануне отъезда министра в США. Идена интересовала позиция СССР по основным европейским проблемам. Майский заявил, что может касаться этих вопросов «только в абсолютно частном порядке и высказывать только личное мнение». Речь зашла в том числе о возможности и желательности (с точки зрения Англии)

³⁷ *АВП РФ. Ф.0138. Он.29. П.147. Д.14. Л.69–74; ČSVDJ. D.1. S.432–435.*

³⁸ *ČPJVK. Кн.3. S.438. – Разговор Керра с Молотовым состоялся. Нарком заявил, что советское правительство никогда не высказывалось против идеи конфедерации, но подтвердил осторожное отношение к ней «советских кругов». Английское правительство, по словам Николса, не считало возможным далее осуществлять нажим на советское правительство в этом вопросе (ČSVDJ. D.1. S.451).*

³⁹ *ČPJVK. Кн.3. S.444; ДНЦР. S.311–312.*

создания федеративных объединений в указанном регионе после войны. Майский заявил: «Никаких решений совпра (советского правительства. – В.М.) по вопросу о федерациях нет. Однако общее настроение наших политических кругов в отношении федераций очень осторожное. Причина понятна. Вопрос о федерациях – не абстрактный вопрос. Надо точно знать, о каких федерациях идет речь? Будет ли та или иная федерация дружественна или, наоборот, враждебна СССР? Это для нас решающий момент». Иден согласился, что к вопросу о федерациях надо подходить конкретно. Майский: «Если говорить откровенно, то с еще большей настороженностью, чем ко всем другим федерациям», СССР относится к «польско-чешской конфедерации». «Причина проста: мы совершенно не знаем, что будет представлять собой будущая Польша. А если судить по польпра (польскому правительству. – В.М.) в Лондоне, то трудно ожидать возникновения после войны дружественной СССР Польши». Иден, записал Майский, «был, видимо, разочарован, но воздержался от каких-либо замечаний». Посол, продолжив тему, заметил, что «все эти комбинации малых держав» кажутся ему «маложизненными» и что сохранение мира и порядка в послевоенной Европе мыслимо лишь в порядке общеевропейской организации (политической и военной) во главе с СССР и Англией. Ничто другое мира не может спасти... Игра же в локальные федерации малых держав будет только отвлекать внимание от достижения главной и основной цели. Если же общеевропейская организация будет создана, то каждая малая держава найдет в ее структуре свое надлежащее место». Иден, согласившись с мнением относительно роли общеевропейской организации, заметил: «Возможно, что тогда и вопрос о федерациях малых стран отпадет или, во всяком случае, будет стоять иначе, чем сейчас»⁴⁰.

Идея советско-чехословацкого договора: международный контекст

Москва не без основания полагала, что трипартитный договор тогда едва ли был возможен из-за откровенно антисоветской позиции польского эмигрантского правительства. И тут на первый план стала выступать и, в конце концов, зажила са-

мостоятельно идея сепаратного советско-чехословацкого договора. 21 февраля 1943 года Фирлингер в телеграмме Бенешу высказал мысль о

⁴⁰ АВП РФ. Ф.017. Оп.1. П.2. Д.10. Л.85–86.

возможности инициативной со стороны чехословацкого правительства постановки вопроса о договоре с СССР, пока без Польши⁴¹. 25 февраля Богомолу из Москвы было предложено спросить от своего имени Бенеша, является ли заявление Фирлингера о желании заключить советско-чехословацкий договор, аналогичный польско-чехословацкому альянсу, предложением чехословацкого правительства, и, в случае утвердительного ответа, уточнить существо предполагаемого договора. Далее послу предлагалось, опять же в случае утвердительного ответа, задать Бенешу вопрос, как он отнесся бы к идее заключения аналогичного договора между СССР и Польшей? «Не удивительно, – говорилось далее в директиве, – что Бенеш ответит положительно на этот вопрос. Тогда Вам следует, продолжая зондаж, спросить, не считал ли бы Бенеш возможным в таком случае заключение трипартитного пакта СССР – Польша – Чехословакия?»⁴² Весной 1943 г. возможность такого решения еще обсуждалась как в Москве, так и в Лондоне.

Однако кризис в чехословацко-польско-советских отношениях был налицо. 6 марта состоялась беседа заместителя наркома иностранных дел С.А.Лозовского с Фирлингером⁴³, о содержании которой уже на следующий день был оповещен Молотов⁴⁴. Посол сообщил, что «он получил от Бенеша новый запрос о том, может ли чехословацкое правительство надеяться на возможность подписания с Советским Союзом договора, который регулировал бы советско-чехословацкие отношения не только *в период войны*⁴⁵, но и в послевоенный период». При этом Фирлингер хотел выяснить, «нет ли каких-нибудь международных препятствий⁴⁶ для союза между Чехословакией и СССР». Лозовский, который, по его словам, был «недостаточно в курсе» проектов по вопросу развития и укрепления советско-чехословацкого сотрудничества⁴⁷, заявил тем не менее: «Поскольку между СССР и Чехословакией существуют дружественные отношения, то тесное сотрудничество между нашими странами в послевоенное время может встретить только положительное отношение». Считая, что проектируемый чехословацким прави-

⁴¹ ČSVDJ. D.1. S.441; Fierlinger Z. *Op. cit. Dil II. S.115–116.*

⁴² АВП РФ. Ф.07. Оп.4. П.31. Д.43. Л.10.

⁴³ *Советско-чехословацкие отношения...* С.63–64.

⁴⁴ АВП РФ. Ф.013. Оп.5. П.16. Д.296. Л.1.

⁴⁵ *То есть речь шла о подписании договора еще во время войны. Курсив В.М.*

⁴⁶ *Имелась в виду позиция Англии.*

⁴⁷ *Это видно и из его письма Молотову.*

тельством договор с СССР имеет характер «пакта о дружбе и взаимопомощи», Лозовский предлагал устно заявить Фирлингеру, что «советское правительство относится положительно к идее договора». Резолюция Молотова 19 марта гласила: «С гг. Корнейчуком и Вышинским»⁴⁸.

В тот же день, 19 марта, Богомоллов пригласил Бенеша на завтрак, чтобы прояснить некоторые вопросы. Речь шла о чехословацко-польском альянсе, о трипартитном договоре, наконец, о советско-чехословацком договоре, относительно которого президент высказал свои принципиальные соображения, состоявшие в следующем:

а) это – восстановление в новых условиях советско-чехословацкого договора 1935 г.⁴⁹;

б) это – приближение к трипартитному чехословацко-польско-советскому договору, как подготовка к общей славянской политике в будущем;

в) это – соответствие договору СССР с Англией, «чтобы остальная Европа могла спокойно его (советско-чехословацкий договор. – *В.М.*) принять и не расценивать как проявление вашего (советского. – *В.М.*) империализма».

Если Москва захочет, добавил Бенеш, то он мог бы позднее сформулировать все это конкретнее в письменном виде. В свою очередь, президент, заявив, что ему неясны некоторые вопросы советской политики, прямо спросил у Богомоллова, намерено ли советское правительство *до окончания войны* (курсив. – *В.М.*) заключить с Чехословакией договор о сотрудничестве и взаимопомощи в духе договора 1935 г. и советско-английского договора 1942 г. Наконец, Бенеша интересовал вопрос об отношении СССР к проекту трипартитного договора, к Германии и немцам вообще и, в частности, к проекту переселения немецкого меньшинства из Чехословакии⁵⁰.

На следующий день Богомоллов сообщил в Москву о встрече с Бенешем и поставленных им вопросах, в том числе и о подписании договора еще до окончания войны. Но советское правительство, по всей видимости, не торопилось с ответом, как не торопил его и Бенеш. Президент собирался в начале мая с визитом в США и 4 апреля встретился с Черчиллем, чтобы обсудить ряд вопросов. Британский премьер поинтересо-

⁴⁸ АВП РФ. Ф.013. Оп.5. П.16. Д.296. Л.2.

⁴⁹ Договор о взаимной помощи между СССР и ЧСР был подписан 16 мая 1935 года в Праге.

⁵⁰ ČSVDJ. D.1. S.444–450.

вался, в частности, как обстоит дело с чехословацко-польским сотрудничеством. Бенеш ответил, что оно находится «почти на мертвой точке», но он надеется все же на достижение договоренности. Черчилль высказал свою заинтересованность в этом, но заметил, что Польша должна была бы пойти на территориально компенсированные уступки в отношении России на востоке: «Если нам удастся их (поляков. – *В.М.*) в этом убедить, то это будет большим шагом вперед. Вы ведь определенно люди разумные, а поляки неразумные...». Премьер говорил и о России, подчеркнув, что «вопреки всем потерям она выйдет из войны сильной, мощной и ее сила возрастет... Балтийские государства окончательно будут принадлежать России. Как и в 1914 году, Россия идет вместе с нами против общего врага, и мы будем последними, кто захочет отнять у нее территории, которые принадлежат ей исторически и стратегически. Это относится также и к восточным границам Польши... Но именно потому, что Россия будет так сильна, было бы ошибкой существование на западе от нее ряда маломощных, неорганизованных государств и государствочек... С Россией должны договориться и мы, и американцы, это будет нелегко, но иначе не будет прочного мира». Бенеш согласился и заявил, что его желание видеть сильную Польшу не означает возможность участвовать в создании конструкции, которая могла бы превратиться в антироссийский альянс или в то, что реакционеры именуют «санитарным кордоном»⁵¹.

Обращение к советско-польской проблематике в указанной беседе явилось вовсе не случайным и объяснялось, по всей видимости, дальнейшим ухудшением отношений СССР с польским правительством, которые, в конце концов, были вовсе прерваны в связи с «катынским делом». Поляки обвиняли советские органы в причастности к расстрелу польских военнопленных в Катыни в 1940 году, а Москва решительно опровергала это. 19 апреля 1943 г. ТАСС опубликовал официальную точку зрения советского правительства по данному делу, а 21 апреля Москва, наконец, ясно высказалась за подписание советско-чехословацкого договора. В телеграмме Молотова Богомолу советскому послу поручалось передать Бенешу, что советское правительство в принципе согласно с заключением советско-чехословацкого договора о взаимопомощи по типу англо-советского и готово обсудить конкретные предложения чехословацкого правительства. О сроках подписания договора и о времени его действия ничего не говорилось. Однако по-

⁵¹ *Ibid.* S.453–456.

скольку речь шла о договоре по типу советско-английского, то можно предположить, что имелось в виду не только послевоенное сотрудничество, но и взаимопомощь во время войны, а это требовало подписания его еще до ее окончания. Москва готова была обсудить конкретные предложения чехословацкого правительства на этот счет. Что касается трипартитного соглашения, то советское правительство считало его в принципе приемлемым, но обсуждение этого вопроса ввиду «теперешних натянутых отношений между советским и польским правительствами» – несвоевременным⁵².

23 апреля Богомолов встретился с Бенешем, чтобы передать ему ответ советского правительства. Интерпретация содержания этой беседы советской (плюс Фирлингер) и чехословацкой сторонами несколько отлична, что важно для понимания последующего развития событий, связанных с подписанием договора. Запись Бенеша свидетельствует, что он в первую очередь хотел выяснить принципиальную позицию советского правительства относительно возможности заключения советско-чехословацкого договора, чтобы затем уже решать вопрос о его конкретном содержании, времени действия и моменте подписания: «Богомолов и я констатировали, что мои вопросы и их ответы имеют целью, прежде всего, выяснить общую ситуацию, что нет необходимости делать это завтра, что у нас еще есть время и на [разработку] проекта этого договора и на дискуссию о нем, поскольку для нас обоих речь идет о подготовке условий и конструировании окончательных отношений в послевоенный период. Но мне необходимо было это разъяснение уже сегодня, особенно в связи с моей поездкой в Америку, и поскольку мы вообще должны видеть уже сегодня, как в нынешних непрерывно меняющихся обстоятельствах выстраивать всю свою будущую политику»⁵³.

По версии Фирлингера, в полученной им телеграмме Бенеша от 4 мая сообщалось следующее. Если речь идет о зондаже вопроса, то Москва согласна подписать договор о взаимопомощи перед окончанием войны; президент должен подготовить его текст для обсуждения («дело не должно быть завершено уже завтра, мы должны резервировать себе необходимое время и спокойно подготовить вопрос»), и все эти вопросы будут продискутированы во время поездки президента в Москву⁵⁴. По-

⁵² *Советско-чехословацкие отношения...* С.71–72.

⁵³ *ČSVDJ, D.1, S.462.*

⁵⁴ *Fierlinger Z. Op. cit. Dil II, S.120–121.*

следняя планировалась на июнь, сразу после возвращения Бенеша из Америки и Канады. Таким образом, речь не шла о подписании договора в ближайшее время, т.е. во время визита Бенеша в СССР.

В начале мая президент отправился в США. Во время неоднократных его встреч с Рузвельтом обсуждалась, между прочим, и позиция Бенеша по отношению к СССР, которая, как он утверждал, получила одобрение⁵⁵. В Вашингтоне (10 мая) президента настигла телеграмма Фирлингера (от 7 мая) о его длительном разговоре с первым заместителем наркома иностранных дел СССР А.Е.Корнейчуком и К.В.Новиковым. Советское правительство, как сообщал посол, «ждет Вашего проекта договора и считает, что договор мог бы быть подписан во время Вашего визита». Это существенное отличие от прежней советской позиции Фирлингер отметил в своих мемуарах. Он просил как можно скорее прислать ему указанный проект и не рекомендовал «откладывать это дело»⁵⁶.

Бенеш не спешил. В телеграмме Масарику 31 мая он сообщил, что не считает нужным передавать Богомолу проект договора до своего возвращения в Лондон: «Каждое слово будет иметь значение... Необходимо будет придерживаться как можно ближе текста англо-советского пакта... Я хочу также подождать еще последнего разговора с Рузвельтом». Кроме того, Бенеш не оставлял мысль о возможности присоединения к договору поляков и хотел, чтобы это отразилось и в его проекте⁵⁷. Не совсем ясна была президенту и позиция Лондона в отношении договора. Масарик просил Бенеша 2 июня дать указание Фирлингеру не форсировать решение дела. К характеристике общей обстановки следует еще добавить, что в мае с Рузвельтом встречался и Черчилль для обсуждения вопроса об открытии (точнее об оттягивании открытия) второго фронта в Европе. Очередной перенос этой акции на май 1944 года не мог не сказаться на отношениях внутри антигитлеровской коалиции, усилив их напряженность. Отрицательно это повлияло и на ход советско-чехословацких переговоров.

Англичане, узнав о готовившемся подписании во время визита Бенеша в Москву двустороннего советско-чехословацкого договора, выра-

⁵⁵ *Советско-чехословацкие отношения... С.77. О встречах и беседах Бенеша в США см. подробнее: ČSVDJ. D.1. S.469–471, 473–474, 482, 487, 489, 498–499.*

⁵⁶ *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т.4. Кн.1. М., 1981 (далее – ДМИСЧО 4-1). С.304; ČSVDJ. D.1. S.466.*

⁵⁷ *ДМИСЧО 4-1. С.315–316; ČSVDJ. D.1. S.488.*

зили открытое недовольство. Рипка уверил Николса в беседе с ним 3 июня, что речь не шла о подписании договора во время поездки Бенеша в СССР. Иден 16 июня заявил Бенешу об устном соглашении с Молотовым относительно того, что до окончания войны великие державы не будут заключать никаких договоров с малыми союзными государствами⁵⁸. 18 июня президент встретился с Богомолковым, чтобы информировать его об итогах своего визита в США и о возражениях Идена против немедленного подписания советско-чехословацкого договора. Обсуждалось и содержание документа. Бенеш показал послу подготовленный им проект, в котором идея договора с СССР увязывалась с трипарититным договором⁵⁹. Богомоллов возразил, заявив, что, по его мнению, лучше эти два вопроса разделить. Бенеш согласился и обещал переделать проект, положив в его основу факт существования советско-чехословацкого договора 1935 г., который формально не был отменен. Президент предполагал выехать в СССР после 4 июля и пробить там три недели⁶⁰.

22 июня Бенеш направил Фирлингеру телеграмму, в которой говорилось о целях его поездки в Москву. А именно: поблагодарить советское правительство за действенную помощь Чехословакии, обсудить с советским руководством вопросы, касающиеся советско-чехословацких отношений, в том числе и договора, а также различных проблем европейской политики и будущего мира⁶¹. О подписании договора не было и речи. Богомоллов, по словам Бенеша (телеграмма Фирлингеру от 28 июня), считая, что дело подписания договора касается лишь СССР и Чехословакии, рекомендовал не уступать англичанам даже ценой конфликта с ними. Таким образом, Бенеш оказался между двух великодержавных жерновов, ведущих свою политическую игру. Не желая стать «яблоком раздора» между Англией и СССР и содействовать усилению напряженности в антигитлеровской коалиции, а также опасаясь, что вина за это впоследствии может быть возложена на него, Бенеш решил повременить с подписанием договора и добиться, чтобы Лондон и Москва урегулировали этот вопрос между собой. Его позиция четко отражена в указанной телеграмме Фирлингеру от 28 июня: «Наша политика – сближать англичан и русских, а не разделять их... кроме того, послед-

⁵⁸ *ČSVDJ. D.1. S.490, 499.*

⁵⁹ *Проект договора см.: Ibid. S.494–498.*

⁶⁰ *ДМИСЧО 4-1. С.317–318; ČSVDJ. D.1. S.504–506.*

⁶¹ *ДМИСЧО 4-1. С.318–319.*

ствия всего спора англичане возложили бы на нас, а мы не настолько сильны, чтобы позволить себе это, и, наконец, мы все еще существенно зависим от Англии в вопросах наших границ, в продовольствии, сырье и финансах... спор должен быть решен согласием... если бы выяснилось, что англичане вообще хотят помешать заключению договора, мы категорически это отклоним»⁶².

Думается, что такая позиция главы небольшого государства, будущее которого зависело от степени согласованности действий великих держав, была адекватна сложившейся ситуации, вытекала из общей внешнеполитической концепции Бенеша («50 % на Запад, 50 % на Восток»), характеризовала его как реально мыслящего политика, не желавшего углубления разногласий между ведущими членами антигитлеровской коалиции. «Ситуация деликатная и требует чрезвычайно осторожных действий с нашей стороны»⁶³, – писал Бенеш Фирлингеру. Новиков, которому Фирлингер изложил «мотивы и опасения» президента, посчитал, что в таком случае лучше было бы не предпринимать поездки вообще или отложить ее: «Советское правительство приняло Вашу инициативу, и подписание пакта должно было бы быть сегодня основной целью поездки... Вести переговоры о соглашении и не подписать его – это вызвало бы неблагоприятное впечатление, и Москва не согласилась бы с подобными действиями»⁶⁴. Мнение о том, что поездку Бенеша в Москву в случае, если не будет принято решение о подписании договора, лучше отложить, высказывал и Богомолов, чрезвычайно раздосадованный сложившейся ситуацией⁶⁵.

Фирлингер, несомненно, был прав, полагая, что подписание договора могло бы «стать весьма важным событием для развития отношений в Европе»⁶⁶. По сути, это была серьезная заявка СССР на укрепление его влияния в центральноевропейском регионе. В разговоре со Смутным в конце июня 1943 г. Богомолов утверждал, что «Россия уже никогда не откажется от своей политики в Центральной Европе», что ее присутствие здесь будет «постоянным», что она хочет дружественных отношений с государствами этого региона, чтобы «держат под шахом Герма-

⁶² Там же. С.320.

⁶³ Fierlinger Z. *Op. cit. Dil II. S.128.*

⁶⁴ *Советско-чехословацкие отношения... С.93–94.*

⁶⁵ *ČSVDJ. D.1. S.510–520, 523–525.*

⁶⁶ Fierlinger Z. *Op. cit. Dil II. S.137.*

нию»⁶⁷. Скорее всего, именно эта сторона дела волновала англичан, опасавшихся усиления влияния «русских» в Европе после войны.

В июле, августе и сентябре 1943 г. создававшаяся ситуация обсуждалась внешнеполитическими ведомствами СССР (Корнейчук, Богомолов, Новиков, Майский), Великобритании (Иден, Керр) и Чехословакии (Масарик, Рипка, Фирлингер, находившийся в постоянном контакте с Бенешем). Стороны бесконечно повторяли свои доводы «за» и «против» подписания договора, однако прогресса в решении вопроса не обнаружилось. Между тем судьба договора занимала не только дипломатов, но и чехословацкую эмигрантскую общественность в Лондоне. Чаша весов в ее настроениях резко склонилась в пользу подписания договора, что в немалой степени объяснялось и успехами Красной Армии на советско-германском фронте летом 1943 г., окончательно переломившими ход Второй мировой войны. «Эта война будет выиграна на Востоке»⁶⁸, – констатировал Бенеш в сентябре 1943 г. Ясно обозначилась перспектива освобождения Чехословакии советскими войсками. 16 июля чехословацкое правительство приняло решение о скорейшем заключении договора с СССР, которое затем было поддержано и чехословацким Государственным советом⁶⁹. Бенеш не одобрял этих акций, считая, что они будут истолкованы англичанами как попытка давления на них и лишь затруднят решение вопроса⁷⁰.

Англичане, несмотря на все дипломатические усилия советской и чехословацкой сторон, продолжали упорствовать в своем отрицательном отношении к подписанию договора. Бенеш был раздражен и не скрывал этого от Николса, заявив ему 8 августа, что «своей негативной позицией они (англичане. – В.М.) сами толкают нас на Восток, и нам ничего не останется, как повернуться исключительно к России»⁷¹. Однако он считал, что следует набраться терпения и продолжать переговоры. Бенеш полагал, что, «как только будет достигнута договоренность между англичанами и русскими, все уладится само собой»⁷². 23 августа президент, по словам Богомолова, заявил ему следующее: «Если великая держава делает глупости, то 20 лет его опыта подсказывают ему, что

⁶⁷ ДНЦР. S.336.

⁶⁸ Ibid. S.378.

⁶⁹ ČSVDJ. D.2. S.36–37, 43.

⁷⁰ ДМИСЧО 4-1. С.346–349.

⁷¹ ДНЦР. S.365.

⁷² Ibid. S.374.

надо подождать, и когда эта держава начнет исправлять свою глупость, то лучше сделать вид, что не замечаешь этого». Он также спросил посла, не считает ли советское правительство возможным начать предварительные переговоры по существу договора, который он хочет подписать в сентябре. Одновременно президент представил и его проект. Богомолов согласился взять текст «только для личного ознакомления»⁷³.

Но 24 августа посол передал в Москву «перевод проекта договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией». Проект, по словам Богомолова, отличался от показанного ему Бенешем в июне: в нем не говорилось о сроке действия договора (20 лет – по аналогии с англо-советским договором 1942 г.). Кроме того, «весь договор обращен только против Германии или союзных с ней государств, но не предусматривается взаимопомощи против агрессии по отношению к СССР или Чехословакии государства, не связанного непосредственно с Германией или связанного с какой-либо иной державой»⁷⁴. Проект договора, одобренный советским правительством, был вручен Фирлингеру для передачи Бенешу 30 сентября. В него были внесены пункты, учитывавшие критические замечания Богомолова. Первое из них (о сроках) было принято чехословацкой стороной, а второе отвергнуто: Бенеш полагал, что такой пункт может быть неправильно истолкован, прежде всего, поляками. В окончательной редакции договор так и сохранил антигерманскую направленность. В протокол при подписании договора советская сторона предлагала⁷⁵ внести пункт о возможности присоединения в будущем к договору третьей стороны (имелась в виду Польша. – *В.М.*) и его превращение, таким образом, в трипартитное соглашение⁷⁶. Бенеш был доволен этим дополнением, поскольку хотя бы отчасти реализовывалась его идея трехстороннего пакта.

Англичане заверяли, что в принципе не возражают против поездки Бенеша в Советский Союз, но советовали отложить ее до совещания министров иностранных дел СССР, Великобритании и США⁷⁷. 24 сентября чехословацкое правительство подтвердило свою позицию в вопросе быстрого заключения советско-чехословацкого союзного

⁷³ *Советско-чехословацкие отношения...* С.101–102.

⁷⁴ *ДМИСЧО 4-1.* С.338–339.

⁷⁵ *Согласно Фирлингеру, по инициативе Сталина.*

⁷⁶ *Советско-чехословацкие отношения...* С.107–109.

⁷⁷ *Планировалось в Москве на вторую половину октября 1943 г.*

договора, отвечающего как интересам республики и ее быстрого восстановления после войны, так и интересам Объединенных наций, обеспечения будущего мира, особенно в Центральной Европе⁷⁸. Об этом были информированы правительства Великобритании, США и СССР. Иден раздраженно отреагировал на полученное сообщение, заявив Масарику: «Ваше правительство с ума сошло и думает лишь о договоре с Россией. У меня не только эта забота, но немало и других дел! В России мы будем говорить и по этому вопросу»⁷⁹.

Незадолго до этой встречи Николс в беседе с Рипкой снова заявил: англичане «не против идеи советско-чехословацкого договора, а против того, чтобы он был заключен сейчас, и что они хотят, чтобы договор был включен в известную общую систему»⁸⁰. Разъясняя собеседнику позицию Бенеша, Рипка отметил еще один важный довод в пользу заключения договора: «договором с Советами мы хотим также обеспечить внутреннюю независимость ...опасности коммунизма мы хотим противопоставить, с одной стороны, внешнеполитическое дружественное сотрудничество с Советским Союзом, а с другой – ликвидацию этой опасности путем привлечения коммунистов к сотрудничеству в правительстве, а тем самым и к ответственности за действия правительства»⁸¹.

Однако позиции Англии казались непреклонными. Она считала, что «договор не может быть подписан до конца войны», о чем Бенеш сообщил Фирлингеру 18 октября, т.е. уже после отъезда Идена в Москву. «Для нас важно, – писал президент, – что в настоящее время договор уже согласован, а когда он будет подписан, это можно считать при нынешнем положении совершенно второстепенным. Если, однако, будет решено подписать его немедленно, тем лучше. Однако я не хочу, чтобы ныне Чехословакия стала яблоком раздора между Англией и Россией. От этого пострадали бы все, и мы больше всех... рискуя вызвать конфликт с Англией, я не могу ехать в Россию и не могу подписывать там договор. Невозможно, чтобы мы пошли на риск прямого и острого конфликта между Чехословакией и Англией, последствия которого были

⁷⁸ ДМИСЧО 4-1. С.346–349.

⁷⁹ ДНЃР. S.381, 386.

⁸⁰ Имелась в виду система договоров с малыми странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

⁸¹ ДМИСЧО 4-1. С.355–356.

бы опасными. Мы не в таком положении, чтобы могли это сделать»⁸². Бенеш просил советскую сторону «нажать» на англичан, чтобы облегчить чехословацкому правительству возможность заключить договор с СССР. Корнейчук, к которому Фирлингер обратился с этой просьбой, хотя и считал, что вопрос касается только советского и чехословацкого правительств, все же обещал довести ее до сведения советского правительства.

Однако президент был далеко не уверен, что Москва и Лондон придут к взаимопониманию относительно договора, и страшно досадовал на тех и других. Об этом свидетельствовал, в частности, открытый и подробный разговор Смутного с Бенешем 16 октября, который изложил следующим образом оценки президента: «Поведение Советов было хуже, чем англичан... Сегодня я знаю, что для них речь шла о том, чтобы прибрать меня к своим рукам, и в этом вся мерзость. Любой ценой они хотели принудить меня, чтобы я подписал договор; они рассчитывали, что если я это сделаю, то для англичан и американцев со мной будет покончено, что я буду вести политику лишь с ними (русскими. – *В.М.*), буду зависеть лишь от них, что они будут держать меня в своих руках и делать со мной, что захотят... Это скверно хотеть со мной так играть. Поэтому они приперли меня к стене: подписать или же в Москву не ездить; они думали, что меня вынудят, поэтому и проводили нажим со всех сторон». Бенеш считает, продолжал Смутный, что «мы имели против себя Англию и Россию», что у него оправданная горечь в отношении них, так как «обе страны вели с нами нечестную игру; но Бенеш признает, что с русской стороны эта игра была гораздо более нечестной, чем с английской стороны», что русские стремятся «запутать ситуацию как можно больше, чтобы их роль не была столь очевидна»⁸³.

Подписание советско-чехословацкого договора: резонанс в мире

Так видел ситуацию Бенеш накануне конференции министров иностранных дел Великобритании, СССР и США, проходившей в Москве с 19 по 30 октября 1943 года и обсудившей мероприятия для сокращения сроков войны против Германии и ее союзников в Европе.

⁸² Там же. С.363–364.

⁸³ ДНЦР. S.394–395.

Справа налево: В.М.Молотов, переводчик, А.Иден, К.Хэлл

На своем шестом заседании (24 октября⁸⁴) конференция по просьбе Великобритании рассмотрела вопрос о соглашении между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам. За два дня до заседания, по словам Молотова, проект советско-чехословацкого договора был направлен Идену и Хэллу. Непродолжительные дебаты между Молотовым и Иденом не содержали никаких новых мотиваций и объяснений позиций сторон. Затем Иден заявил, что, ознакомившись с проектом, считает договор хорошим и не имеет возражений против него, а также против поездки Бенеша в Москву для его подписания⁸⁵.

⁸⁴ Возможно, это было простым совпадением. Но накануне (23 октября 1943 г.) Указом Президиума Верховного Совета СССР чрезвычайным и полномочным послом при правительстве Чехословакии вместо Богомолова был назначен В.З.Лебедев (Государственный архив Российской Федерации. Ф.7523. Оп.4. Д.198. Л.186). Бенеш был рад этой замене, поскольку с Богомоловым у него сложились не лучшие отношения. Президент считал (в неопубликованных беседах), что информация и оценки, передаваемые послом в Москву, в искаженном виде изображали чехословацкие позиции и не содействовали взаимопониманию сторон. Верительные грамоты Лебедев вручил Бенешу в Лондоне 18 января 1944 г. В выступлении президента отмечалось, что он «охотно и с признательностью» вспоминает об «эффективном и успешном сотрудничестве» с Богомоловым (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т.4. Кн.2. М., 1983. С.46–47).

⁸⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Т.1. М., 1978. С.168–171.

Это и было зафиксировано в секретном протоколе Московской конференции от 1 ноября 1943 года⁸⁶. Вечером 25 октября Корнейчук сообщил Фирлингеру о принятых решениях, а на следующий день временный поверенный СССР при союзных правительствах в Лондоне П.Д.Орлов официально уведомил об этом Бенеша и передал ему пожелание советского правительства «как можно скорее посетить Москву и подписать договор»⁸⁷. Бенеш сказал, что это и его желание. «Так будем паковать чемоданы, – сказал он с веселой усмешкой своему секретарю Э.Таборскому. – Я был уверен, что англичане, в конце концов, образумятся»⁸⁸.

В Москву Бенеш прибыл утром 11 декабря. На вокзале его ожидала пышная встреча. Как нигде на Западе, президенту Чехословакии были оказаны все почести, которые полагались первым лицам государства в подобных случаях. В 10 часов утра на Курском вокзале Бенеша встречали 16 человек (государственные, партийные, военные деятели) во главе с Молотовым. Президента и сопровождавших его лиц разместили в особняке в Островском переулке, д. 8. Уже в 14 часов того же дня Бенеша и Фирлингера принял председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калинин. После официального приема Калинин устроил в Кремле банкет в честь Бенеша, на котором присутствовал и Сталин. Подробные и эмоционально окрашенные заметки о вечере, сделанные Смутным, ныне опубликованы и переведены на русский язык⁸⁹. Вот как описаны его впечатления о советском лидере: «Сталин как личность и внешне вызывал впечатление силы и одновременно большой гибкости. Невысокий фигурой, немного сгорбленный, с седыми волосами, седыми усами. Он казался сильно уставшим, постаревшим. Взгляд как будто безучастный, но острый. Одет в бежевый маршальский мундир со звездой Героя Советского Союза⁹⁰. Президент Калинин был им полностью оттеснен на задний план. Рядом со Сталиным в постоянной близости держался маршал Ворошилов. Банкет был роскошный по сравнению с условиями, к которым мы привыкли в Лондоне во время войны, с меню из 16 блюд».

⁸⁶ Советско-чехословацкие отношения... С.128.

⁸⁷ ДМИСЧО 4-1. С.377–378.

⁸⁸ ČSVDJ. D.2. S.99 (сноска в к док. №48).

⁸⁹ См.: Переговоры Э.Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) / Вступительная статья В.В.Марьиной // Вопросы истории. 2001. №1. С.12–15.

⁹⁰ Так в документе. Правильно: Героя Социалистического Труда.

После ужина президент и Фирлингер примерно час обсуждали с советскими руководителями⁹¹ вопросы, которые затем стали предметом официальных переговоров. Потом все перешли в зал для просмотра кинофильмов, показ продолжался до утра. Перед уходом Сталин спросил у Молотова, какова программа Бенеша на воскресенье 12 декабря. Молотов, согласно Смутному, ответил, что никакой и что в понедельник или во вторник будет подписан совместный договор. Сталин сказал: «А почему не завтра?»⁹² «Вопрос Сталина, – по словам Смутного, – выглядел как приказ, и так была определена дата подписания договора 12 декабря».

Подписание состоялось вечером в рабочем кабинете Молотова в Кремле. Свои подписи под документом поставили В.М.Молотов (по уполномочию Президиума Верховного Совета СССР) и З.Фирлингер (по уполномочию Президента Чехословацкой республики). Договор о взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве опирался на советско-чехословацкий договор (от 16 мая 1935 г.) и межправительственное Соглашение (от 18 июля 1941 г.).

Стороны обязывались:

- оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против Германии и связанных с ней государств;
- без взаимного согласия не вступать в переговоры, не заключать перемирия или мирного договора с Германией и ее союзниками;
- в случае возобновления после войны Германией политики «Дранг нах Остен» оказывать друг другу военную и другую помощь;
- осуществлять тесное и дружественное сотрудничество после восстановления мира, действуя «в соответствии с принципами: взаимного уважения к их независимости и суверенитету, равно как и невмешательства во внутренние дела другого государства»;
- развивать «в возможно более широких масштабах свои экономические отношения и оказывать друг другу всяческую возможную экономическую помощь после войны»;
- «не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции», направленной против одной из сторон.

Договор, заключенный на 20 лет, вступал в силу немедленно и подлежал ратификации в возможно короткий срок. В Протоколе к Договору значилось: если к нему «пожелает присоединиться какая либо третья

⁹¹ Сталин, Калинин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Корнейчук.

⁹² Утром 12 декабря точнее было бы спросить: «А почему не сегодня?»

страна, граничащая с Союзом ССР или Чехословацкой республикой и представляющая в этой войне объект германской агрессии», последней будет дана возможность по обоюдному согласию сторон «подписать этот договор, который, таким образом, приобретает качество трипартитного договора»⁹³. Бенеш был доволен: договор отвечал всем его изначальным намерениям, т.е. имел антигерманскую направленность и при благоприятных условиях мог быть превращен в трехсторонний.

Церемония подписания договора, согласно описанию Смутного, выглядела так: «Это был просторный зал, современно и со вкусом обставленный мебелью из русской (вероятно, карельской. – *В.М.*) березы; его стены были обиты тем же деревом. На стене – большой щит с картами мира и военных фронтов. Президент Калинин прочитал свое короткое выступление, склонившись к настольной лампе, чтобы при своей близости мог вообще его прочитать. Д-р Бенеш кратко ответил. Оба выступления дружественные, в духе подписанного договора. Сталин присутствовал, но сначала не хотел, чтобы его имя упоминалось в коммюнике, но согласился, когда Бенеш об этом попросил. Он (Сталин. – *В.М.*) настаивал затем, чтобы в сообщении было упомянуто, что договор был подписан в Кремле. После подписания было принесено вино. Сталин отказался пить у стола, на котором был подписан договор, и все должны были перейти к столу, на котором были подготовлены закуски. Я вообще заметил, что Сталин очень внимателен к мелочам. Напомнил, например, чтобы в сообщении не была забыта дата. Одет он был в другой мундир, чем в предыдущий день: из материала желто-зеленого цвета (хаки. – *В.М.*) свободного покроя, напоминающего военный мундир. Хочет, чтобы все происходило непринужденно, просто. Калинина выдвигает всегда вперед как главу государства. Но ясно, что все рассчитано на эффект. Тосты произносились по русскому обычаю за новую и старую дружбу, за договор и т.д. Весь акт записан на киноленту, включая то, что говорилось. Все продолжалось три четверти часа... Атмосфера при подписании весьма сердечная»⁹⁴.

Дважды, 14 и 16 декабря, Бенеш встречался с Молотовым для обсуждения конкретных вопросов сотрудничества как в сфере двусторонних, так и международных отношений. Сегодня известны и советские, и чехословацкие записи этих бесед. Первые, более короткие и четче оформленные, сделаны новым советским послом при чехословацком

⁹³ ДМИСЧО 4-1. С.394–396.

⁹⁴ ČSVDJ. D.2. S.132.

правительстве В.З.Лебедевым; вторые, более пространные и схожие со стенограммой, – начальником канцелярии президента Я.Смутным⁹⁵.

Результаты переговоров Бенеша в Москве превзошли все его ожидания. Он находился в состоянии, близком к эйфории. «Можно сказать, что я сам не ожидал, что мы все продвинемся так далеко, что вопросы будут поставлены так ясно, так решительно, на основе такой сердечности и гармоничного сотрудничества в отношении будущего», – сообщал он 18 декабря в Лондон. Бенеш был очарован оказанным ему приемом и почестями, любезностью и вниманием первых лиц советского государства. Их заявления о послевоенном мирном урегулировании в основном совпадали с его собственными взглядами. Будущее страны Советов представлялось Бенешу в «розовых тонах». «Прогресс в идейном развитии по сравнению с 1935 годом огромный, подлинный и необратимый», – телеграфировал он в Лондон 18 декабря⁹⁶.

21 декабря Бенеш обратился по московскому радио к своим согражданам в оккупированной стране с разъяснениями, касавшимися сути договора и политики после освобождения. Он подчеркнул, что новый союзный договор, исходящий из договора 1935 г., рассматривается в контексте и духе «всей нашей национальной истории последних столетий». «Советский Союз, – сказал Бенеш, – искренне желает сильной Чехословацкой республики, консолидированной, как можно более однородной в национальном смысле, которая была бы действительно хорошим и сильным другом и сотрудником советских народов в будущей защите длительного европейского мира». Президент отметил дружественный и братский прием, оказанный ему в Москве, и заявил: «Для меня лично – это один из прекраснейших моментов моей политической деятельности и моей политической жизни»⁹⁷.

Советско-чехословацкий договор, немедленно одобренный Президиумом Верховного Совета СССР и президентом ЧСР, был ратифицирован, и 22 декабря в 20 часов в Кремле состоялся обмен ратификационными грамотами. Затем последовал банкет, на котором «хозяйном» был уже Сталин. Согласно записи Таборского: «Президент в заключенные ужина произнес короткую благодарственную речь, на что Сталин

⁹⁵ АВП РФ. Ф.06. Оп.5. П.33. Д.401. Л.1–7, 11–19. – *Записи бесед Смутного в переводе на русский язык см.: Переговоры Э.Бенеша в Москве... // Вопросы истории. 2001. №1. С.20–28; №3. С.3–14.*

⁹⁶ ČSVDJ. D.2. S.173.

⁹⁷ АВП РФ. Ф.138. Оп.24. П.37. Д.5. Л.31 а–35.

ответил заявлением о необходимости славянского сотрудничества после войны. Он сказал, что до сих пор немцам удавалось разделять славян, сотрудничая с одной частью славян против других, а затем – наоборот. Ныне же все славяне должны объединиться. И произнес тост за всех славян и, как он (Сталин. – *В.М.*) буквально подчеркнул, за тех, которые пока воюют на другой стороне, вместе с немцами»⁹⁸.

22 декабря в 10 часов утра поездом на Баку Бенеш отбыл из Москвы. На вокзале – те же, кто встречал его, во главе с Молотовым; гимны, обход почетного караула, короткая речь президента. Президент уезжал из Москвы в прекрасном настроении и с убежденностью в правильности своих политических расчетов. Для Бенеша заключение договора с СССР означало не только начало реализации его концепции роли Чехословакии как «моста между Западом и Востоком», но гарантию от повторения Мюнхена. Кроме того, он полагал, что закрепленный в договоре принцип невмешательства во внутренние дела друг друга снимет реально обозначившуюся в условиях быстрого приближения Красной Армии к довоенным западным границам СССР угрозу «советизации» и «большевизации» возрожденной ЧСР, поможет с помощью намечаемых им в союзе с коммунистами глубоких социально-экономических преобразований предотвратить социальную революцию в освобожденной стране. Бенешу, в целом достаточно трезво мыслящему политику, был в то же время свойствен определенный налет романтизма и идеализации, вера в возможность «честной политики» и исполнение данного (и особенно закрепленного в договоре) слова, обещания. Он верил, как и многие тогда на Западе, в перспективу демократизации общественного строя СССР после войны в результате развития контактов и сотрудничества между Востоком и Западом.

Советский Союз, заключив договор с Чехословакией, сделал первую серьезную заявку на укрепление своих позиций в центрально-европейском регионе. Кремль считал договор важным политическим событием, документально подтверждавшим намерения Москвы не вмешиваться после войны во внутренние дела малых европейских стран и опровергавшим утверждение гитлеровской пропаганды о стремлении СССР «большевизировать» Европу и установить в ней свое господство.

Мировая, и особенно английская, общественность с вниманием и интересом следила за визитом Бенеша в Москву, осознавая важность его результатов для послевоенного развития, прежде всего в Европе.

⁹⁸ *ČSVDJ. D.2. S.190–191.*

Мнения были разные, как и оценки договора, часто диаметрально противоположные. Именно поэтому на обратном пути из Москвы в Лондон, пролежавшем через Алжир, Бенеш поспешил встретиться с находившимся там Черчиллем, чтобы проинформировать его о результатах визита в СССР. 11 января Бенеш сообщил Фирлингеру о беседах с британским премьером: «Я информировал его о своих московских разговорах и передал поздравления от Сталина. Он был этим весьма искренне обрадован и повторял не только мне, но позднее также и Лебедеву, как дорожит дружбой Сталина, и так же, как Сталин, Черчилль желает, чтобы сотрудничество между Великобританией, СССР и Соединенными Штатами пережило войну и обеспечило миру мир. Черчилль полностью согласен во всем с взглядами Сталина относительно польского вопроса, вопроса о границах между Германией, Польшей и СССР и наших дел. Подчеркивал мне, что полностью понимал и признает необходимость общей чехословацко-советской границы, полного трансфера немцев из Республики и высоко оценивал значение чехословацко-русского договора»⁹⁹.

И Сталин, и Черчилль, и Бенеш были опытными дипломатами, прекрасно владевшими искусством ведения политической игры и знавшими, что, где, когда и кому следует говорить, чтобы слова, нередко камуфлирующие истинные чувства и взгляды, дошли до адресата и помогли в достижении поставленных целей. Советская и чехословацкая стороны искренне, а английское политическое руководство, по крайней мере, на словах выражали удовлетворение подписанием советско-чехословацкого договора и результатами поездки Бенеша в Москву. Весной 1944 г. Красная Армия стремительно приближалась к довоенным границам Чехословакии. В советско-чехословацких отношениях наступал новый этап – этап претворения в жизнь достигнутых договоренностей. И здесь Бенеша ждали не только радости дружбы с Москвой, но и первые разочарования.

⁹⁹ *Ibid.* S.196–197.

РОССИЯ В МИРЕ

Возможно, в этом мире
ты всего лишь человек,
но для кого-то
ты - весь мир.

Габриель Гарсия Маркес

РОССИЯ XXI 04. 2008

Вечность есть
образ,
созданный
из времени.

Хорхе Луис Борхес

Марк Лапицкий

**ИЗ ДНЕВНИКА
ДИЛЕТАНТА-
ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

**ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:
НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ,
В ТОМ ЧИСЛЕ ИМЕЮЩИЕ
ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ**

РОССИЯ В МИРЕ

The basis of these notes is a diary written in different years during travels across Latin American countries, even though the word 'diary' can be applied to these notes in a very tentative sense. In this particular case notes are supplemented by various reminiscences that have emerged after travels as well as by judgments derived from miscellaneous sources that attracted the author's attention. The focus of these notes occupies discourse on what Latin America and Russia have in common.

Мы – это весь род людской в сжатом виде.
Симон Боливар
о странах Латинской Америки

Основу этих заметок составляют дневники, писавшиеся в разные годы во время путешествий по Латинской Америке, хотя слово «дневник» к ним можно применить весьма условно, так как оно обычно констатирует, что в тексте содержится определенная корреляция между датой записи и датой события, описанного в ней. В данном случае дневниковые записи дополнены различного рода воспоминаниями, всплывавшими после путешествия¹, а также некоторыми суждениями, почерпнутыми из различного рода заинтересовавших автора источников.

Таким образом, получился опус, который с полным основанием можно отнести к категории «безответственных заметок», представляющих собой нечто среднее между дневниками, записными книжками и публицистикой. «Безответственные» они вовсе не потому, что автор снимает с себя ответственность за написанное, а потому, что опус каким-то непонятным образом получился жанрово «отвязанным». Причиной этому, возможно, стал авторский отказ от следования хронологии, что вольно или невольно привело к смешению истории и современности, перескакиванию с темы на тему, чему способствовали ассоциации, буквально роившиеся в голове автора во время путешествий.

Я сознательно пишу фрагментарно, так мне легче выразить то, о чем я хочу рассказать. Фрагмент представляется мне более естественным, нежели поток. Вся наша жизнь состоит из отдельных эпизодов, обрывков, лоскутов. Представление о жизни как о едином потоке искажает ее истинную картину. Писатели стараются искусственно соединять фрагменты вымышленными мостками. Я же не умею «сочинять» такие мостки.

Рассуждения о нашем общем Находить то неуловимое, что роднит и отличает «их» от «нас» – увлекательное занятие, которым автор этих заметок любил предаваться во время своих путешествий. Похоже, что со временем этих отличий будет становиться все меньше и меньше, что там говорить, – глобализация.

Но в перуанском Куско, бывшей столице некогда могущественной Инкской империи, мне хорошо думалось о том, что сближает Россию с

¹ Такое бывает очень часто: увиденное краем глаза и не обратившее на себя внимание по горячим следам вдруг после путешествия становится зримым и обретает как реальные, так и не вполне реальные очертания.

Латинской Америкой. Тихая, уютная гостиница располагала к размышлениям. Здесь вдруг я кожей почувствовал некое родство Латинской Америки с моей родной страной.

Латинская Америка – вообще по большей части «неопределившееся пространство» между Востоком и Западом. Но, пожалуй, у нее больше общего с Востоком, тем более с Россией. И главное в этой общности то, что латиноамериканская и российская культуры «пограничного» типа. Их «пограничность» определяет особое соотношение единства и многообразия. Естественно, все культуры в той или иной степени неоднородны, состоят из множества различных элементов, однако соотношение единства и многообразия в «пограничных» культурах коренным образом отличается от классических культур Востока и Запада. И если попытаться лаконично определить эти отличия, то приходишь к выводу, что специфику «пограничных» культур России и Латинской Америки составляет многообразие, которое явно преобладает над единством, в большей степени характерным для восточных и западных культур.

В Латинской Америке история решительно вытесняется географией. Причем первая даже не оказывает сколько-нибудь серьезного сопротивления. Ведь нечто подобное наблюдается и в России.

Мысли скачут от Латинской Америки к России и от России к Латинской Америке. Любопытно. Начинаю отмечать, что родственного между ними, далекими, почти как Луна и Земля.

Получился такой, далеко не полный набор общего:

1. Традиционные ценности, тянущие страны назад, препятствующие их развитию (я не ставлю знак «плюс» или «минус», определяя прогресс, я просто констатирую). У нас – православие византийского варианта, у них – иберийское наследие с католической нетерпимостью.

2. Язычество и христианство обоих народов находятся в неразрывной связи. Подобно индейцам, мы, россияне, несмотря на принятие христианства на Руси в 988 году, продолжаем хранить многие элементы собственного язычества. Может показаться на первый взгляд, что эта упорная верность прошлому – пример деградации, однако, как показывает опыт народов Латинской Америки, в этом нежелании расставаться с традициями содержится немаловажный элемент спасения. В условиях усиливающегося всестороннего процесса глобализации этот подчас странный, даже вычурный сплав христианства и древних верований помогает сохранять собственную идентичность и надежду на наступление новой эпохи терпимости и плюрализма.

ИЗ ДНЕВНИКА ДИЛЕТАНТА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА

3. Ментальность, слабо признающая законность и демократические ценности. Об отношении к закону во многих латиноамериканских странах красноречиво свидетельствует, например, бразильская поговорка: «Моим друзьям всё, кроме закона, а закон – моим врагам». Ничего не напоминает?

«Роза ветров»

Латиноамериканцы похожи на русских тем, что им частенько приходится прибегать к тому, что бразильцы называют *жейто*, то есть изворачиваться, выкручиваться, ловчить, избегать законы. *Жейто* для бразильцев стало чем-то вроде кодекса поведения. О причинах укорененности *жейто* можно долго писать, да стоит ли? Нашему читателю они хорошо известны.

4. Гипертрофированная централизация при нежелании и невозможности реального местного самоуправления.

5. Лояльность и у них, и у нас редко выходит за рамки узкого круга родственников и знакомых.

6. Извечные воровство и поголовная коррупция чиновничества.

7. Коррупцированность не только снизу, но и сверху, включая армию и полицию.

8. Традиция вождизма. Склонность к авторитаризму и тоталитаризму.

Как и в России, на юге американского континента эта черта имеет давние традиции; она уходит своими корнями чуть ли не в древнейшие государства майя, инков, ацтеков и других индейских племен, которые, как известно, были тоталитарными в наивысшей степени. Буквально любое действие простого человека здесь было регламентировано. Несчастный индеец (впрочем, может быть, он вовсе и не ощущал себя несчастным) был опутан целым рядом обязательств, невыполнение многих из них каралось смертью. Например, у инков даже супружество вменялось в обязанность. Уклониться от него было невозможно. Империя, по сути, была фабрикой по производству людей – нечто напоминающее древний социализм.

Верховный Инка, или ацтекский правитель, этакий индейский Сталин, проявлял отцовскую заботу обо всех и каждом в своем отечестве: о детях, стариках, инвалидах, ритуализировав каждый шаг простого человека, которому не надо было ломать голову над решением каких бы то ни было проблем. Он жил бездумным и безропотным человеком. В стране царил четкий, отлаженный, как часовой механизм, порядок, не допускавший, конечно, и тени возражения, непокорности, оппозиции. Атмосферу, царившую в инкской империи, один историк выразил так: «Гнетущая монотонность и всеподавляющая печаль». Похоже, то же можно было бы сказать и об ацтеках.

Немудрено, что такая система породила человека послушного, податливого, приниженного. Как и в былые времена, современные потомки майя, инков и ацтеков и поныне напоминают затерявшуюся в стаде ламу, неукоснительно следующую за своим пастухом.

Современные латиноамериканские диктаторы и полудиктаторы любят повторять, что их народы особенные и еще не готовы к принятию демократии по европейскому и североамериканскому образцу: «Демократия это, конечно, хорошо, но не для нас, – часто говорят они. – Вот когда наш народ до нее дорастет, тогда, конечно же, ему она (демократия) будет с удовольствием предоставлена. Пока же для этого народа лучший способ правления – диктатура. Только так в нашей стране можно обеспечить закон, порядок и экономическое процветание».

9. Слабое знание своей собственной истории.

История, как это водится в авторитарных и тоталитарных государствах, с давних времен была поставлена в Латинской Америке на службу правителю. У майя, например, был обычай (не лишенный некоторого резона, но лишь в утопическом справедливом государстве): историков, искажающих факты, просто-напросто предавали смерти. Возможно, этот обычай был бы неплохим, если бы вожди адекватно воспринимали факты такими, какие они есть. Как и большинство правителей всех времен и народов, вожди майя признавали непреложность лишь тех фактов, которые их устраивали. Впрочем, в таких случаях факты бывают вовсе ни при чем.

Нечто подобное существовало и у инков. Как можно знать подлинную историю людей, населявших эту горную часть страны! Испанцы постарались уничтожить все, что было в их силах. Кроме того, цензура самих инков еще во времена существования их империи была поизощренней советской. После смерти каждого правителя собирался совет знатных людей и ученых-историков, некогда назначенных покойным правителем при восшествии на престол. Вся эта компания определяла, какие события, произошедшие во время правления усопшего, необходимо сохранять для потомства, а какие следует забыть. Естественно, все, что представлялось правителю славным, победоносным, возвышенным, оставлялось, а все позорное, унижительное, порочащее властелина перечеркивалось и предавалось забвению. Думаю, что господа историки частенько не гнушались позорное превращать в возвышенное. Почему бы и нет?! Такое делалось и не только в те далекие времена, и не только в Латинской Америке. После этого верь правителям и их историкам! Об этом я часто думал, внимая рассказам гидов, вдохновенно прославлявших величественную историю Инкского государства.

10. Бесконечное приготовление к будущему.

Путешествуя по Латинской Америке и знакомясь с прошлым и настоящим ее народов, невольно приходишь к выводу, что в их истории (как и в истории России) трудно найти такие времена, когда прошлое и настоящее не было бы лишь приготовлением к будущему. К будущему, которое так и не наступает.

11. Большая часть денег находится на руках не подлинных предпринимателей, стремящихся внедрить новое, а спекулянтов, предпочитающих вкладывать средства в недвижимость и заботящихся лишь об увеличении своих личных доходов за счет общества. Они скорее похожи не

на современных капиталистов, а на вроде бы ушедших в прошлое феодалов.

12. Значительная часть интеллигенции и в России, и в большинстве стран Латинской Америки придерживается антизападной, антиамериканской, антирыночной ориентации. Множество высших учебных заведений и здесь, и там остается прибежищем архаичных представлений об обществе и экономике, рассадником бесконечно устаревших идей.

13. Как в России, так и во многих латиноамериканских странах остается сильным влияние воинствующих, р-р-революционно левых.

14. Латинская Америка и Россия принадлежат к одной деловой культуре, для которой характерны: общительность, словоохотливость, любопытство, пассивность, инертность, нетерпеливость, нетерпимость, максимализм, отсутствие рационального, прагматичного, пунктуального, скрупулезного и т.д.

Список можно было бы продолжать и продолжать, так же как конкретизировать отмеченные пункты.

«Как здесь относятся к России?» – вопрос, который вечно волнует нашего человека за границей. Кроме ответа: «Да никак», ничего не могу подобрать. Что-то когда-то где-то слышали, но ничего толком сказать не могут. «Россия – это не Латинская Америка», – убежденно произнес молодой человек, почесывая затылок. «Россия, Россия.... Это там, где снег и морозы», – проявил осведомленность другой юноша и, как видно, был весьма доволен своими познаниями. У «совсем эрудированных» людей Россия ассоциировалась с водкой и Горбачевым.

Остались еще, конечно, те, кого называют «симпатизантами», среди пожилых граждан, некогда бредивших первой страной социализма, но такие мне не встретились ни в Бразилии, ни в Аргентине, ни где бы то ни было в Латинской Америке.

Край иллюзий и реальности

Хорошо это или плохо – иметь историю? Те, кто ее имеет, «законно гордятся» этим, те, кто не имеет, видят в этом свои преимущества. «Любой народ должен был бы стыдиться, что имеет историю», – озадачивает своей сентенцией французский писатель и художник Анри Мишо. И добавляет: «Они (народы) должны видеть свою историю в будущем». Не знаю, прав писатель или не прав², но, так или

² Думаю, что не совсем, потому что можно иметь историю и одновременно иметь и будущее.

ИЗ ДНЕВНИКА ДИЛЕТАНТА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА

иначе, есть страны³, у которых, можно предполагать, все еще впереди; они и сильны тем, что их история в будущем. История, впрочем, по большей части, – штука выдуманная. В ее создании, как уже отмечалось, принимают участие вместе с властью историки, живописцы, писатели, композиторы.

Петроглиф «Канделябр» в Параксе (Перу)

Время было и, конечно, остается одной из важнейших категорий культуры. Поразительно трепетное отношение к нему народов древней Америки, особенно индейцев майя. Время для майя было величайшим таинством, доминировавшим в их представлениях абсолютно обо всем на свете, причем самым беспрецедентным образом. Каждый свой шаг они сверяли с положением небесных тел. Календарь, который, в конечном счете, есть метод классификации времени по дням, неделям, месяцам, годам, столетиям, стал для них чем-то вроде религии и философии. Считают, что календарь майя был даже точнее нашего, современного. Майя наполняли его смыслом, известным только им одним. Мысли Ганса Касторпа из романа Томаса Манна «Волшебная гора», созерцавшего бег времени с вершины, наверняка нашли бы отклик у майя – ведь ни один народ в истории человечества не делал из Времени такого куль-

³ *Бразилия и некоторые другие государства Южной и Северной Америки среди них.*

та. Время, полагали они, не имеет начала, вечность – лишь непрекращающееся мгновение.

Жрецы вещали от лица самого Времени. Из нашего XXI века кажется, что майя находились в рабстве у Чисел и Дат. Ведь одна из гипотез, почему майя вдруг неожиданно-негаданно покинули города, строится на предположении, что это произошло не по какой-то причине внешнего порядка, а в результате неких загадочных велений Календаря, о которых майя поведали жрецы.

Майя были математиками от рождения. Они верили, что все на свете сводится к числам (привет от Пифагора!). Именно одному из самых любимых своих божеств Кетцалькоатлю (Пернатый Змей) майя приписывали изобретение календаря, предсказавшего точную дату Судного дня. Кстати, дата эта неумолимо приближается (2020 г.).

Сейчас же создается впечатление, что американская цивилизация лишена временного измерения в той степени, которая характерна для европейской, тем более индийской или китайской, цивилизации. Здесь все сравнительно ново, все кажется временным, неосновательным. Очевидно, имея в виду эту хрупкость, Леви-Стросс подметил: «Некоторые города Европы умирают в безмятежном сне; города Нового Света (исследователь пишет о двух Америках – Северной и Южной. – *М.Л.*) живут в лихорадке хронической болезни; они вечно молоды и всегда больны». Сказано образно, но, как мне кажется, не совсем точно, потому что болезни Старого и Нового Света разного свойства.

Культ майя использовал всевозможные приемы контроля над народом. Как в любом теократическом государстве, астрономия, математика и другие науки были крепко связаны с религией.

До путешествий в Латинскую Америку у меня был мысленный образ континента, что же касается стран, составляющих этот континент, то они сливались в нечто единое. И не то чтобы эти страны представлялись мне на одно лицо, – выражение их лиц было невнятным, маловыразительным. Аргентина, Бразилия, Чили, Перу... Как не похожи они друг на друга, как различна их природа, фауна, флора, лица и характеры людей! Теперь после путешествий различия между ними кажутся мне гораздо более существенными, чем, например, между европейскими странами.

Буквально на любой мало-мальски существенный вопрос, связанный с историей Латинской Америки, нет однозначного ответа. Ответов множество и каждый из них (в большей или меньшей степени) имеет право на существование. Нельзя не согласиться с гипотезой некоторых исследователей, полагающих, что если бы в эпоху Великих географических

открытий Южная Америка оказалась в колонизаторских руках Англии, а не Испании и Португалии, то она получила бы весьма вероятный шанс идти по стопам своего мощного индустриального северного соседа. Мексиканский писатель Октавио Пас разъяснял контраст между двумя Америками следующим образом: «Одна, англоязычная Америка, стала дочерью традиции, положившей начало современному миру – Реформации со всеми ее социальными и политическими последствиями, а также демократии и социализму. Другая, испано- и португалоязычная Америка – дитя вселенской католической монархии и Контрреформации».

В Южной Америке факты – ничто, во всяком случае, они менее значимы, чем на севере континента или в Европе. Уругвайский писатель Хуан Карлос Онетти выразил свое отношение к фактам так: «Сами по себе факты пусты, они – сосуды, принимающие форму тех чувств, что их наполняют».

И все же всего один факт. От исконного (выражаясь по-научному – автохтонного) населения Латинской Америки осталось всего ничего. К 1560 году почти 95% ее населения было уничтожено.

Похоже, большинство народов Латинской Америки еще привязаны к XIX веку, просто еще не добрались до XX, тем более до XXI. Мне часто кажется, что это не так уж плохо.

Этот континент открыли люди, алчность которых уже не мог удовлетворить их собственный мир. Алчность Старого Света они бережно перенесли и жестоко утвердили в Новом Свете.

Симона Боливара можно с полным правом назвать Наполеоном Латинской Америки. Бонапарт оказал ему неоценимую помощь, расчистив дорогу к освобождению континента на полях европейских сражений. Как и его французский современник, Боливар собрал под свои знамена тысячи и тысячи сторонников борьбы за свободу, затем, ссылаясь на сложную внутреннюю и международную обстановку, требующую «особого сплочения», стал подлинным диктатором. Такую эволюцию, как известно, претерпели далеко не только Наполеон и Боливар.

Видимо, трудно отказаться от великого соблазна всевластия и славы. Борьба за свободу в Латинской Америке завершилась принятием конституции, узаконившей пожизненное президентство Боливара и его право назначать преемника. Как водится, нашлось и веское оправдание диктатуре – угроза революционным завоеваниям. (И мы ведь это тоже проходили.) Освободитель, таким образом, заменил собой завоевателей. Немудрено, что Боливар, как и Наполеон, в конце концов, потерпел фиаско.

Ценой победы национально-освободительных движений (у нас много лет принято было писать только о положительных результатах этих движений) стали разруха, упадок хозяйства, снижение производства, сокращение населения, финансовый кризис. Намечавшаяся хозяйственная общность латиноамериканских стран в результате всего этого была нарушена (или вовсе разрушена), более того, произошло разъединение, обособление народов.

Здесь, в Южной Америке, день и ночь поменялись местами. Местами поменялись и некоторые представления.

Перевернулись местами в здешних краях и земля с небом. Европейская природа имеет более или менее очерченные формы в окружении рассеянного света. В Латинской Америке земля сохраняет первобытную аморфность, напоминая небесный свод, а на небе сосредоточиваются форма и объем; что же касается облаков, то они напоминают земное строение.

Грандиозность Америки ощущаем даже мы, приезжие из России, – уж нас-то масштабами не удивишь. Но американские масштабы иного, что ли, рода, человек и многое неодушевленное здесь отличаются несообразностью, так что отыскать для них общую меру не представляется возможным; в Америке иные измерения, соотношения между крайностями. Эта несообразность поражала во времена Колумба, продолжает поражать и сейчас.

Новый Свет от Старого имеет множество других отличий, но первое, на что обращаешь внимание, – запах. Это аромат перца, каких-то неведомых фруктовых плодов, перепревшего табака, пряностей. В Европе иные ароматы, более поддельные.

В Латинской Америке произошло грандиозное смешение рас и народов. Может быть, поэтому кажется, что здесь меньше расизма и национализма (в Бразилии или Аргентине уж во всяком случае), чем в старушке Европе. Видимо, такое впечатление – от незнания местных проблем. Аргентинский писатель Хулио Кортасар полагал, что и в Новом Свете расизма и ксенофобии предостаточно, причем из-за недостаточного смешения рас на континенте. «Если бы смешение рас было более интенсивным, – писал он, – мы бы с большим успехом избежали национализма и ложного патриотизма, которые так абсурдны и нелепы».

Выдающийся африканский поэт и философ Леопольд Сенгор считал, что Всевышний создал белую, черную и желтую расы в соответствии с тремя свойствами человеческой психики: рациональность, эмоции и

интуиция. Белые рациональны, черные эмоциональны, а желтые сильны по части интуиции.

Речь, конечно, не идет о том, что каждой из этих рас присуща указанная черта в чистом виде. Сенгор имеет в виду нечто типическое. При таком понимании в его суждении просматривается значительная доля истины на примере хотя бы народов двух соседних стран: Бразилии и Аргентины. Аргентинцы, белые в подавляющем большинстве, кажутся гораздо более рациональными, чем черные бразильцы.

Здесь любят говорить о политике, ругать порядки, ругать правительство. Как везде. Но, похоже, Чили – наиболее политизированная страна на континенте среди тех, в которых мне довелось побывать; думаю, что и те страны, где я не был, не могут составить в этом отношении чилийцам мало-мальски достойной конкуренции. Люди здесь охотно говорят на политические темы; для них двадцати–тридцатилетнее прошлое продолжает и сегодня оставаться более или менее злободневным. И Сальвадор Альенде, и Пиночет до сих пор остаются политическими фигурами, вокруг которых продолжают кипеть нешуточные страсти, то и дело возникают споры и дискуссии с разной степенью накала. Отношение к ним во многом определяют политические позиции простых людей в наши дни. У некоторых я заметил неизбывную жалость по поводу трагической судьбы Альенде, у иных (их, похоже, гораздо больше) – тоску по «сильной руке» Пиночета, при котором были «закон и порядок». В общем, очень похоже на нас.

В Чили иногда создавалось впечатление, что приехал в страну победившего социализма. И грязно, и убого, и заброшенно, и общий тусклый вид. Серые хаотические постройки. Повсюду знакомая бесхозяйственность, родная обшарпанность, небрежность. Угрюмые, закрытые, малообщительные люди. Неухоженные старики. Мало детей. Туалеты не намного лучше наших. Впечатление, что нечто давит на города и его обитателей. Можно подумать, что время диктатуры еще не прошло или закончилось только вчера. И бедности, кажется, больше, чем, по крайней мере, в Аргентине, откуда только что приехали, хотя статистика свидетельствует о том, что в Чили более высокий уровень жизни, нежели в других странах Южной Америки.

Вальпараисо – город Пиночета. В бытность свою у руля правления он распорядился перенести сюда парламент из столицы. Так и курсируют каждый день на вертолетах члены парламента из одного города в другой за 150 километров. Живут в Сантьяго, а работают в Вальпараисо. Бывшего диктатора уже нет, а люди продолжают мучиться. Может

быть, теперь после смерти диктатора парламент вновь окажется в Сантьяго.

В Латинской Америке в ходу здоровая, нехитрая философия, которую можно выразить так: выпейте чашечку кофе, выкурите сигару и займитесь сексом, и тогда столетие вам гарантировано. Все это, конечно, при условии, что вы живете в Латинской Америке. Местные жители утверждают, что ни первое, ни второе, ни тем более третье здоровью повредить никак не может, а, наоборот, способствует его укреплению.

Часто вспоминаю давно полюбившиеся строчки колумбийского поэта Луиса Карлоса Лопеса:

*Карибский рай, –
Ведь это детский лепет.
Здесь книг не пишут и скульптур не лепят.
Зато едят баранину и рис.*

Думаю, такой «карибский рай» царит во многих латиноамериканских странах, даже тех, которые не выходят к Карибскому морю.

И, несмотря на жару и лень, здесь много говорят. Для нас «молчание – золото», для латиноамериканцев «молчание – могила».

Все здесь располагает к лени. О лени латиноамериканцев пишет едва ли не каждый из русских мореплавателей, посетивших эти края в XVIII–XIX веках. А в это время здесь побывали и Крузенштерн с Лисянским, и Головин, и Беллинсгаузен, и Лазарев, и Литке, и Ратманов, и многие другие славные флотоводцы.

«На мягком изголовье своей первобытности, в неге самовлюбленного неведения и сил неиспытанных, среди богатств, не купленных трудом, даровых, она (Бразилия) покоится долгим бесчувственным сном; она не мыслит – грезит; тревожится – и не стремится. Мудрено ли, что нравственная физиономия ее так неопределенна, невыразительна; что беспорядок во всех чертах ее!» – писал в середине XIX века в журнале «Современник» экономист и публицист Виктор Степанович Порошин. Несколько преувеличенно, но правдоподобно.

Латиноамериканский край не создан для размышлений. О нем лучше задумываться в Европе или на севере американского континента. Мысль, едва зародившись, имеет здесь обыкновение быстро рассасываться, рассеиваться, как дымка над Сахарной головой в Рио-де-Жанейро. Клонит ко сну, забывтью – какие там могут быть мысли?! По этой причине, возможно, в Латинской Америке так мало читают, еще меньше пишут (при всем величии латиноамериканской литературы).

Книжных магазинов мало, и содержание их скудно. Еще В.С.Порошин заметил, что чтение в этих краях «становится не занятием, а телоположением». Таким оно остается и в наше время.

Есть, правда, из числа европейских интеллектуалов и такие, которые оспаривают подобную точку зрения, даже придерживаются прямо противоположной. Французский философ Эмиль Чоран, например, полагал, что «латиноамериканцы куда начитаннее, куда образованней неизлечимо провинциальных европейцев». «Провинциальность» европейцев показалась мне из Латинской Америки вовсе не в «необразованности» и не в «неначитанности», а скорее в самодовольстве, «парализованности традицией». В том, что европейские обитатели привыкли считать себя выше других, живущих не так, как они, читающих не те книги, слушающих не ту музыку, имеющих не те манеры и привычки. Что же касается уровня образования, то, по моим поверхностным наблюдениям, Европа в этом отношении стоит несравненно выше Латинской Америки. Не сомневаюсь, что и статистика подтверждает это (под рукой у меня ее нет). Чоран, возможно, судил о лучших из лучших, а не о среднем латиноамериканце, когда писал о «начитанности».

Кроме того, не следует забывать, что эти лучшие из лучших, как правило, получили образование в университетах Европы и Северной Америки.

Для латиноамериканцев давно уже наступила эпоха «книгилизма».

Ленноватый, тягучий стиль местных писателей, ленца с какой-то моряцкой раскачкой, с ухмылкой. И вроде стиль этот старомоден – так писали в России в XIX веке. Но нечто магнетическое, магическое отличает эту манеру письма (такое не скопируешь, хотя в Европе и пытаются – для этого, наверно, надо родиться латиноамериканцем) и делает ее очень современной.

В Латинской Америке, как в других частях нашего земного шара, живучи стереотипы. Бразильцев здесь считают «детьми природы», «инфантильными», «наивными», аргентинцев – «высокомерными», «гордцами», «креольскими пруссаками», чилийцев – «южноамериканскими англичанами», мексиканцев – «кровожадными», боливийцев – «необузданными», «дикими», кубинцев – «сверхсексуальными» и т.д. Уругвайцев в этом списке нет, возможно, потому, что их считают «вариантом аргентинцев». В каждом из этих определений присутствует негативный элемент: пренебрежение, насмешка, в лучшем случае, ирония. Ведь и в Старом Свете к своим соседям относятся не лучшим образом.

В этих краях попадаешь в некую зону пустоты, одиночества, потерянности, обездоленности. Может быть, именно это одиночество⁴ заставляет фантазию в этих краях работать на полную мощность. То есть в основании здешней реальности лежит фантазия. «Ирреальность Латинской Америки настолько реальна и настолько обыденна, что ее куда как просто перепутать с тем, что понимают под реальностью» (Габриэль Гарсиа Маркес).

Что же касается реальности, то здесь нет сотканных из снов индийских дворцов и изысканных, тончайшей работы китайских пагод, нет русских сказочных церквей. В Латинской Америке не осталось ничего поистине древнего, кроме развалин. Гордятся же здесь лишь тем, что можно назвать далеко не лучшими образцами европейского искусства. Но эта вторичность, помноженная на местный колорит, создает своеобразную атмосферу, ничуть не похожую на европейскую.

В Латинской Америке, кажется, меньше фальши, притворства, больше подлинного, наивного, доверчивого.

Находясь в Латинской Америке, человек как бы входит в зону влияния этой среды (местные жители сказали бы «духов»), и с ним происходят события, подобные тем, какие случаются с героями Борхеса, Кортасара, Маркеса.

Латинскую Америку определяют как «чудо», «мираж», «мечту», «сюр» при всем том, что ее объединяют, казалось бы, противоположные понятия, такие, как «нищета», «мафия», «военная диктатура»... И все же первого я увидел (нет, лучше сказать, ощутил) гораздо больше.

*Вера в чудо! Где ты ныне,
Голубой цветок, когда-то
Расцветавший так роскошно,
В сердце юном человека! –*

писал Генрих Гейне.

Иван Гончаров из второй половины XIX века тоже с сожалением заметил: «чудеса выдохлись». Если во времена автора «Обломова» они «выдохлись», то что сказать о мире по прошествии более полутора столетий. Сейчас «чудеса» не то что «выдохлись», они попросту исчезли, испарились, и мало кто в них продолжает верить. Впрочем, отсутствие веры в чудеса вовсе не означает, что человек перестал быть любопыт-

⁴ Куда как уместно вспомнить Габриэля Маркеса с его романом «Сто лет одиночества» или Октавио Паса с эссе «Диалектика одиночества».

ным, хотя и в такой распространенной черте, как любопытство, можно различить остатки все той же веры в чудеса.

Вера в чудеса, вероятно, неизбывна, хотя мы, нынешние, закоренелые прагматики, материалисты, похоже, далеки, как никогда раньше, от всего того, что можно назвать романтикой. Но в Южной Америке невозможно не поверить в чудеса.

Иллюзии в Латинской Америке расставляют свои коварные сети; хочется их избежать, но не всегда это возможно. Конечно, было бы совсем неплохо побывать здесь в эпоху «настоящих» путешествий, когда увиденное предстало бы в своем неискаженном виде. Но, спасибо Судьбе, удалось взглянуть хоть на остатки этого праздника.

Города

Болезни состарившихся европейских городов представляются мне намного серьезней, нежели недуги сравнительно молодых городов Нового Света⁵. Старость в подавляющем большинстве случаев ближе к смерти, чем молодость. Что же касается трущоб Рио-де-Жанейро или других городов Латинской Америки, то, как показывает история, города с подобными язвами могут жить веками. В таких местах ощущается запах нищеты, а не увядания, тления, «заката» (как сказал бы Освальд Шпенглер), характерный для многих европейских (особенно итальянских) городов.

Есть сугубо нарциссические города, любующиеся собой, я их очень люблю. К ним я отношу столицы – Лондон, Париж, Вену, Вашингтон⁶, но и не только: есть среди таких городов и не столицы, например, Венеция или Толедо, неотрывно смотрящие на себя в зеркало.

Есть города самоуверенные, есть города просто довольные собой и есть города, страдающие комплексом неполноценности. Столицы, как правило, относятся к двум первым категориям – им не пристало комплексовать, к третьей же категории они относятся крайне редко.

Что касается южноамериканских столиц, то к самоуверенным я бы отнес лишь Буэнос-Айрес (в наивысшей степени) и Рио-де-Жанейро. Сантьяго, несомненно, доволен собой, но не более того. В отношении же Лимы или Каракаса можно сказать, что они не то чтобы испытывают

⁵ *Что касается североамериканских городов, то я вообще не заметил у них каких-либо мало-мальски видимых признаков недомогания, да и, например, в южноамериканском Буэнос-Айресе трудно различить болезненные признаки.*

⁶ *Но только не Рим – он далеко не нарцисс, его гордыня давно уже пожухла.*

комплекс неполноценности, но к достоинствам и возможностям своим относятся гораздо трезвее других столиц Южной Америки, которые мне довелось увидеть.

Есть среди городов и такие, которые можно назвать стыдливymi. Они делают вид, что вроде бы и не существуют; такие города прячутся за оградами, стенами, оврагами и лишь изредка украдкой выглядывают из-за них, чтобы убедиться в том, что на них не обращают внимания. Такие города не редкость в Латинской Америке.

Бывают города совсем иного рода. Их не назовешь нарциссами, в то же время не скажешь, что они и стыдливы. Я говорю о бесстрастных, просто не обращающих внимания на гостей городах, живущих сами по себе. Им никто не нужен, и они не озабочены тем, чтобы быть нужными другим.

Среди городов (и латиноамериканских в том числе) попадаются и такие, которые недвусмысленно дают понять гостю о том, что он незваный. О гостеприимстве, настороженности или недоброжелательности города можно судить не столько по настроению жителей, сколько по не поддающейся описанию атмосфере, лишь отчасти запечатленной в зримом – в камне, асфальте, бетоне, стекле.

Нет городов без площадей, как не бывает людей без сердец. Бывают бессердечные люди, но и площади тоже бывают холодными, бесстрастными. И еще одно сравнение: площади подобны абзацам в тексте; утомительно читать страницу за страницей без всякой остановки. Без площадей была бы монотонная чересполосица улиц, переулков, тупиков, дворов и подворотен, скучных, безликих, утомительных. Площади – это праздники городов, яркие блики на сером фоне, отдых после долгих буден. Особенно нарядны главные площади латиноамериканских городов. Некоторые из них выглядели бы просто бесцветными, неказистыми без площадей. По сути, смотреть было бы не на что (Гватемала-Сити, Сан-Хосе и др.).

Атмосферу города определяет не только дух улиц и площадей, но и транспорт, определяет визуально, акустически, психологически. Трамваи и троллейбусы (в меньшей степени) утепляют города, автобусы, напротив, отяжеляют их атмосферу. Вообще-то город украшает полное отсутствие наземного транспорта. Но такой город в мире только один – Венеция.

Что же касается латиноамериканских городов, то по большей части они автобусные.

Города – живые организмы. Вот и бывают города здоровые и больные. Как люди. Для точности определения состояния здоровья человека

ИЗ ДНЕВНИКА ДИЛЕТАНТА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА

существует множество определителей, анализов. Анализ городу тоже, конечно, можно сделать; для этого существуют социологические опросы, определителями здоровья города служат и вполне объективные данные, вроде количества школ, больниц, безработных и многое другое. Но, когда приезжаешь в город на один или несколько дней и не ставишь перед собой глобальной цели изучения всех этих данных, а хочешь просто побродить, посмотреть и подышать, здоровье города определяешь только на глазок, почти интуитивно. Такой взгляд, конечно, субъективен, но иной раз не лишен, как мне кажется, и объективных элементов.

Рио-де-Жанейро, при всех его трудностях, дышит здоровьем, это видно с первого взгляда, и анализ делать не надо. Здоровяк, с превосходным настроением, без всяких видимых комплексов.

Рио-де-Жанейро

Под стать ему коста-риканский Сан-Хосе. Этот коротышка-пузан не то что не страдает какими-то болезнями, он просто вообще не догадывается об их существовании.

Буэнос-Айрес тоже не хил, может похвастать своими физическими данными (в этом ему даже Рио-де-Жанейро может позавидовать), ему лишь мешает эгоцентризм, постоянно изнуряющая самооценка, скрупу-

лезное всматривание в себя, делающее его не то что неврастеником, но несколько неуравновешенным, иной раз съезжающим с тормозов.

В возбужденном состоянии, похоже, находится и Каракас. Что же касается Лимы, Сантьяго или Гватемала-Сити, то здоровье их несколько пошаливает, причем не столько физическое (иногда, правда, и физическое), сколько психическое. Эти столицы производят впечатление заторможенных городов, особенно если приедешь сюда после Буэнос-Айреса и Рио. Создается впечатление, что они хватили изрядную дозу транквилизаторов. Вот и пребывают в некотором сомнамбулическом состоянии, за которым угадывается скрытый психоз, который, того и гляди, выскочит наружу. Особенно это имеет отношение к Сантьяго. Однако у него есть одно несомненное преимущество перед Лимой: у Сантьяго проявляются некоторые признаки, свидетельствующие о возможном выздоровлении, причем в ближайшее время. У Лимы этих признаков не наблюдается.

Города, как и люди, имеют свой темперамент. Буэнос-Айрес – город-меланхолик; Рио-де-Жанейро – город-холерик; Каракас, Гватемала-Сити, Сан-Хосе – города-сангвиники; Сантьяго и Лима – города-флегматики.

Есть города, имеющие усталый вид. Усталость города не зависит от возраста, ее причина кроется в недостаточной внутренней энергетике. Чего-чего, но этого о Рио не скажешь. Город не то что еще не успел утомиться – он, пожалуй, пока даже и не представляет, что это такое. Он юн и полон сил, а устали, может быть, Рим или Венеция, но уж никак не Рио-де-Жанейро.

Продолжая классификацию городов, отмечу, что есть города с душой, а есть города напрочь ее лишенные. Второе абсолютно не имеет отношения к Буэнос-Айресу или Рио. Бездушные города (особенно столицы) встречаются по большей части в Европе и Северной Америке, на Юге американского континента таковые мне не попадались.

В латиноамериканских городах и городках, которые мы проезжали, сутились простые люди, по причине своей простоты казавшиеся счастливыми.

В Москве по приезде из Аргентины в руки попала книга современного автора Брюса Чатвина «Патагония», в которой он сопоставляет Аргентину с Россией и Буэнос-Айрес с русскими городами:

«Город (Буэнос-Айрес) напоминал мне о России: машины тайной полиции с торчащими антеннами, широкобедрые женщины, которые лижут мороженое в пыльных парках, и такие же подавляющие мону-

менты, такая же картонная архитектура, такие же проспекты, которые, не будучи прямыми, создают иллюзию бесконечного пространства и ведут в никуда.

Базаров мог бы жить в Аргентине, сюжет "Вишневого сада" – это аргентинский сюжет. Россия с ее продажными чиновниками, прижimi-стыми кулаками, Россия, которая закупает продукты за границей, а российский помещики с подозрением косятся на Европу».

Чатвину, возможно, виднее (он долгое время провел в Аргентине), хотя трудно понять, о каком времени идет речь. Что же касается меня, то Аргентину я такой не увидел; не нашел я ничего общего и между Буэнос-Айресом и русскими городами.

Современные индейцы

Видимо, у индейцев Анд врожденный вкус. Простые, безграмотные люди лепят изысканные сосуды, рисуют

удивительные картины, наносят искуснейший орнамент на ткань...

Современные дети Перу

Многие авторы, пишущие об индейцах, любят пускать сентиментальные слюни. Такого рода писания вызывали чуть ли не чувство ненависти у Дэвида Лоуренса, того самого замечательного англичанина, который написал «Любовника леди Чаттерлей». Лоуренс замечал, что

эта сентиментальность, преследующая некоторых интеллектуалов, «как запах тухлых яиц», объясняется их нежеланием понять, что индеец мыслит по-иному. «Попытка один поток сознания выразить с помощью понятий и терминов другого, с тем чтобы разобраться в том и другом, поведет вас по ложному пути», – предупреждал писатель.

Эту мысль Лоуренс поясняет на примере развлечений индейцев. Для того, чтобы понять суть этих развлечений, следует, прежде всего, разрушить свои представления о развлечениях. Одна из любимых забав индейцев – вечернее пение вокруг барабана. И русские, и французы, и многие другие европейцы и неевропейцы тоже любят вечерами сидеть у костра и петь песни. Но разница между нашим пением и пением индейцев немалая. Европейцы поют лирические или веселые песни, баллады, они переживают, сопереживают, соизмеряют со своими чувствами то, о чем поют. В песнях же индейцев нет слов, нет образов. Если попросить их рассказать, о чем они поют, они скажут что-нибудь вроде: это песня вернувшегося с охоты человека или песня-заклинание с просьбой о дожде, о проросшем зерне, о здоровье заболевшего и т.д. Такие ритуальные песнопения я слышал и в сельве верховья Амазонки, и в районе озера Титикака, и в перуанских Андах.

В отличие от песен так называемых цивилизованных народов, в песнях индейцев личностный элемент абсолютно отсутствует. В них слышится опыт племенной, родовой, но никак не личностный. На охоту ходит любой индеец и побеждает он не определенного зверя, а злого демона пумы, ягуара или крокодила. В песне – скорее опыт голоса крови, а не ума или души; песня индейца ритмична, но не мелодична. «Поэтому, – замечает Лоуренс, – нам кажется, что в их пении нет мелодии. Мелодию рождает глубоко личное переживание, так же как оркестровая музыка сливается в гармоническое целое из многих отдельных мелодий чувств и воспоминаний».

Песня индейца – это гортанные, клопочущие, каркающие, хлюпающие звуки, радостно вырывающиеся из свободной широкой груди под мощным напором родового опыта.

Такой же и индейский танец, естественный, безыскусный. Пульсирующая, как учащенные удары сердца, дробь барабана. В нем судорожный, тревожный ритм самой жизни. Барабан разгоняет кровь, учащает пульс наблюдающих за танцем зрителей (не говоря уже о самих танцующих), включает их в свое колдовское действие.

Африканские танцы чувственны, арабские и испанские – эротичны, русские – лиричны, аргентинские – философичны. Что же касается тан-

цев инкских индейцев, то они показались мне монотонными, заторможенными, при всей их ритмичности. В этих танцах есть нечто магическое, гипнотическое, сомнамбулическое. Пульс четкий, но замедленный, некая брадикардия.

Танцы отражают общий ритм здешней жизни. И ленивец, можно сказать, самый типичный представитель местной фауны. Он ведь не от природы такой замедленный; он такой оттого, что днями и ночами потребляет наркотические листья эвкалипта, растущие на вершине этих деревьев.

Не знаю, насколько правомерно такое сравнение, но нынешний андский индеец – потомок инков или майя из Мексики, Гватемалы или Гондураса – напоминает европейского средневекового человека, сверявшего каждый свой шаг с Богом; он всегда опасался, угодно ли Богу то или иное его действие. Так же и индеец находится в напряженном состоянии, постоянно опасаясь кары духов, бдительно отслеживая, как то или иное его действие может повлиять на его дальнейшую жизнь.

У индейцев нет Единого Бога, нет и Единого Духа. У них все сущее божественно, у них все вокруг живое. Они не считают, что их кто-то создал. Между Духом и Материей различий нет.

Шаманы здесь заменяют всех и вся: иногда они посредники между духами и людьми, иногда врачи, адвокаты, учителя и много кто еще.

Индейцы никогда не спешат. Они все делают расчетливо (есть время, чтобы обмозговать). Они никогда не галдят на рынке, не ругаются, не собачатся. Чаще всего торговля идет молчаливо.

Несмотря на обычное для рынков столпотворение, здесь не наблюдается суеты, люди говорят приглушенно, чуть слышно, так что негромкий гомон толпы не способен заглушить цоканья копыт лам и альпак.

Индейцы кажутся медлительными, заторможенными, отстраненными, но не безразличными. Они интраверты, погружены в себя, они обдумывают не мысли, а чувства. Когда нарушается привычный порядок, изменяется последовательность, меняется привычное, индейцы испытывают дискомфорт.

На белого человека индейцы смотрят со стороны, наблюдают за ним с любопытством, но в свой мир не пускают. Белый человек для них – странный человек. Он не обладает многими качествами, которых с избытком хватает у индейцев. Белый человек не улавливает тонких нюансов происходящего, нечувток и невнимателен к окружающему миру, не может подражать животным, к тому же суетлив, неповоротлив и болтлив. Белый человек любит все высчитывать, измерять; он, зануда, раз-

делил день на какие-то часы, минуты и секунды, хотя проще простого поделить день на утро, день и вечер. Белолицый – вот уж крохобор! – вздумал расчертить и расстояния на отрезки: километры, метры, даже сантиметры и миллиметры. То ли дело у индейцев: «близко», «далеко», «очень далеко». Так ведь гораздо удобнее и, главное, понятней.

Мы так привыкли ко всевозможным измерениям, что если бы однажды на всей планете остановились часы, то у нас, наверно, остановились бы сердца.

Спрашиваем у друга-индейца, долго ли нам идти до нужного места. «Нет, – отвечает он, – близко, очень близко». Идем час, два. Изнемогаем от жары и усталости. Ничего себе, близко! «Далеко ли еще?» – интересуемся мы, изнуренные вконец. «Сейчас совсем уже близко», – бодро отвечает неутомимый индеец, не могущий взять в толк, как мы умудрились до такой степени утомиться, шагая всего-то несколько часов. Идем еще час – полтора...

Кажется, после Перу я перестал доверять километровым отметкам на любых латиноамериканских дорогах; мне представлялось, что «их» километры гораздо больше «наших». Они тянутся бесконечно, как латиноамериканское время.

Глаза у многих индейцев особого свойства, они какие-то потусторонние. О таких глазах (правда, совсем по другому поводу) французский художник и поэт Анри Мишо писал: «Они ходят, но глаза у них – как будто они лежат. Когда они лягут, глаза у них – как у стоящих».

У Фенимора Купера я читал когда-то о невероятном чутье и зорком глазе индейцев. В джунглях я убеждаюсь в этом буквально на каждом шагу. Сопровождающий нас индеец Виктор на огромной скорости различает мельчайшую живность, не говоря уже об обезьянке в ветвях, серебристой изящной змее или птичке колибри, скрывающихся в густой листве. Он прекрасно подражает звериному крику или птичьему щебету. Эти феноменальные свойства, передающиеся из поколения в поколение следопытов и охотников, используются для охраны границы. Подразделения индейцев-пограничников сумели доказать свою высокую эффективность в борьбе с наркоторговцами и нелегальными эмигрантами. Полученные от предков навыки «чтения природы» (умение «считывать» следы, знание повадок животных, ориентация в любой местности и т.д.) помогают индейцам быть эффективными стражами границ.

Индейцы ощущают свою связь со всем сущим. Отсюда создается впечатление, что они не смотрят на тебя – они «читают» тебя, они «читают» твою судьбу. И от этого иной раз делается страшновато.

На улицах Каракаса, да и в других венесуэльских городах, слышится постоянное чавканье: Чавес, Чавес, Чавес. Имя президента, кажется, буквально у всех на устах.

«Почему вы голосовали за Чавеса?» – спрашиваю нескольких индейцев. Смотрят с удивлением, недоуменно. Как будто бы и так не понятно. «Да потому, что он дал нам бесплатные моторы, потому что у нас бесплатный бензин, потому что бесплатно учим детей. Чавес наш, он индеец. Это богатые голосуют против него, а мы, индейцы, все за Чавеса».

«Видите, в нашей деревне деревья покрашены в цвета венесуэльского флага, – говорит другой индеец. – Это в честь победы Чавеса».

Спрашиваю у знакомого индейца, почему в деревнях так мало стариков. «Да потому, – говорит, – что работа у нас тяжелая, да и жизнь вообще нелегкая. Мало кто доживает до старости».

Майя и инки были сравнительно терпимыми, или, как бы сказали сейчас, толерантными, завоевателями. Они не уничтожали богов покоренных племен, они просто «забирали их себе», то есть начинали поклоняться и им. Возможно, поэтому власть инков называли «великодушным деспотизмом».

В Мексике, Гватемале или Перу можно столкнуться с такой необычной картиной: человек стоит у развалин храма майя или инков где-нибудь в Куско или Тикале и осеняет себя христианским крестом.

Умбанда – афро-бразильская магия Еще в Москве я узнал о своеобразной бразильской магии. И, оказавшись в Рио-де-Жанейро, конечно же, принялся расспрашивать о ней. Очень захотелось взглянуть на эти мистерии своими глазами. Но как это сделать? Кто покажет нам их? Куда надо обратиться, пойти, поехать, чтобы увидеть, как бразильцы поклоняются духам? Может быть, это тайна за семью замками и праздному наблюдателю путь к ней заказан? Сознаюсь, увидеть магические ритуалы афро-бразильской магии стало для меня чем-то вроде идеи-фикс.

Кого я ни спрашивал о древних мистериях, никто толком ничего сказать не мог: то ли скрывал, то ли не знал. Наконец, кто-то обронил: «А вы поговорите в вашей гостинице с портье. Он осведомлен обо всем на свете, а уж что касается Рио, давно».

Так я разговорился с портье Педро, похожим, скорее, на англичанина, нежели на бразильца. Сделав вид, что не понимает, о чем речь, он спросил: «А что вы имеете в виду? Что вы знаете об этой магии? В чем ее смысл? Где вы читали о ней?» и т.д. В общем, устроил небольшой экзамен, который, как я вскоре понял, закончился для меня успешно. Портье пошел к телефону, переговорил с кем-то и небрежно произнес: «Если завтра в два часа вы свободны, за вами придет машина». Конечно же, мы будем в два часа свободны, будь то дня или ночи. На всякий случай я решил уточнить: «Дня или ночи?» Портье ухмыльнулся и коротко отрубил: «Разумеется, дня».

Как хотелось, чтобы скорее закончился этот день и наступил следующий!

Религия и магия в Латинской Америке не то чтобы не противоречат друг другу, а тесно переплетены между собой, часто дополняя друг друга. Можно сказать, что магия стала некой прикладной формой религии и применяется на практике как естественное и необходимое продолжение повседневной жизни. Такое соединение вполне соответствует характеру индейцев, возвышенному и одновременно прагматичному.

Народные верования, о которых идет речь, – разновидность вуду – тайных религиозно-магических учений и практик латиноамериканцев, почитающих африканских и индейских богов и духов.

У нас сказали бы пренебрежительно: «Секта». В Бразилии слово «секта» применительно к местным верованиям не употребляется. Здесь можно услышать: я принадлежу к такому-то народу, скажем, *умбанде*, *кандомбле* или *макумбе*.

То, что нам довелось увидеть в Рио-де-Жанейро, называлось *умбандой*, хотя, как нам рассказывали, все местные верования не столь уж отличны друг от друга, вернее, отличия между ними не столь кардинальны. Кстати, ко всем этим афро-американским культам часто применяется один общий термин «*макумба*». Нам довелось увидеть самую распространенную из магических религий Бразилии.

Во всех этих верованиях существует Бог-отец и «младшие боги», представляющие собой силы природы: дождь, солнце, ветер, гром, молнию, землетрясение и т.д. С ними можно и нужно установить связь, завязать дружеские отношения с помощью символов, различных цветов, жестов, танцев, барабанных ритмов и многого другого. Все это предназначено для того, чтобы вызывать богов и духов, которые входят в тела медиумов.

Умбанда – сложная смесь верований, состоящая из спиритизма, католицизма, европейской черной магии, африканских и индейских верований. Суть *умбанды* – в искусстве вызывать духов умерших, которые должны исцелить живущих. Умбандисты верят в бессмертие человеческого духа, реинкарнацию, карму и магические действия ритуала. Судя по всему, они придают большое значение восточным верованиям, ибо считают Восток колыбелью всех религий и философий.

Я читал, что *умбандисты* добры, всегда готовы прийти на помощь слабым и немощным, от них исходит благожелательность и вовсе не боишься, что они наколдуют нечто неприятное. В доброжелательности этих поклонников магии убедились и мы во время долгой, многочасовой церемонии, когда ее участники приветливо подходили к каждому из прихожан, лучезарно улыбались, производили какие-то вычурные телодвижения, предназначавшиеся каждому, всем своим видом давая понять, что от них исходит добро.

Собственно, об этом говорят семь заповедей *умбандистов*:

1. Не делай другому того, чего бы ты не пожелал себе. (Золотое правило этики стало главной заповедью приверженцев *умбанды*.)
2. Не возжелай того, что не принадлежит тебе.
3. Помогай нуждающемуся, не задавая вопросов.
4. Уважай все религии, потому что они исходят от Бога.
5. Не критикуй того, чего не понимаешь.
6. Выполняй свою миссию, даже если она означает личную жертву.
7. Защищай себя от тех, кто творит зло, и сопротивляйся злу.

По поводу заповедей *умбандистов* можно было бы многое сказать, но здесь вряд ли уместны подробные комментарии. И все же всего два слова. Чего стоит, например, третья заповедь приверженцев *умбанды*?! Помогай тем, кто нуждается в твоей помощи, и не лезь к ним в душу, делай добро, не акцентируя внимание на том, что ты совершаешь. Или замечательная четвертая заповедь, призывающая к веротерпимости. Далеко не все религиозные системы включают в свои заповеди подобный пункт.

Умбанда – это верование среднего класса, хотя ее исповедуют люди самых разных слоев общества, всех возрастов, рас и национальностей. За приверженность своей вере *умбандистов* долгое время преследовали, лишали свободы. Лишь в 1960 году *умбанда* была легализована.

Ровно в два к дверям гостиницы подъехала машина, в ней сидела высокая симпатичная негрityанка, которая и повезла нас на неведомое нам действо через весь город. Путь лежал на север, в район бедных и

беднейших кварталов. Мы долго кружили по улицам и улочкам, ехали то в одну, то в другую сторону, поворачивали, разворачивались, наконец, машина остановилась среди невзрачных серых построек. Перед нами было малопримечательное здание, называемое храмом. Нас предупредили, чтобы мы сидели тихо и всем своим поведением, нет, не только поведением, но и видом, демонстрировали полную лояльность всему увиденному и услышанному. Мы заверили, что будем паиньками.

Итак, мы оказались в зале для совершения магических ритуалов (такие помещения в Бразилии называются *террейру*). Внешний вид зала снаружи и внутри оказался более чем обычным, даже, я бы сказал, заурядным. Помещение лишено всяких украшений, фресок или икон. Зал был разделен простыми скамьями на две части: слева сидели женщины, справа – мужчины. Не сказать, чтобы их было много, не более десятка с каждой стороны. Правда, по ходу действия широкие двери храма часенко открывались и народ постепенно заполнял пустующие скамейки.

В просторной центральной части зала находился алтарь, неподалеку справа – место для музыкантов. Эта часть *террейру* была отделена перилами от пространства, отведенного для прихожан. К храму примыкал и небольшой двор. С правой стороны зала, как раз там, где я сидел, находился выход в этот пеналообразный двор, где, как я заметил, располагались служебные помещения. Возможно, некоторые из них были жилами, там же была и столовая.

У входа в центральную часть установлен большой крест, по бокам я заметил несколько топорно выполненных статуэток с изображением *ориша* – духов, божеств. Эти *ориша* имеют своих христианских двойников, поэтому-то статуэтки в таких *террейру* напоминают Иисуса Христа, Деву Марию, святых Косму и Демьяна, Георгия, Антония, Варвару и других, бывают среди них фигурки Жанны д'Арк и Франциска Ассизского.

Когда мы вошли в помещение, действие уже началось. Женщины и мужчины (женщин было гораздо больше) разных возрастов в белоснежных одеждах (белый здесь рассматривается как цвет смерти) сосредоточенно молились в центральной части зала. Их лица были непроницаемы, а движения отработаны до мелочей. Поначалу мне показалось, что происходящее на «сцене» мало чем отличается от обычной службы в католическом соборе. Произносились, повторялись какие-то молитвы на незнакомом языке. Среди людей в белом выделялась немолодая чернокожая женщина, она долго говорила, и ей послушно вторили остальные. Она явно задавала тон всему происходящему, которое показалось мне

тривиальным, давно знакомым по службам в католических соборах. Я даже, было, пожалел, что затеял все это «мероприятие», можно было бы не терять времени зря, поплавать в бассейне или сходить в какой-нибудь музей. Но и уходить тоже не хотелось: а вдруг все-таки увидим что-нибудь необычное, да и неудобно было перед нашей провожатой. К тому же, насколько я знал, уход со службы считается здесь делом не только невежливым, но и опасным, потому что вызванные медиумами души мертвых могут проскользнуть из помещения в открытую дверь и начать разгуливать среди живых.

То, что происходило на наших глазах, можно было увидеть разве что в сновидениях. Причем, когда действие еще лишь только начиналось и разворачивалось по нарастающей, мне стало казаться, что я уже где-то видел это безумное кружение, напряженную суету, толчею, судорожность болезненных телодвижений женщин и мужчин. То были, возможно, далекие, может быть, еще детские и не самые радужные сны. От таких снов пробуждаются с чувством облегчения: какое счастье, что то был сон, а не явь, при всем том, что зловещего в происходящем вовсе не было. Ощущение зловещести создавал, очевидно, какой-то странный, рваный, потусторонний характер движений людей в белом. Такое вполне могла бы нарисовать фантазия Босха или Сальвадора Дали. Происходящее могло бы быть и постановкой какой-нибудь сюрреалистической пьесы, только состав актеров должен был бы быть поистине гениальным, чтобы исполнять свои роли с такой самоотдачей, как это делали участники *умбанды*. Актеры же спектакля, который разворачивался перед нами, были настолько сосредоточены, настолько непроницаемо серьезны, что их трудно было заподозрить в притворстве, в том, что они разыгрывают перед нами кем-то написанный сценарий. Кто-то лаял, кто-то завывал, кто-то ухал филином, кто-то издавал неведомые гортанные звуки.

Но большинство людей кружилось в бешеном вихре. Балетное фуэте и в подметки не годилось этому фантастическому вращению⁷. В таком темпе без остановки люди в белом кружились в одну сторону десять, пятнадцать, двадцать и даже больше минут. Причем кружащихся отделяли друг от друга буквально сантиметры – умение вращаться так долго в таком темпе, не налетая друг на друга, держа постоянную дистанцию, требует немалого искусства. Я смотрел на часы и засекал время, следя

⁷ Любая прима-балерина Большого театра могла бы позавидовать столь безукоризненному и долгому вращению.

за этим сумасшедшим кружением. Казалось, души мертвых, вызванные медиумами, парят над нашими головами.

Кто-то сходит с дистанции, видимо сил и опыта не хватает, кто-то устал, по инерции продолжая вращение. Этих явно надолго не хватит. Но были среди медиумов и явные рекордсмены. Совсем не молодая особа, лет эдак семидесяти, легко и грациозно вращается в течение нескольких десятков минут. Крашенный в рыжий цвет долговязый парень, молодой и миловидный, побивает, кажется, все рекорды. Его безумные глаза устремлены в потолок, а тело без всяких видимых усилий в течение получаса вращается как волчок. На короткое время он останавливается, а потом с места в карьер продолжает долгое сумасшедшее вращение.

Но не все медиумы кружатся, некоторые из них, сохраняя индейскую веру в духов животных, в экстазе исполняют роль птицы, змеи или крокодила, ползают, прыгают, широко открывают рты; некоторые истоиво расчесывают волосы, другие имитируют стирку белья, мытье головы, бегство от ливня. Вода стала главным содержанием разворачивающегося действия. Видимо, участники церемонии вызывали духов воды, дождя, ливня, рек и ручьев. Люди постепенно входят в транс, в раж, их движения убыстряются, становятся все более и более импульсивными, но при этом вполне координированными.

Когда сидишь и наблюдаешь за происходящим в *террейру*, трудно представить, что участники *умбандийских* церемоний – обычные люди, у которых есть семья, дети, работа, которые вне ритуальных действий ведут обыденную, повседневную жизнь. Сопровождавшая нас женщина, близкая кругам медиумов или сама таковая, рассказывала, что кружащиеся на «сцене» люди – домашняя прислуга, школьные учителя, врачи, бизнесмены, правительственные чиновники и другие высокие должностные лица, люди самых разнообразных профессий.

Во времена диктатуры в Бразилии военные лидеры страны частенько заходили в *террейру* для того, чтобы проконсультироваться с медиумами о том, как им удержать власть.

Зловещим развернувшееся действие показалось мне лишь в самом начале; ко второму или третьему часу оно постепенно окрасилось в более радужные тона, а к концу церемонии и вовсе представилось в самом что ни на есть радостном облики. Во всяком случае, то, что мы наблюдали, подтверждает правдивость заверений бразильских медиумов, которые часто повторяют, что они используют магию исключительно в добрых

целях и отказываются от негативных заклинаний. Они не перестают повторять, что осуждают черную магию.

Люди в белом часто обнимались, пожимали друг другу руки, демонстрируя единение, братство. Об этом же свидетельствовали и светящиеся красные буквы на кресте, составлявшие слова: «Любите друг друга». Они благосклонно смотрели на нас, прихожан и зевак, подходили близко, совсем вплотную, совершали перед нами какие-то телодвижения; во всем этом нельзя было усмотреть ничего другого, кроме желания сделать нам добро. И в этой их позиции есть своя логика. Вот, например, как объясняет желание *умбандистов* совершать добрые дела признанный гуру бразильской *умбанды* Хосе Рибейру:

«Зло не может принести добра – так гласит Закон Возвращения. Иначе говоря, зло, которое мы посылаем своим врагам, возвращается к нам... Раньше или позже, мы всегда платим свои долги. Эта планета – мир испытаний. Здесь мы страдаем, здесь мы учимся, сюда мы возвращаемся столько раз, сколько будет нужно для развития нашего духа. Поэтому бесполезно искать возмездия в этой инкарнации. Столь низкие мысли задерживают наше духовное развитие и помогают держать нас заключенными материального мира».

В общем, вышли мы из *террейру*, переполненные эмоциями, несколько подавленные, но явно просветленные. Где такое могли бы мы увидеть?! Нам удалось заглянуть в совершенно недоступный нам уголок жизни. И мы не пожалели об этом.

* * *

Каким бы прекрасным ни было путешествие, оно всегда ограничено пространством и временем, поэтому-то «встреча безмерности мечты с предельностью морей» (Бодлер) часто действует отрезвляюще. Но лишь до следующей «встречи».

Конечно же, путешествие заканчивается не чем иным, как возвращением в рутину будней, от которой и уезжал.

Осуществленная мечта удовлетворения не приносит. Наступает временная пустота. Но без мечты жить невероятно трудно. И вот уже тайком прокрадывается другая мечта, а та старая – осуществленная – стремительно удаляется в прошлое. Теперь тянет совсем в другую точку земного шара. Ведь перемещение тела в пространстве – лишь часть путешествия под названием жизнь. Так что, пока мы живем, мы – в пути, а то, что пишем в его продолжение, – путевые заметки.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Гринеvский Олег Алексеевич

доктор исторических наук,
чрезвычайный и полномочный посол в отставке,
руководитель Центра Европа–США, ин-т Европы РАН,
профессор РГУ и МГИМО

Тхагапсоев Хажисмель Гисович

доктор философских наук,
профессор Кабардино-Балкарского государственного
университета

Кургинян Ирина Сергеевна

сотрудник аналитического отдела
Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»

Марьина Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Лапицкий Марк Исаакович

доктор исторических наук,
профессор Российской академии внешней торговли

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center»,
editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Grinevsky Oleg Alekseevich

D. Sci., historian, Professor of Russian State University
for the Humanities (RSUH) and Moscow State Institute
of International Relations (University), Ambassador Extraordinary
and Plenipotentiary, Director of the Center «Europe–USA»,
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Tkhagapsoev Khazhismel' Gisovich

D.Sci. in philosophy,
Professor of the Kabardino-Balkarian State University

Kurginyan Irina Sergeevna

the researcher of the analytical department
of the International Public Foundation «Experimental Creative Center»

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor,
the Chief researcher of the Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Lapitsky Mark Isaakovich

D. Sci, historian, Professor of Russian Academy of Foreign Trade

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Фаланстер», М.Гнездииковский пер., д.12/27, стр.3;
магазины издательства «РОССПЭН»:
Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;
магазин ОГИ, Потаповский пер., д.8/12;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ый читательский
подъезд;
книжная ярмарка в «Олимпийском», стенд 109

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»

Альтернативная подписка:

ООО «ИнтерПочта-2003»

тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64

ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

В редакции подписка и продажа льготные.

Тел. (495)691-74-79 E-mail: bushueva@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

**Для иностранных читателей подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:**

тел. (495) 672-70-12 e-mail: export@periodicals.ru

**Открыта подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru**

4.2008 july-august

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

The Russian Elite and Challenges of the Time ___ 4

Geopolitics and International Policy Issues

Oleg Grinevsky

Breakthrough in Unification of Germany _____ 44

National Doctrine

Khazhismel' Tkhagapsoev

Russia Today:
'Objective Reality Transformed'? _____ 68

The Faces of Catastrophe

Irina Kurginyan

‘KRAHO-DEL’ Project.
Separatism in the Present Day Russia:
Facts and Trends _____ **90**

Pages of History

Valentina Mar'ina

E. Benes: between London and Moscow.
From Plan of Czechoslovakian-Polish
Confederation to the Idea
of the Soviet-Czechoslovakian Treaty
of 1943 (the end) _____ **116**

Russia in the World

Mark Lapitsky

Excerpts from a Dilettant-Traveller's
Diary _____ **150**